

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

КОРМЧІЯ ЗВѢЗДЫ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Кормчія Звѣзды.

КНИГА ЛИРИКИ.

Poco potea parer li del di fuori:
Ma per quel poco vedev'io le stelle
Di lor solere e più chiare e maggiori.

Dante, Purg. XXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1903

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПАМЯТИ МАТЕРИ.

Вчера во мглѣ неслись Титаны
На приступъ молнійныхъ бойницъ,
И широко сшибались станы
Раскатомъ громкихъ колесницъ:

А нынѣ, силъ избытокъ знойный
Проливъ на тризнѣ лѣтнихъ бурь,
Улыбкой Осени спокойной
Яснѣетъ хладная лазурь.

Она пришла съ своей кошницей,
Пора свершительныхъ отрадъ,
И златотканой багряницей
Нашъ убираетъ виноградъ.

И долго Сѣверъ снѣжной тучей
Благихъ небесъ не омрачитъ,
И пламень юности летучей
Земля, сокрывъ, не расточитъ.

И дней незрѣлыхъ цвѣтъ увядшій
На пирѣ пурпурномъ забвенъ;
И первый листъ любезенъ падшій,
И первый плодъ благословенъ.

ПОРЫВЪ И ГРАНИ.

Du regst und rührst ein kräftiges
Beschliessen,
Zum höchsten Dasein immerfort zu
streben...

Goethe, Faust II.

КРАСОТА.

Владиміру Сергѣевичу Соловьеву.

Περί τ'ἀμφί τε κάλλος ἄητο.
Hymn. Homer.

Вижу васъ, божественныя дали,
Умбрскихъ горъ синѣющій кристалъ!
Ахъ! тамъ сонъ мой боги оправдали:
Въявѣ тамъ онъ путнику предсталъ...
    «Дочь ли ты земли
    Иль небесъ,—внемли:
Твой я! Вѣчно мнѣ твой ликъ блисталъ».

— «Тайна мнѣ самой и тайна міру,
Я, въ моей обители земной,
Се, гряду по свѣтлому эѳиру:
Путникъ, зрѣть отнынѣ будешь мной!
    Кто мой ликъ узрѣлъ,
    Тотъ навѣкъ прозрѣлъ—
Дольній міръ навѣкъ предъ нимъ иной.

4

«Радостно по цвѣтоносной Геѣ
Я иду, не вѣдая—куда.
Я служу съ улыбкой Адрастеѣ,
Благосклонно—дѣвственно—чужда.
Я ношу кольцо,
И мое лицо—
Кроткій лучъ таинственнаго Да».

ПРОБУЖДЕНІЕ.

И былъ я подобенъ
Уснувшему розовымъ вечеромъ
На палубѣ шаткой
При кликахъ пловцовъ,
Подъемлющихъ якорь.

Проснулся — глядитъ
Гость корабельный:
Виситъ огнезрящая
И дышитъ надъ нимъ
Живая бездна...
Глухая бездна
Ропщетъ подъ нимъ...
Гнетъ вѣтръ неудержный
Мачты упорныя —
И, мѣрная, въ небѣ высокомъ
Отъ созвѣздья ходитъ
До созвѣздья щогла...

6

Глядитъ — не дышитъ
Вѣрнаго брега сынъ,
Потерянъ въ безднахъ...
А съ нимъ плывутъ,
Вѣрнѣе брега,
Кормчія звѣзды!

ДУХЪ.

L'Amor che muove il Sole e l'altre stelle.

Dante, Parad. XXXIII.

Надъ бездной ночи Духъ, горя,
Міры водилъ Любви кормиломъ;
Мой духъ, ширяясь и паря,
Летѣлъ во срѣтенье свѣтиламъ.

И безднѣ—бездной отвѣчалъ;
И твердь держалъ безбрежнымъ лономъ;
И разгорался, и звучалъ
Съ огнеоружнымъ легіономъ.

Любовь, какъ атомъ огневой,
Его въ пожаръ міровъ метнула;
Въ немъ на себя Она взглянула —
И въ Ней узналъ онъ пламень свой.

ПЕРСТЬ.

Воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ
и за все виноватъ.
Достоевскій.

День бѣлоогненный палилъ;
Не молкъ цикады скрежетъ знойный;
И кипарисовъ облакъ стройный
Виталъ надъ мраморомъ могилъ.

Я палъ, сраженъ души недугомъ...
Но къ праху прахъ былъ щедръ и добръ:
Пчела вилась надъ жаркимъ лугомъ,
И сохъ, благоухая, чобръ...

Укоръ ужъ сердца не терзалъ:
Мой умеръ грѣхъ съ моей гордыней,—
И, вновь роднимъ съ родной святыней,
Я Землю, Землю лобызалъ!

9

Она ждала, она прощала —
И сладокъ кроткій былъ залогъ;
И все, что̀ духъ сдержать не могъ,
Она смиренно обѣщала.

ВОПЛОЩЕНІЕ.

Мнѣ снился сонъ: летѣлъ я въ міръ подлунный,
Нежившій духъ,
И хоръ планетъ гармоньей семиструнной
Ласкалъ мой слухъ;

И хоръ планетъ красой семивѣнчанной
Мой взоръ ласкалъ:
Я міръ любилъ, и — къ жизни духъ избрȧнный—
Я жить алкалъ.

И спутника, у дольняго порога,
Я сталъ молить:
«Въ мой вѣкъ земной, о, дай мнѣ жизней много,
Извѣдавъ, слить!

«Дай мнѣ любить все, что̀ восторговъ плѣнныхъ
Достойно тамъ;
Дай мнѣ вмѣстить кумировъ много тлѣнныхъ
Въ мой тлѣнный храмъ!»

И вождь въ отвѣтъ: «Вдвойнѣ живущій страждетъ
Вдвойнѣ. Прости!—
Ты восхотѣлъ: живетъ, что̀ жизни жаждетъ:
Дерзай, вмѣсти!»

И встрѣчный хоръ «прости» сказавшихъ тлѣну,
Стеная, пѣлъ:
«О, алчный духъ! ты не любовь,—измѣну
Избралъ въ удѣлъ.

«Тѣсна любви единой грань земная:
Кто любитъ вновь,
Живучую тотъ душитъ, проклиная,
Въ груди любовь.

«Онъ осужденъ развѣять прахъ священный,
Ковчегъ разбить,
Но милый прахъ, въ забвеньи незабвенный,—
Казнясь, любить!..»

И новый хоръ, мимоидя изъ плѣна,
Стеная, пѣлъ:
«О, алчный духъ! твоя любовь—измѣна,
Но гладъ—удѣлъ!..»

И, съ ужасомъ внимая укоризнѣ,
Моихъ небесъ
Возжаждалъ я на прагѣ темной жизни,—
И сонъ исчезъ...

ВЪ КОЛИЗЕѢ.

Great is their love, who love in sin
and fear.

Byron.

День влажнокудрый досіялъ,
Межъ тучъ огонь вечерній сѣя.
Вкругъ помрачался, вкругъ зіялъ
Недвижный хаосъ Колизея.

Глядѣли изъ стихійной тьмы
Судебъ безвременныя очи...
День бурь истомныхъ къ прагу ночи,
День алчный провождали мы—

Межъ глыбъ, чья вѣчность роковая
Въ грѣхѣ святилась и крови,—
Духъ безнадежный предавая
Преступнымъ терніямъ любви,—

Стѣснясь, какъ два листа, что̀ мчитъ,
Безвольныхъ, жадный плѣнъ свободы,
Доколь ихъ слившей непогоды
Вновь легкій вздохъ не разлучитъ...

LA SELVA OSCURA.

*

Nel mezzo del cammin di nostra vita...

Dante.

Все горы, за грядой гряда;
Все черный, старый лѣсъ.
Свѣтлѣетъ ночь. Горитъ звѣзда
Въ дали святой небесъ.

О, дольній мракъ! О, дольній лѣсъ!
И ты—вдали—одна...
Потиръ земли, потиръ небесъ
Испили мы до дна.

О, крестъ земли! О, крестъ небесъ!
И каждый мигъ—«прости»!
И вздохи горъ, и долго—лѣсъ,
И долго—крестъ нести!

———

ПѢСНЬ ПОТОМКОВЪ КАИНОВЫХЪ.

ХОРЪ МУЖЧИНЪ.

Какъ привѣтъ изъ устъ родимой—
Запахъ милъ сырой земли!
Нѣдръ твоихъ въ тайникъ незримый
Мы надежды погребли.
Мать, взлелѣй святое сѣмя!
Жизнь изъ тлѣнья пробуди!
И страды юдольной бремя
Жатвой намъ вознагради!

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ.

Любо жатвы злакамъ тучнымъ,
И цвѣтамъ, и древесамъ—
Быть съ тобою неразлучнымъ,
Воздыхая къ небесамъ.
Полусонны, полуживы,
Мать-Земля, они, какъ ты,
Такъ же кротко-молчаливы,
И безстрастны, и святы!

ХОРЪ МУЖЧИНЪ.

О, зачѣмъ слѣпая воля
Насъ отторгла отъ тебя—
И скитаться наша доля,
Ненавидя и любя?
Огнь сжигаетъ насъ мятежный,
Насъ пятнаетъ страсть и гнѣвъ,
И для жатвы неизбѣжной
Преступленья зрѣетъ сѣвъ.

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ.

Мать, отверженнымъ объятья
Миротворныя раскрой!
Даръ сознанья—даръ проклятья—
Угаси въ землѣ сырой:
Да изъ нѣдръ твоихъ священныхъ
Встанемъ—дольніе цвѣты,
Встанемъ—класы нивъ смиренныхъ,
Непорочны и святы!

ПОКОРНОСТЬ.

И сердце вновь горитъ и любитъ—
оттого,
Что не любить оно не можетъ.
Пушкинъ.

Ты любишь горестно и трудно.
Пушкинъ.

Иду въ вечерней мглѣ подъ сводами древесъ.
Звѣзда, какъ перлъ слезы, на блѣдный ликъ небесъ
Явилась, и дрожитъ... Иду, какъ вѣрный воинъ,—
Усталъ—и мужественъ. Унылый духъ спокоенъ...

Эоны долгіе, свѣтило, ты плывешь;
Ты мой летучій вѣкъ, какъ день, переживешь;
Мы—братья чуждые: но мой привѣтъ печальный
Тебѣ сопутствуетъ въ твоей дорогѣ дальной!

Свѣтило братское, во мнѣ зажгло ты вновь
Неутолимую, напрасную любовь!
Дѣтей творенія, насъ, въ разлученной долѣ,
Покорность единитъ единой вѣчной Волѣ.

17

Какъ осенью листы, смѣняясь безъ конца,
Несутся смертные дыханіемъ Отца;
Простертыя, на мигъ соединяютъ руки—
И вновь гонимы въ даль забывчивой разлуки...

Сосредоточивъ жаръ, объемлющій весь міръ,
Мы любимъ въ Женщинѣ его живой кумиръ:
Но въ грани существа безвыходно стѣсненный,
Нашъ тайный, лучшій пылъ умретъ неизъясненный...

Иду. Въ лазури ночь и вѣетъ, и паритъ;
Свѣтило вѣчное торжественнѣй горитъ:
А долу дышитъ мгла, влажнѣй густыя тѣни,
И тлѣньемъ пахнетъ лѣсъ, подобный смертной сѣни.

Покорность! намъ испить три чаши суждено:
Дано намъ умереть, какъ намъ любить дано;
Гонясь за призракомъ—и близкимъ, и далёкимъ,—
Дано намъ быть въ любви и въ смерти одинокимъ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Fühl'es vor! Du wirst gefunden:
Traue neuem Tagesblick!
Goethe, Faust II.

Надъ опаловымъ востокомъ
Въ легіонѣ свѣтлоокомъ
Блещетъ вѣстница Зари.
Раннихъ пастырей отрада,
Утра близкаго лампада,
Благовѣстная, гори!..

Зеленѣются поляны;
Зачернѣлась сквозь туманы
Нови крайней полоса.
Звѣзды теплятся далече,
Дня сіяющей предтечѣ
Уступая небеса...

Ты одна, въ вѣнцѣ разсвѣта,
Клонишь взоры, чадо свѣта,
Къ намъ съ воздушнаго шатра,

Бѣдныхъ сновъ утѣшный генiй,
Средь немеркнущихъ селенiй
Мiра дольняго сестра!

Надъ мерцающимъ бореньемъ
Ты сiяешь увѣреньемъ:
«Жизни вѣрь, и жизнь вдохни!»
И летящихъ по эѳиру
Ты лучей ласкаешь лиру:
«Вѣрь, и виждь!» поютъ они...

Надъ шафрановымъ востокомъ,
Въ небѣ легкомъ и далёкомъ,
Гаснетъ спутница Зари.
Угасай, лилея неба!
Ты же, вождь крылатый Феба,
Алымъ полымемъ гори!

Вспыхни, Солнце! Богъ, воскресни!
Ярче, жаворонка пѣсни,
Лейтесь въ золото небесъ!
День грядетъ, Аврора блещетъ,—
И твой тихiй лучъ трепещетъ,
И твой блѣдный ликъ—исчезъ...

Но, незримая, надъ нами,
За лазурными волнами,
Чистымъ генiемъ пребудь!
Какъ сестра предъ братней битвой,
Дольнiй мiръ твоей молитвой
Проводи въ тревожный путь!

И когда для жертвы мирной
Ночь раздвинетъ храмъ эѳирный,
Снова свѣточъ твой яви —
И, предтеча славъ нетлѣнныхъ,
Отблескъ тайнъ богоявленныхъ
Въ грезѣ зрящей оживи!

ЗВѢЗДНОЕ НЕБО.

Во младенческомъ покоѣ
Свѣтитъ узкій лунный рогъ;
А вокругъ—огонь и трепетъ
Чистыхъ, сладостныхъ тревогъ
Духа пламеннымъ дыханьемъ
Сѣвы Божіи полны,
И струи небесъ прозрачныхъ
Вглубь до дна оживлены.

Око въ радостномъ покоѣ
Отдыхаетъ, какъ луна;
Сердце жъ алчетъ части равной
Въ тайнѣ звѣздъ и въ тайнѣ дна:
Пламенѣетъ, и пророчитъ,
И за вѣчною чертой
Новый міръ увидѣть хочетъ
Съ искупленной Красотой.

ОКЕАНИДЫ.

'Αρχαιότερον ἡ ἀναρχία τῆς εὐνομίας.

Взываютъ... Дщери Океана!
Одинъ вознесъ вашъ дивный хоръ
У ногъ распятаго Титана
Къ звѣздамъ рыдающій укоръ!..

Тебѣ укоръ, кто—гнетъ въ точилѣ!
Тебѣ укоръ, чей верхъ въ борьбѣ!
Укоръ кующей звенья Силѣ!
Укоръ сомкнувшей цѣпь Судьбѣ!

Не вы, подруги Промеѳея,
Непримиримыя, не вы
Подъ иго склоните, нѣмѣя,
Бурно-кудрявыя главы!

И пусть не вамъ, мятежнымъ дѣвамъ,
Рѣшать раздоры вѣчныхъ правъ;
И пусть великодушнымъ гнѣвомъ
Не преложить временъ уставъ:

Васъ Духъ влечетъ,—громами брани
Колебля міра стройный плѣнъ,
Вѣщать, что нѣтъ живому грани,
Что древній бунтъ не одолѣнъ...

Кто внемлетъ вамъ? Въ красѣ побѣдной
Невозмутимый небосводъ
Улыбкой вызываетъ блѣдной
Отвѣтный блескъ влюбленныхъ водъ.

Навѣкъ темничныя оковы
Сковалъ вамъ раболѣпный брегъ;
Бѣжитъ, заслыша ваши зовы,
Въ укромный долъ свой Человѣкъ.

Одинъ—свободь, одинъ—избранникъ,
Пріидетъ, кому дано горѣть:
Повинный Духу—кроткій бранникъ—
Любить, воззвать, и умереть...

Жизнь—зовъ единый... Вотъ вздымится,
Мча кони гривистыхъ, Волна;
Вотъ, блеща персями, стремится,
Неудержима и гнѣвна...

Летитъ—вражды послѣднимъ стономъ
Да огласитъ моря и твердь;
Грозитъ незыблемымъ препонамъ...
Какой отпоръ! Какая смерть!..

Серебропѣнныя Мэнады!
О, Хаосъ! страшенъ вашъ завѣтъ:
Нѣтъ волѣ внѣ себя преграды...
Вамъ нѣтъ побѣды, нѣтъ отрады,
И нѣтъ надеждъ,—и мира нѣтъ!

НОЧЬ ВЪ ПУСТЫНѢ.

ДУХЪ.

Вотъ, мы одни въ ночной тиши...
Здѣсь молкнетъ отзвукъ вѣчной битвы:
Пей сладкій миръ, твори молитвы
И полной грудію дыши!

ЧЕЛОВѢКЪ.

Гдѣ мы?

ДУХЪ.

Бѣлѣя, скалъ ступени
Ведутъ на каменное дно.
Тамъ, ниже, по уступамъ—тѣни
Дубравъ. Ущелія пятно
Зіяетъ. Горныя громады
На лонѣ дальней темноты:
Вглядясь, ты различишь ихъ гряды
При свѣтѣ звѣздъ... Въ пустынѣ ты.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Какъ близокъ Миръ къ юдоли этой!
Но не почилъ еще на ней...
Грядущій гость! въ душѣ согрѣтой
Къ тебѣ порывъ алчнѣй, властнѣй...
Душа объятія раскрыла,
Горитъ, и напрягаетъ крыла,—
И волитъ духъ мятежный: пусть
Дохнётъ Любовь по лирѣ горней!
Земля нѣмотствуетъ покорнѣй,
И глубже спитъ земная грусть...
Вселенной перезвонъ соборный!
День будетъ: вольно въ груди горной,
Усталой тяжестью своей,
Родится вздохъ, отъ давнихъ дней
Желанный глухо въ дрёмѣ чёрной!
И дрогнувъ, и содвигнувъ вдругъ
Сознанье, спящее въ ихъ лонѣ,
Слѣпымъ усильѐмъ,—братскій звукъ
Отрыгнутъ бездны въ гулкомъ стонѣ!..

ДУХЪ.

Мечтатель, знай: звѣздамъ дано
Пылать въ безплодномъ, мертвомъ пылѣ,
Какъ трупъ въ огнѣ; камнямъ дано
Холоднымъ быть, какъ трупъ въ могилѣ.
Лишь вѣтру внемлетъ сонный боръ,
Заткавшій густо склоны горъ:
Такъ стадо козъ въ пещерѣ тёмной

Дрожитъ, объято мглой огромной,
И дремный напрягаетъ слухъ,
И чуетъ хладный ночи духъ...
Природа словъ твоихъ не слышитъ:
Взывай же къ ней—она не дышитъ!

ЧЕЛОВѢКЪ.

Она чуждается любви,
Себѣ въ раздѣлѣ не довлѣетъ,
Своей же плоти вождедѣетъ,
И сѣетъ въ тлѣнъ, и жнетъ въ крови.
Лишь я хочу весь міръ подвигнуть
Ко всеобъятію; лишь я
Хочу въ союзѣ бытія
Богосознанія достигнуть.

ДУХЪ.

Вѣрь, что извѣдать призванъ ты
Тобой изволенное счастье—
И воля пламенной мечты
Воспламенитъ стихій участье.
Вотъ—оглянись—внизу, вдали,
Едва вздымаясь отъ земли,
Чуть различимъ во свѣтлой ткани,
Къ намъ Призракъ простираетъ длани.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Ко мнѣ! ко мнѣ!

*

ДУХЪ.

Что жъ онъ въ отвѣтъ?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Зоветъ меня! За мной вослѣдъ
Стремися долу!..

ДУХЪ.

Здѣсь, не ближе,
Остановись! Коль станемъ ниже,
Сокроютъ обликъ ткани чаръ—
Волнистый свѣтъ, блестящій паръ...
Внимай!..

ПОТОКЪ.

Любовію томимъ,
Ты жаждешь слиться съ темнымъ хоромъ,
Съ камнями, вѣтромъ, моремъ, боромъ
Дышать дыханіемъ однимъ.
Предайся мнѣ! Я знаю ходы
Туда, гдѣ жилы міра бьютъ;
Смѣшаю съ жизнію природы
Я жизнь твою въ одинъ сосудъ.
Я милъ звѣздамъ: гоститъ ихъ много
Въ моихъ объятьяхъ—видишь самъ.
Къ морямъ лежитъ моя дорога.
Кормилецъ вѣчный я лѣсамъ.
Я—чадо скалъ: въ нихъ я родился,
Въ ихъ мракѣ долго я томился...

ДУХЪ.

Пусть не колеблетъ шаткій страхъ
Вѣсовъ свободнаго рѣшенья.
Но взвѣсь: не чары ль искушенья
Въ его посулахъ и дарахъ?..
Обособленнаго сознанья
Ты сбросишь иго съ вольныхъ плечъ:
Мы—знамя братскаго лобзанья;
Чтобъ зваться *Я*, потребенъ мечъ.
Или существъ слѣпая битва,
На вражьихъ трупахъ буйный пиръ—
Тебѣ угодны, чья молитва—
Благоволеніе и миръ?...

ЧЕЛОВѢКЪ
(прерывая рѣчь Духа).

О, горе мнѣ! Моя молитва—
Благоволеніе и миръ:
Но, мнится, я все такъ же сиръ,
Мечты губительной ловитва,—
Какъ та падучая звѣзда,
Какъ тѣ судьбы ея подруги...
Презрѣвъ уставленные круги,
Сорвавшись градомъ, безъ слѣда
Онѣ угасли... Иль манила
Любвеобильныя свѣтила
Земная грудь на скользкій склонъ
Съ тропы надежной?—тотъ же сонъ,
Чтò мной владѣетъ... Или, льстивый,
Имъ Призракъ нашепталъ, влюблёнъ,
Свои неясные призывы?...

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Алмазныя грёзы
Померкнувшихъ славъ,
Свергаясь стремглавъ,
Мы—Вѣчности слёзы.

Въ беззвучную даль,
Играючи съ бездной,
Мы грёзы надзвѣздной
Роняемъ печаль.

Въ ночи̂ безъ слѣда,
Мгновенно ль—иль вѣчно?—
Летимъ мы безпечно—
Куда?... Куда?..

Алмазныя звенья
Эѳирныхъ цѣпей...
Сафирныхъ степей
Зарницы забвенья...

Хаосъ—колыбель,
Просторъ—наша доля:
Безстрастная воля,
Безвольная цѣль...

Мы рѣемъ во снѣ
И медлимъ въ паденьѣ...

Намъ жизнь—сновидѣнье...
Намъ пламень—рожденье...
Мы гаснемъ—въ огнѣ...

ПОТОКЪ.

Ко мнѣ! ко мнѣ!..

ДУХЪ.

Міръ отягченъ глубокимъ сномъ...
Одинъ ты бодрствуешь и страждешь:
Вкуси покой!.. Любви ты жаждешь:
Испей въ объятіи одномъ
Любви могучей кубокъ полный!
Объемлютъ ласковыя волны
Страстнѣй, чѣмъ люди!.. Слѣпо вѣрь,
Въ обманъ увѣруй—и къ свободѣ,
И къ любящей, живой Природѣ—
Отворитъ Смерть страдальцу дверь...

ДУХИ ПУСТЫНИ

(догоняя одинъ другого).

— Гдѣ ты?—Вотъ я!—
Одна семья
Пустынныхъ чадъ—
Предразсвѣтный хладъ,
За струей струя,
Чрезъ дебрь и ночь...
Кто за нашей межой,
На краю быстринъ?

Одинъ! Одинъ!—
Всегда чужой!
Всегда одинъ!—
Летимъ прочь!—Летимъ прочь!..

*

ЧЕЛОВѢКЪ

(на высотѣ).

Хотя бъ я зналъ, что смерти часъ—
Часъ смѣны горькихъ бдѣній дольныхъ
Сномъ всеблаженства,—я бы спасъ
Мой тѣсный міръ страданій вольныхъ!

Съ моей свободой не сойду
Къ сему предчувствію свободы:
Я самъ, могучій, возведу
Къ сознанію хаосъ Природы.

Пусть я хочу летѣть безъ крылъ,
Люблю и кличу безъ отзыва:
Онъ нуженъ, одинокій пылъ
Нераздѣленнаго порыва!

Коль въ персти косной Духъ сокрытъ,
Его порывъ въ моихъ усильяхъ:
Изъ искры тлѣющей летитъ
Пожаръ на неудержныхъ крыльяхъ.

Коль Богъ живетъ среди свѣтилъ,
Мой пылъ—привѣтъ Ему любовный,—
Лампада ночи межъ вѣтрилъ—
Прибытія символъ условный.

Хочу до срока моего
Питать сей пламень одинокій,
Не падая—во тьмѣ глубокой
Горѣть звѣздой, и ждать...

ДУХЪ.

Чего?

ЧЕЛОВѢКЪ.

Сіяли древле звѣзды тѣ же;
Бѣлѣлъ крутой скалистый скатъ;
Былъ тихъ ночлегъ овечьихъ стадъ;
Былъ зимній воздухъ рѣзче, рѣже...
И Духъ отверзъ уста свѣтилъ,
И камни, и стада внимали;
Молились пастыри; дышали
Метели богоносныхъ крилъ.
Парили горнихъ силъ соборы,
Въ служеньи тайномъ, въ вышинѣ;
Въ прозрачной звѣздной тишинѣ,
Какъ бурный духъ, носились хоры,—
И возвѣщалъ безплотный клиръ
Благоволеніе и миръ...
Я жду: вернется полночь эта...

ДУХЪ.

Возстань, мечтатель! Лучъ разсвѣта
На горъ челѣ. Въ сѣдой туманъ
Окутанъ Призракъ. День раздвинулъ
Хребтовъ далекихъ дымный станъ—
И видно море... Срокъ нашъ минулъ.

MISSA SOLENNIS, БЕТХОВЕНА.

Въ дни, когда святыя тѣни
Скрылись далѣ въ небеса,
Гдѣ ты внялъ, надзвѣздный геній,
Ихъ хваленій голоса?

Въ дни, какъ вѣрныхъ хоръ великій,
Раздѣленный, изнемогъ,
Ихъ молитвъ согласны лики
Гдѣ подслушалъ ты, пророкъ?

У поры ли ты забвенной,
У грядущей ли исторгъ
Гласъ надежды неизмѣнной,
Вѣры мощь, любви восторгъ?

Но и въ оны вѣки лира
Псалмопѣвная царя
Не хвалила Агнца Мира,
Столь всевнятно говоря!

*

Ибо ты въ семъ громѣ пирномъ,
Въ бурѣ кликовъ, слезъ и хвалъ
Слиться съ воинствомъ эѳирнымъ
Человѣчество созвалъ.

SOGNO ANGELICO.

Скрылся день — и полосою
Дали тонкія златитъ.
Выси млѣютъ бирюзою;
Тучка въ заревѣ летитъ.
Полнебесъ замкнувъ въ оправу,
Свѣтлъ смарагдъ, и рдѣетъ лалъ:
Вечеръ пламенную славу
Ополчилъ и разостлалъ...

И предъ окомъ умиленнымъ
Оживляется закатъ,
И по тучамъ отдаленнымъ —
Легіономъ окрыленнымъ —
Лики съ пальмами стоятъ.
Блескъ вѣнцовъ, и блескъ виссонный...
Но Христовой лучъ красы
Имъ довлѣетъ — отраженный
Въ златѣ дольней полосы.
Тамъ, въ близи недостижимой,—
Ученикъ Христа любимый:
Какъ горятъ его власы!..

ТВОРЧЕСТВО.

Ricordati che vivi, e cammina!
Слова Микель-Анджело
къ мрамору «Моисей».

Взыграй, дитя и богъ, о, ты, кого во снѣ
Лелѣялъ, привитая, Геній,—
И Ночи плѣнный сонмъ, тоскующій о Днѣ,
Зови на праздникъ воплощеній!
Дай кровь Небытію, дай голосъ Нѣмотѣ,
Въ безликій Хаосъ вергни краски,
И Жизнь воспламени въ роскошной наготѣ,
Въ избыткѣ упоенной пляски!

И ликамъ рѣющимъ ихъ имя нареки
Творца безвольнымъ произволомъ,
И Сокровенное Явленьемъ облеки,
И Несказанное Глаголомъ!
Нѣмое таинство неумолимыхъ узъ
Расторгни пѣніемъ Орфея,
И въ обновленный міръ простри рукою Музъ
Даръ Огненосца-Промеѳея!

Исполненъ обликовъ непрозрѣнныхъ эѳиръ,
И надъ полуночью лазурной
Свѣтила новыя, съ бряцаньемъ стройныхъ лиръ,
Плывутъ чрезъ океанъ безбурный.
Невѣдомыхъ морей мятежнѣй хлещетъ валъ
О скалъ невиданныхъ предѣлы,
И вторитъ сладостнѣй таинственный хоралъ
Вечернимъ стонамъ Филомелы.

Есть много солнцъ въ ночи, въ денницѣ — робкихъ
Въ зефирѣ—тающихъ созвучій; [грёзъ,
Въ лучѣ луны дрожитъ дыханье блѣдныхъ розъ,
Въ рѣчной тростинкѣ—стихъ пѣвучій.
Неуспокоены, видѣнья гордыхъ тѣлъ,
Блуждая въ нимбахъ, волятъ плоти:
Съ Титанами горѣ, Бетховенъ, ты гремѣлъ!
Ты ихъ отронулъ, Буонарроти!

Узъ разрѣшитель, встань!—и встрѣчной воли полнъ,
И мраморъ живъ Пигмаліона,
И Красота встаетъ, дщерь золотая волнъ,
Изъ гармоническаго лона.
Узъ разрѣшитель, встань!—и водъ тайникъ отверстъ
Ударомъ творческаго гнѣва,
И въ плоть стремится жизнь чрезъ огнеструйный
И изъ ребра выходитъ Ева. [перстъ,

Подъ иго легкое склони послушный міръ,
Ты, кто тѣней расторгъ верéи!
Будь новый Деміургъ! Какъ Дантъ или Омиръ,
Зажги надъ солнцемъ Эмпиреи!

Природа — знаменье и тѣнь предвѣчныхъ дѣлъ:
Твой замыселъ—ей символъ равный.
Онъ есть: онъ—истина. Прахъ Фидіевъ истлѣлъ:
Но живъ Отецъ громодержавный!

Сомкнуть творенія предгорнее звено,
Ждетъ Человѣкъ своей свободы.
Дерзай, Промеѳіадъ: тебѣ свершить дано
Обѣтованіе Природы!
Творящей Матери наслѣдникъ, воззови
Преображеніе Вселенной,
И на лицѣ земномъ напечатлѣй въ любви
Свой Идеалъ богоявленный!

ДІОНИСУ.

6

**Какъ нарицать тебя, Неизрекаемый,
Многихъименъ и даровъ?
Звѣздныхъ водитель хоровъ,
Ты, кто избытокъ творишь упоеніемъ,
О Преизбыточный, Пресуществителемъ
Ты наречешься мнѣ!..**

ВИНОГРАДНИКЪ ДІОНИСА.

Ἄμπελος δ'ἦν κατηφής, καὶ σκυθρωπὸς οἶνος, καὶ βότρυς ὥσπερ δακρύων.
Himerius.

Виноградникъ свой обходитъ, свой первоизбранный, Діонисъ;
Двѣ жены въ одеждахъ темныхъ — два винограда-даря—вслѣдъ за нимъ.
Говоритъ двумъ скорбнымъ стражамъ — двумъ виноградарямъ—Діонисъ:
«Вы берите, Скорбь и Мука, вашъ, виноградари, острый ножъ;
Вы пожните, Скорбь и Мука, мой первоизбранный виноградъ!
Кровь сберите гроздій рдяныхъ, слезы кистей моихъ золотыхъ —
Жертву нѣгъ въ точило скорби, пурпуръ страданій въ точило нѣгъ;
Напоите влагой рьяной алыхъ восторговъ мой ярый Граль!»

АСКЕТЪ.

Азъ живу, и вы живи будете.
Ев. отъ Іоанна, XIV, 19.

Какъ возлѣ павшая сѣкира,—
Коснулась,—вôззрилась Любовь...
Я воспрянулъ, нагъ, съ подушекъ пира,—
Нагъ, обошелъ предѣлы міра,—
И слышалъ—стонъ, и видѣлъ—кровь.

И сталъ я прямъ, и вопль проклятій
Вознесъ къ Любви... И внялъ я кличъ:
«Кто взыщетъ огнь моихъ объятій?
Кто раздѣлитъ страданье братій?»—
И, взвизгнувъ, плоть ужалилъ бичъ.

Какъ звѣрь, терзалъ я плоть въ дубровѣ;
Я стлалъ ей ложемъ углей жаръ:
И чѣмъ мой подвигъ былъ суровѣй,
Тѣмъ слаще мука,—тѣмъ багровѣй
Горѣлъ Любви святой пожаръ.

Согбенну старцу, далъ мнѣ плѣнный
Страданій демонъ свой союзъ:
Онъ раздувалъ мой пылъ священный,
Я жъ—корибантъ—царь плоти бренной—
Плясалъ подъ звонъ побѣдныхъ узъ.

И съ неба спалъ огонь кровавый,
И, въ немъ сошедъ, рекла Любовь:
«Безуменъ былъ твой гнѣвъ неправый!
Се, для Моей небесной славы
Не молкнетъ стонъ, и льется кровь!

«Я—жертва—жертвенникъ творила:
Достойны жертвъ дары мои!
Я міръ слезами напоила:
Ихъ сплавитъ въ людяхъ жаръ горнила
Въ восторги вѣчные Любви!

«Зане живу—я жизнь воззвала:
Мнѣ ль, не любя, пребыть одной?
О томъ съ живущимъ Я страдала,
О томъ со смертнымъ умирала:
Со Мной умершій живъ со Мной».

НЕВѢДОМОМУ БОГУ.

Я видѣлъ въ ночи звѣздноокой съ колоннами вѣчными храмъ;
И бога искалъ, одинокій, — и бога не видѣлъ я тамъ.
Но змѣи стожалыя жили подъ пепломъ живымъ алтаря,
И звѣзды заочно служили, надъ кровлей отверстой горя.

И палъ на помостѣ святыни, и сонъ я внезапный вкусилъ...
И нѣдра отзвучной пустыни приливъ миріадъ огласилъ:
И гулы растущіе хоровъ, какъ звонъ, отдавали столпы;
Изъ зарева мрачныхъ притворовъ со стономъ врывались толпы.

Звучали цѣвницы и лиры, и систръ, и тимпанъ, и
кимвалъ;
Сіяли, колеблясь, кумиры надъ бурею кликовъ и
хвалъ;
И съ узнымъ бряцаніемъ плѣнныхъ сливался вѣ-
щателей зыкъ,
И дико рѣчей изступленныхъ былъ разенъ съ язы-
комъ языкъ.

И смолкли, какъ въ яромъ прибоѣ пучина стихаетъ
на мигъ:
И слышны въ мятежномъ покоѣ ревъ жертвъ съ
громыханьемъ веригъ...
Да факеловъ дышутъ пожары, да угли сверкаютъ
очей,
Волхвовъ темноликихъ тіары, женъ злато, булатъ
палачей...

Мѣдь взвыла, взыграли кимвалы, стоустый проно-
сится кличъ—
И въ вихрѣ радѣнія галлы *) взвиваютъ язвитель-
ный бичъ...
Мертвѣютъ, недвижны, факиры... Шатается, гря-
нулся волъ—
И пьетъ изъ-подъ черной сѣкиры живую струю
тавроболъ...

*) Жрецы Великой Матери.

На скользкія рухнули плиты рабы, издыхая въ
крови...
Умильныя дщери Милитты скликають на милость
любви...
«Эванъ» вопіеть и «Эвоэ», въ личинѣ скача, Эги-
панъ;
«Эванъ» въ упоительномъ воѣ бьють систръ и без-
умный тимпанъ...

И, сердце исторгнувъ живое, возносить богамъ
каннибалъ...
И громче въ неистовомъ воѣ бьеть систръ и бря-
цаеть кимвалъ...
Какъ облако, душный и хмарный оть крови сгу-
щается смрадъ...
Воть матери въ пламень алтарный ввергають воз-
любленныхъ чадъ —

И, словно плитою могильной, простерлись, подав-
лены, ницъ...
Взвивается пламень безсильный надъ смутою мерк-
нущихъ лицъ...
Одна ты въ заряхъ неопальныхъ—младенцы у пер-
сей легли—
Изъ персей, изъ древле-страдальныхъ, льешь сокъ
изобильной Земли,—

Родимая, заповѣдная купина въ алканьяхъ огня!
Таинница Духа земная!—и ты осѣнила меня!

Стремила ты къ небу родному объятья и гаснущій
взоръ:
Къ далекому небу ночному объятья тоски я про-
стёръ—

Тоски міроносныя крила — и видѣлъ, тобою про-
зрѣвъ:
Тѣнь горняя долу парила, объятья Землѣ простере-
ревъ...
О, сладко-текучія муки! Мнѣ въ ноги вонзайтесь,
лучи!
Пронзайте отверстыя руки! Терзайте, святые мечи!

Ты грудь изъ таинственной груди, рази, огневая
струя!..
О, люди! о, братья! о, люди!.. О, въ ребра ударъ
копія!..
Продлитесь, блаженныя боли! Алѣйте, живые ручьи!..
Одинъ ли я въ черной юдоли?..—«Я здѣсь»... Элой!
Элой!

О, Смерть! вотъ глубинные зѣвы, вотъ кладязи плѣна
твои!
Тамъ дикіе, чуждые ревы... Одинъ я! Одинъ!.. Элой!.
— «Я здѣсь»... То побѣдныя пѣсни?.. Такъ Смерть
побѣдила,—не Ты?...
— ««Воскресни! Адо̀нисъ, воскресни!..»»
И пала завѣса мечты.

Сіялъ мнѣ въ ночи звѣздноокой колоннами вѣчными храмъ;
Я бога искалъ, одинокій, — и бога не видѣлъ я тамъ.
Лишь тѣни беззвучно кружили вкругъ чаръ огневыхъ алтаря;
Да звѣзды заочно служили, надъ кровлей отверстой горя.

МУЗЫКА.

ГОЛОСЪ МУЗЫКИ.

Мой отецъ —
Оный алчущій богъ, что нести восхотѣлъ
Воплощеній слѣпыхъ цвѣтно-тканый удѣлъ,
Многострадную, страстную долю.
И поитъ онъ, и пѣнитъ сосудъ бытія,
И ліютъ, не вмѣстивъ, золотые края
Неисчерпно-кипящую волю.
Но, какъ облакъ златой,
Я раждаюсь изъ пѣны, въ громахъ пролитóй
И несусь, и несу
Неизбытыхъ пыланій глухую грозу,
И рыдаю въ пустыняхъ эѳира...

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ГОЛОСЪ.

И меня, и меня,
Ненасытнаго сѣмя и свѣточъ огня,
На шумящія бурно возьми ты крылà!

А ворогъ склоняетъ
Упорную выю,
Чернокосмый буй-туръ,—
Свирѣпыхъ роговъ
Дикую мощь
Ставитъ въ упоръ.
Орломъ поклевучимъ
Обернулся борецъ,
Бьетъ съ поднебёсья,
Когтьми когтитъ,
Клювомъ клюетъ:
А ворогъ его
Оплелъ, оковалъ
Змѣей кольчатой—
Виситъ въ поднебесьѣ
На шеѣ пернатой
Черный удавъ.
Палъ на сыру землю
Сизый орелъ,
Свѣтлый пріемлетъ
Ликъ человѣчій,
А недругъ темный:
Нагія мышцы
Мужи крѣпятъ
На тугую борьбу,
На смертный бой...

И длится бой
До ночи темной.
И, сомкнувъ уста,
Съ покрытымъ ликомъ,

Въ глухую ночь
Отходитъ Надежда.
И, потупивъ очи,
Въ глухую ночь
Отходитъ Вѣра...
И Неистомный, безмолвенъ,
Въ пустынныя дали
Уходитъ...

«Братья! други!...»

II.

ALMA DEA.

Звѣздный саванъ
Надъ степью широкой,
Надъ полемъ смерти...
Вѣтеръ ли ропщетъ
Въ степи широкой?
Женщина ль плачетъ?..
— «Кто ты, что льешь
Звѣздныя слезы
Надъ полемъ смерти?
Не плачь обо мнѣ:
О крыльяхъ плачь
Высокой воли!»
— «Крыльевъ легчайшихъ
Полетъ безвольный
Душу покорную
Въ сумерки звѣздныя,

Вольный, несетъ».
— «Вѣдомый, сладостно
Въ душу покорную
Сходитъ мнѣ голосъ твой...
Кто ты, забвенная?»
— «Воспомни, воспомни»...
— «Души ль покорной»...
— «Сумерки звѣздныя!»
— «Звѣздная смерть?»
— «Вѣянье крыльевъ
Легкихъ воспомни»...
— «Сонъ ли младенческій?»
— «Свѣтлый полетъ!»
— «Ключъ ли глубинный»...
— «Свѣтлость воспомни»...
— «Будитъ сердечную»...
— «Многоочитую!»
— «Заповѣдную ночь?..»
— «Воспомни, воспомни»...
— «Пѣсни ль согласныя?..»
— «Тихія, вѣчныя...»
— «Звѣздныя, тихія...»
— «Пѣсни мои!..»
— «Родимая, вѣчная!
Разбились крылья
Высокой воли!..»
— «Крыльевъ легчайшихъ
Полетъ безвольный
Душу покорную
Въ сумерки звѣздныя,
Вольный, несетъ!»

III.

ТРИЗНА.

— «Сюда, сюда,
На призывный рогъ,
Братья! други!
Онъ палъ, онъ звалъ—
Собирайтесь на пиръ
Красной тризны!
Всеодерженъ рокъ;
Вы жъ плетите вѣнокъ
Побѣжденному краснопобѣдный!»

— «Изъ-за свѣтлыхъ полей, изъ-за синихъ морей,
Изъ-за кряжныхъ твердынь,
Изъ рудыхъ пустынь, изъ блѣдныхъ льдовъ—
Идемъ на зовъ!
Идемъ, идемъ—сѣвъ смертныхъ племенъ—
Изъ нѣмыхъ временъ,—
Нагорныхъ дубовъ обреченный сѣвъ
На громовный гнѣвъ!
Мы, что̀ жертвой падемъ,—мы хоръ ведемъ
Побѣжденному краснопобѣдный!»

КРАСНАЯ ОСЕНЬ.

Красная Осень
Гонитъ поблекшіе листья:
«Прочь улетайте
Къ тѣнямъ Аида,
Плачущимъ вѣчно
По краткой жизни!
Прочь улетайте
Съ пажитей, ждущихъ
Новой весны!»

Нисходитъ ночь,
И съ чернаго неба
Глядятъ неприступно
На пажити смерти
Вѣчныя звѣзды.

Блаженъ, чьи крылья
Царственный духъ
Отъ пажитей смерти

Возносятъ по волѣ
Къ пламеннымъ сферамъ!
Садится избранникъ
На вѣчные троны—
И съ духами тверди,
Въ недвижномъ сіяньи,
Царя, обтекаетъ
По вȯлнамъ эоновъ
Островъ желаній,
Надеждъ и разлуки,
И жизни мгновенной.

ЛИСТОПАДЪ.

Въ чащѣ багряной
Мраморный Панъ
Съ праздной свирѣлью
Дремлетъ у влаги:
«Дуй, Аквилонъ,
Въ мою свирѣль,
Мой сонъ лелѣя!
Ярче алѣйте,
Хладныя зори,
Предъ долгой ночью!
Дольше кружитесь,
Желтые листья,
Надъ влагой черной!
Ждетъ терпѣливо
Судьбы неизбѣжной
Темное лоно»...

Желтые листья
Вѣтръ гонитъ къ поблекшему брегу;

Царственный лебедь скользитъ между нихъ,
А важная Муза героевъ,
Съ мраморнымъ свиткомъ,
Вперила на волны
Незрящія, зрящія очи—
И думаетъ думу:

«Надъ темнымъ лономъ судебъ,
Обагреннымъ жатвой падучей
Мгновенной жизни,
Какъ царственный лебедь,
Скользитъ вашъ смертный соперникъ,
Титаноубійцы,—
Среди поколѣній летучихъ—
Мужъ Рока!—
И мѣритъ безтрепетнымъ окомъ
Бездонныя тайны;
И, въ омутъ временъ недвижимыхъ
Глядясь, узнаётъ
Лелѣемый влагой дремучей—
Свой образъ»...

ПЛАМЕННИКИ.

Будетъ міръ, подобный міру свѣтлыхъ духовъ, ликующихъ каждый своимъ отдѣльнымъ ярымъ порывомъ. Ярою любовью ликуютъ они въ красотѣ блистающихъ, горящихъ жизнью міровъ,—любовью къ одному Солнцу, къ одному Богу-Началу; и въ той любви сливаются одинокіе порывы и возвращаются къ Началу-Богу, источнику любви. То — новый міръ и новый круговоротъ любви, и тому я скажу Да, и тѣмъ Да то будетъ.

∴, «Пламенники».

Радугой
Надъ водопадомъ бѣгучимъ—
Надъ временами живыхъ
Стоитъ неподвижное Время:
Гармоній прозрачныхъ
Покой воздушный,
Роса очей,
До дна испившихъ
Земного солнца
Искристый кубокъ...

Гдѣ братья порыва?
И братья побѣды?
Гдѣ звѣзды надежды,
И берегъ, и боги?

«Мы—братья, мы—солнца;
Мы—солнца, мы—боги;
Мы—боги, мы—гласы!..»

Заря изъ зари—
О, вѣчныя зори!
Во славѣ рожденья—
Восторги зачатья,
Въ побѣдѣ свершенья—
Улыбка надежды!
За нимбами нимбы,
За кликами клики;
Громовъ надъ громами
Пылаютъ языки,
Пылаютъ глаголы!
Мирьяды, мирьяды
Солнцъ пламенноликихъ,
Солнцъ пламенноустыхъ
Изъ бездны пурпурной
Подъемлетъ, объемлетъ
День громопучинный,
Разверзшiйся день!

И каждый гласъ—
Звено, и цѣль;
И каждый кликъ—

Порывъ, и міръ;
И каждый глаголъ—
Восторгъ громовъ,
Созвучныхъ солнцъ
Всеотзывный пиръ!

И я, и я (о, боги!)
Уста любви
Отверзъ (о, солнца!):
И былъ мой гласъ—
Какъ слава громовъ,
Созвучныхъ солнцъ
Всеотзывный пиръ!

Утесъ скупой
Подъ властнымъ жезломъ
(О, боги!)
Четыре рѣки
Изъ тайныхъ нѣдръ
(О, солнца!)—
На восходъ и день,
И закатъ, и ночь
Струитъ, обильный:

Такъ все, чѣмъ душа
Моей души
Жила,—сказалось!
Чего въ ночи
Заповѣдной
Ждала,—сказалось!
И ты, біенье

Неистомнаго сердца,
Алканье устъ,
Изнемогшихъ лобзать,
Истомныхъ устъ,
Разлученныхъ устъ,—
И ты сказалось!..
И запечатлѣнная,
Неутолимая,
Неизреченная
Словомъ земнымъ,
Излйлась ты,
Какъ четыре рѣки,
И объяла міръ,—
Въ землѣ погребенная,
Изъ земли прозябшая,
Ты объяла свой міръ,
Любовь,
Моя любовь!..

И, какъ свѣтлыхъ грозъ
Огнекрылый сонмъ,
Мой порывъ и міръ
Объяла встрѣчная,
Громоотзывная
Созвучныхъ солнцъ
Любовь,
Моя любовь!..

И я внялъ верху,
Надъ семьей громовъ
(О, день денницъ!),

Въ небесахъ небесъ
(О, покой громовъ!)
Я твой отзвукъ внялъ,
Глаголовъ глаголъ
И устъ уста
И любви любовь, —
Ты, многоочитый
Созвучныхъ солнцъ
Единый День!

ЗЕМЛЯ.

Κλῄζετε ματέρα Γαῖαν.
Orac. Dodon.

Τάδε γὰρ μέλε' ἐστὶ τὰ Πανός.
Orph.

Братья! уйдемъ въ сумракъ дубравъ священный,
На берега пустынныхъ волнъ!
Чадамъ боговъ посохъ изгнанья легокъ—
Древней любви расцвѣтшій тирсъ!

Ахъ! по Землѣ, по цвѣтоносной, много
Свѣтлыхъ полянъ для кущъ святыхъ:
Много полянъ ждутъ вашихъ устъ приникшихъ
И съ диѳирамбомъ дружныхъ ногъ!

И по Землѣ, по цвѣтоносной, много,
Братья любви, Голгоѳъ святыхъ:
Кущи деревъ ждутъ вашихъ рукъ простертыхъ,
Терніе ждетъ багряныхъ розъ!

*

Матерь зоветъ въ сѣни дремучей дуба:
        Вѣщій, зашепчетъ древній дубъ —
Взропщетъ она и воздохнетъ надъ вами:
        «Живъ ли мой Богъ? Кто живъ—живитъ!

«Ахъ! не Земля,—дѣти, вамъ мать—Голгоѳа
        Съ онаго дня, какъ умеръ Онъ!
Съ нимъ умерла, дѣти, Земля! О, дѣти!
        Живъ ли мой Богъ?.. Кто живъ—живитъ!

«Руки мои руки Его пріяли:
        Въ древѣ Его объяла я.
Язвы Его руки мои язвили.
        Лоно рожденій стало гробъ.

«И не Земля,—дѣти, вамъ мать—Голгоѳа
        Съ онаго дня, какъ распятъ Онъ,—
Съ онаго дня, какъ Немезидой неба
        Распятъ по мнѣ великій Панъ!..»

Братья! тогда лоно Земли лобзайте,
        Плачьте надъ ней: «О, мать, живи!..»
— «Богъ твой воскресъ!» благовѣстить дерзайте:
        «Богъ твой живетъ—и ты живи!..»

. . . .

РАЙСКАЯ МАТЬ.

Придетъ мать-Весна красна,
Лузья, болоты разольются,
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами.
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь.

Стихъ объ
Іосафѣ-царевичѣ.

ДНѢПРОВЬЕ.

Облаки—парусы
Влаги лазоревой,—
Облаки, облаки
Пo небу плаваютъ.
Отсвѣты долгіе
Долу колышутся—
Влаги лазоревой
Облаки бѣлые.
Съ небомъ цѣлуется
Влага разливная...
Къ небу ли вскинетъ
Тихіе взоры—
Небомъ любуется
Невѣста небесная;
Глянетъ ли долу—
Небесъ не покинетъ,
Въ ясно-текучихъ
Ризахъ красуется,
Сидючи, дивная,
На ярахъ сыпучихъ

Бѣлыхъ прилукъ...
А по раздолу,
Въ станахъ дремучихъ,
Синіе боры
Стали, безшумные,—
Думы ль умильныя
Думаютъ, думные,
Думаютъ, сильные,
Чуда ли чаютъ—
Вѣтвьемъ качаютъ,
Клонятъ клобукъ...

Гдѣ ты?—явись очамъ!—
Даль ты далекая,
Даль поднебесная,
Райская мать!..

Вотъ они, нагорія
Дальнія синѣются;
Ясно пламенѣются
Пламенники Божіи:
Станы златоверхіе
Воинства небеснаго,
Града святокрестнаго
Главы огнезарныя...

ЗАРНИЦА.

Какъ Зарница по поднѐбесью гуляла,
Темной ночкой по широкому играла.
Ей возгỏворитъ на нѐбѣ черна Хмара:
«Чтỏ ты рыщешь, Молоньѝ—млада Зарница,
Темной ночкой, одиночкой, молодица?
Чтỏ ты рыщешь, аль кого по свѣту ищешь?
А и гдѣ же, молодица, твой хозяинъ?
Ужъ какъ былъ ни на пядѐнь Громъ неотступенъ;
А и нынѣ Громовикъ не громыхаетъ.
Али братцу зла прилука прилучилась?
Али ладѣ старъ милой другъ принаскучилъ?»
Отвѣчаетъ Молоньѝ—млада Зарница:
— «Ой же, Хмара ты, золовушка-сестрица!
Не прети мнѣ по поднѐбесью гуляти,
Втихомолку по привольному гуляти!
Не буди ты государя—грозна братца!
Какъ довỏли я со Громомъ нашаталась,
По веснѣ ли со веселымъ наигралась:
Порѣзвился ярый въ пору, притомился,

И залегъ онъ въ лютокаменныхъ пещерахъ.
Да меня ль младу въ надземье не пускаетъ,
На постели со просонья обымаетъ.
А потѣха молодицѣ утаиться,
Изъ глубокіихъ подваловъ утаиться,
Тѣ желѣзные затворы разомкнути,
По степи ли по широкой промелькнути,
Съ перекатной со звѣздой перемигнуться,
Въ тихихъ заводяхъ зеркальныхъ оглянуться!»

ПОДЪ ДРЕВОМЪ КИПАРИСНЫМЪ.

Подъ тѣмъ ли подъ древомъ кипариснымъ
Алые цвѣтики расцвѣтали.
«Не прети же Ты, Мати, мнѣ младу
Алые цвѣтики собирати,
Красные вѣночки соплетати,
Древо кипарисно украшати!»
— «Ты нарви, нарви Матери, Чадо,
Набери Мнѣ семь цвѣтиковъ алыхъ,
Положи Мнѣ на самое сердце:
Не семь цвѣтиковъ алыхъ на сердцѣ—
Семь точатся капель алой крови
Изъ груди, седмижды прободенной».

МИЛОСТЬ МИРА·

Единагó разноглагольной
Хвалой хвалить ревнуетъ тварь.
Лѣпъ, Господи, въ Руси бездольной
Твой крестъ и милостный алтарь!

И нуженъ намъ иконостаса,
Въ вѣнцахъ и славахъ, горній ликъ,
И Матери скорбящей ликъ,
И ликъ нерукотворный Спаса.

Ему, Кто, зракъ пріявъ раба,
Благій, обходить наши нивы,—
И сердца темная алчба,
И духа вѣщіе порывы!..

Нѣтъ, Ты народа моего,
О, Сѣятель, ужъ не покинешь!
Ты богоносца не отринешь:
Онъ хочетъ ига Твоего!

РУССКІЙ УМЪ.

Своеначальный, жадный умъ,—
Какъ пламень, русскій умъ опасенъ:
Такъ онъ неудержимъ, такъ ясенъ,
Такъ веселъ онъ—и такъ угрюмъ.

Подобный стрѣлкѣ неуклонной,
Онъ видитъ полюсъ въ зыбь и муть;
Онъ въ жизнь отъ грезы отвлеченной
Пугливой волѣ кажетъ путь.

Какъ чрезъ туманы взоръ орлиный
Обслѣживаетъ прахъ долины,
Онъ здраво мыслитъ о землѣ,
Въ мистической купаясь мглѣ.

НОЧНОЙ ЗВОНЪ.

Изъ нѣдръ полуночи нѣмой,
Надъ сребролунною дремóй,
Годины вѣстію спокойной
Звучитъ, торжественный и стройный,
Соборный звонъ...

Изъ дома вонъ, изъ града вонъ
Уводитъ сребролунный сонъ—
Туда, гдѣ понтъ шумитъ просторный,
Туда, гдѣ свѣтитъ храмъ нагорный,
Гдѣ вѣщій звонъ...

СТИХЪ О СВЯТОЙ ГОРѢ.

Трудна работа Господня.
Слова Вл. Соловьева на смертномъ одрѣ.
(В. Евр. 1900, IX, 420).

Ты святися, наша мати—Земля Святорусская!
На твоемъ ли просторѣ великомъ,
На твоемъ ли раздольи широкомъ,
Что промежъ Студенаго моря и Теплаго,
За тѣми лѣсами высокими,
За тѣми озерами глубокими,
Стоитъ гора до поднёбесья.
Ужъ и къ той ли горѣ дороги неѣзжены,
И тропы къ горѣ неторены,
А и конному пути заказаны,
И пѣшему заповѣданы;
А и Господь ли кому тѣ пути открылъ—
И того слѣды неслѣжены.
Какъ на той на горѣ свѣтловерхой
Труждаются святые угодники,
Подвизаются вѣрные подвижники,
Ставятъ церковь соборную, богомольную;

А числомъ угодники нечислены,
Честнымъ именемъ подвижники неявлены,
Неявлены—неизглаголаны.
И строючи ту церковь нагорную,
Тѣ ли угодники Божіи, подвижники,
Чтȯ сами творятъ, не видятъ, не вѣдаютъ,
Незримое зиждутъ благолѣпіе.
А и каменіе тешутъ—оно бѣлѣется,
А и каменіе складаютъ—оно не видится.
А стѣны ль кладутъ, аль подстѣніе,
Аль столпы ставятъ опорные,
Аль своды сводятъ свѣтлосѣнные,
Али главы кроютъ зарныя, червонныя,
Аль честные пишутъ образы со писаніи,—
И то угодники вѣдаютъ, не видючи,
И того мы, людіе, не вѣдаемъ.
Какъ приходитъ на гору Царица Небесная,
Ей возропщутся угодники всѣ, восплачутся:
«Гой еси Ты, Матерь Пречистая!
Мы почто, почто труждаемся—подвизаемся
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ
Въ терпѣніи и во упованіи,
А чтȯ творимъ—не видимъ, не вѣдаемъ,
Незримое зиждемъ благолѣпіе.
Ты яви міру церковь невйданную,
Ты яви міру церковь заповѣданную!»
Имъ возговоритъ Царица Небесная:
— «Ужъ вы Богу присные угодники,
А міру вы славные свѣтильники,
О святой Руси умильные печальники!
Вы труждайтеся, подвизайтеся,

Красы—славы для церкви незримыя,
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ,
Въ терпѣніи вѣрномъ, во упованіи!
А временъ Божіихъ не пытайте,
Ни сроковъ оныхъ не искушайте,
Не искушайте—не вывѣдывайте.
Какъ сама Я, той годиной пресвѣтлою,
Какъ сама Я, Мати, во храмъ сойду:
Просвѣтится гора поднебесная,
И явится на ней церковь созданная,
Вамъ въ обрадованіе и во оправданіе,
И Руси великой во освященіе,
И всему міру Божьему во осіяніе.»
Тутъ Ей Божіи угодники поклонилися:
«Слава Тебѣ, Матерь Пречистая!
Ужъ утѣшно Ты трудничковъ утѣшила,
Что надежно смиренныхъ обнадежила:
Инъ по слову Твоему святому да сбудется!»
А поется стихъ во славу Божію,
Добрымъ людямъ въ послушаніе,
Во умиленіе и во упованіе.

ЦВѢТЫ СУМЕРЕКЪ.

И там, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ.

Пушкинъ.

УСТАЛОСТЬ.

День блѣднѣетъ, утомленный,
И блѣднѣетъ робкій вечеръ:
Длится мигъ смущенной встрѣчи,
Длится мигъ разлуки томной...
Въ озареньи свѣтлотѣнномъ
Фіолетоваго неба
Сходитъ, ясенъ, отблескъ лунный,
И яснѣй мерцаетъ Весперъ;
И все ближе даль синѣетъ...

Гаснутъ краски, молкнутъ звуки
Полу-грустенъ, полу-свѣтелъ,
Миръ почилъ въ усталомъ сердцѣ,
И почило безучастье...
Съ золотистой лунной лаской
Сходятъ робкія видѣнья
Милыхъ дней... съ улыбкой блѣдной,
Влажными глядятъ очами,
Легкокрылыя... и меркнутъ...

Меркнуть краски, молкнуть звуки...
Но, какъ дальній городъ шумный,
Все звучитъ въ усталомъ сердцѣ,
Однозвучно-тихо ропщетъ
День прожитый, день далекій...
Усыпляютъ, будятъ звуки
И вливаютъ въ сердце горечь
Полусознанной разлуки—
И дрожитъ, и дремлетъ сердце...

ЗЕРКАЛО ЧАЯНІЯ.

Златопобѣдной
Діадемой вѣнчанъ,
Обликъ Заря
Возноситъ блѣдный
Надъ мглой полянъ.
Златыя дали
Долу ліютъ
Ручьи печали.
Тѣни пріютъ—
Смутенъ спитъ лѣсъ.
Свѣтлѣй небесъ
Въ темницѣ черной,
Разливъ озерный
Дремлетъ, горя...

Не такъ ли ты
Въ тиши
Мерцало,
Алтарь мечты,

Зрящей души
Моей зерцало,—
Въ ночи заповѣдной
Златопобѣдный
День предваря
Печалью недольней?...

СЕБЯ ЗАБЫВШІЕ.

Закатныхъ завѣсъ
Предъ блѣдною тканью,
Навстрѣчу мерцанью
Далекихъ небесъ,
Тѣнѐй вереница
Чредой несмѣлой —
Подъ саваномъ лица,
Подъ дымкой бѣлой —
Во мглѣ перелѣсья
Скользитъ и рѣетъ,
Росою зыбкой
Надъ лугомъ вѣетъ,
Межъ дрёмомъ и дрёмомъ,
Глухимъ поёмомъ —
Летитъ за улыбкой
Прозрачныхъ небесъ...

Огнистый трепетъ
Очей въ туманѣ,
Травъ на полянѣ
Пугливый шопотъ...
«О, кто мы? кто мы?»—
Воздушный лепетъ,—

То былъ не сонъ — тотъ духъ весны живой,
Повѣявшій на мигъ предъ бурей снѣжной,—
Расцвѣтъ любви безумной, безнадежной
Надъ мраморомъ святыни гробовой,—
Небесный огнь, перунъ любви мятежной,
На жертвенникъ упавшій роковой—
Въ суровый храмъ, гдѣ обитаетъ Геній
Лазурныхъ думъ и бѣлыхъ отреченій!

ЛУННЫЯ РОЗЫ.

Ach, die Erde kühlt die Liebe nicht!
Goethe, die Braut von Korinth.

Изъ оковъ одинокой разлуки,
На крылахъ упоительныхъ сна,
Къ ней влекутъ его тайные звуки,
Къ ней влечетъ золотая луна.

Все впередъ, въ бездыханныя сѣни
Луннымъ сномъ отягченныхъ древесъ;
Все впередъ, гдѣ пугливыя тѣни
Затаилъ околдованный лѣсъ.

Тамъ она, на печальной полянѣ,
Ждетъ его надъ могилой, одна,
Сидючи недвижимо въ туманѣ,—
Какъ туманъ, холодна и блѣдна.

И любви неисполненной пени
Поднялись въ безнадежной груди:
«О, зачѣмъ мы безплотныя тѣни?»
— «Милый другъ! погоди, погоди!»

И сплелись надъ пустынной могилой,
И скользятъ по сребристымъ росамъ—
И, четой отдѣлясь легкокрылой,
Понеслись къ усыпленнымъ лѣсамъ:

Все впередъ, гдѣ сквозитъ затаенный
Лунный лучъ межъ недвижныхъ вѣтвей;
Все впередъ, гдѣ гоститъ упоенный,
Гдѣ поетъ неживой соловей;

Гдѣ горятъ главы змѣй изумрудныхъ;
Гдѣ зажгли пиръ огней свѣтляки;
Гдѣ въ лугахъ, полныхъ чаръ непробудныхъ,
Лунный медъ пьютъ изъ розъ мотыльки;

Гдѣ, ліясь въ очарованной лѣни,
Спятъ ключи на скалистой груди...
«О, зачѣмъ мы безплотныя тѣни?»
— «Милый другъ, погоди! погоди!»

И на брегъ устремились отлогій,
Гдѣ почить набѣгаетъ волна,
И парятъ осребренной дорогой
Все впередъ, гдѣ струится луна,—

Все впередъ, упоенные блескомъ,
Къ островов голубымъ берегамъ,
Межъ зыбей, чтò подъемлются съ плескомъ
И поютъ, и ползутъ къ ихъ ногамъ.

И уже въ колыбели зыбучей
Спятъ луга блѣдноликихъ лилей,
И, въ лунѣ выплывая текучей,
Таютъ вновь облака лебедей;

И, изъ волнъ возникая, ступени
И блестятъ, и манятъ впереди...
«О, зачѣмъ мы безплотныя тѣни?»
— «Милый другъ, погоди! погоди!»

И скользитъ, и на теплыя плиты,
Отягчась, наступаетъ нога;
И чету, мглой лазурной повиты,
Лунныхъ розъ окружаютъ снѣга.

И ведутъ безъисходныя кущи
Все впередъ, въ свѣтозарный свой храмъ,—
Все впередъ, гдѣ волнуется гуще
Душной мглы голубой ѳиміамъ.

Станъ обвивъ кипарисовъ дремучихъ,
Лунныхъ чаръ сребродымный очагъ
Сѣти розъ осѣняютъ ползучихъ
И таятъ, какъ пустой саркофагъ,

Межъ огней и томящихъ куреній
Ложе нѣгъ, чтò зоветъ посреди...
«О, зачѣмъ мы безплотныя тѣни?»
— «Милый другъ, погоди! погоди!»

Она вѣтвь блѣдной розы срываетъ:
— «Другъ, тебѣ даръ любви, даръ тоски!»
Страстный ядъ онъ лобзаньемъ впиваетъ—
Жизнь изъ устъ пьютъ, зардѣвъ, лепестки.

И изъ розъ, алой жизнью налйтыхъ,
Жадно пьетъ она жаркую кровь:
Знойный лучъ заигралъ на ланитахъ,
Перси жжетъ и волнуетъ любовь..

Мѣсяцъ сталъ надъ шатромъ Гименея;
Рдѣетъ розъ осѣнительный снѣгъ;
Ярый змій лижетъ одръ, пламенѣя,
И хранитъ изступленный ночлегъ.

Рокъ любви преклоненъ всепобѣдной...
Вѣетъ хладъ... вѣетъ мракъ... вѣетъ миръ...
И зарей безмятежности блѣдной
Занялся предразсвѣтный эѳиръ.

ВОЖАТЫЙ.

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt.
Seneca.

«По кладезямъ сумрачныхъ келій,
Куда, за ступенью ступень,
Вожатый, во мглу подземелій
Зоветъ твоя властная тѣнь?
Твой плащъ колышется мѣрной
Волной по легкимъ пятамъ;
Ты ходишь поступью вѣрной
По сводчатымъ темнымъ сѣтямъ».
— «Вонъ изъ темницы тѣсной
Веду я тебя, мой братъ!
На плиты лучъ небесный
Скользитъ изъ послѣднихъ вратъ».

«Слѣпитъ меня день веселый,
Пугаетъ шумъ градской,
И ранитъ насмѣшкой тяжелой
Пытливый взоръ людской.

Вожатый! сударь и платы,
И повязи рукъ и главы —
Безславнѣй, чѣмъ цѣпи кольчаты,
Въ устахъ шепотливой молвы!»
— «Людской ты не видишь неволи —
Твоихъ не увидятъ пеленъ.
Что въ узахъ льняныхъ? Не равно ли
Ты блѣденъ, какъ блѣдный ленъ».

«Ахъ, благостно груди стѣснённой
Открылась ширь полянъ!
О, жаркій духъ благовонный!
Елей живучихъ ранъ!..
Но мнѣ ты повѣдай: какая
Намъ путь отмеваетъ тѣнь,
Межъ тѣмъ какъ на лугѣ, сверкая,
Почилъ ослѣпляющій день?»
— «Взгляни: не древо ль мрѣетъ
На дальнемъ колѣнѣ пути?
Грядущее тѣнію рѣетъ —
Съ той тѣни ногѣ не сойти».

«Спѣшимъ—да избудемъ вскорѣ
Судебъ неизбытную тѣнь!
Какъ тамъ, на цвѣтущемъ просторѣ,
Прекрасенъ струящійся день!..
И мнится—мы близко... Въ боязни
Блуждаетъ взоръ окрéстъ...
О, Боже! готовъ ли для казни,
Забытъ ли сей праздный крестъ?»
— «Здѣсь грань тропы плачевной,

И свѣтелъ отселѣ путь;
И гость да возляжетъ полдневный—
Въ послѣдней тѣни отдохнуть».

«Ждало на пути меня дѣло:
Сей крестъ былъ тайный магнитъ!
Возьмите жъ это тѣло
И радость, что̀ путь мой сулитъ!
Свершайте дѣло распятья!
Распни мое тѣло, братъ!
И люди станутъ братья!..
Что̀ медлитъ гвоздь и млатъ?..»
— «Сей крестъ не жертвы проситъ:
Смиреньемъ пожри за міръ!
Онъ небу покорность возноситъ,
Землѣ—вѣщаетъ миръ».

«Все сновъ опьяняющихъ дали!
Очей, ахъ! у Гордости нѣтъ!
Ты мнилъ: на подвигъ дали
Тебѣ просторъ и свѣтъ.
Глупецъ! то—трудъ непосильный,
И путь—не по силамъ твоимъ!
Узнай свой крестъ могильный
И яму сырую подъ нимъ!..»
— «Игралища буйныхъ мечтаній!
Милѣй имъ истомный обманъ,
Чѣмъ темный прагъ скитаній,
Чѣмъ легкій прахъ полянъ!»

ВѢЧНЫЕ ДАРЫ.

Вѣрь тому, чтò сердце скажетъ:
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.
Жуковскій (по Шиллеру).

По блѣднымъ пажитямъ забвенія—
Откуда, странники? куда?..
Святыя вѣйте дуновенія!
Гори, невставшая звѣзда!

Пасомы Цѣлями родимыми,
Къ нимъ съ трепетомъ влечемся мы—
И, какъ подъ солнцами незримыми,
Навстрѣчу имъ цвѣтемъ изъ тьмы.

Беззвучно-плещущими Летами
Богъ разградилъ свои міры;
Но сердца вѣщими примѣтами
Хранимы вѣчные дары.

Кто зналъ тебя, о, челнъ отчаянья!—
Тому пророчила любовь:
«Я вновь твоя на брегѣ чаянья—
Тобой угаданная вновь!»

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Надъ смертью вѣчно торжествуетъ,
Въ комъ память вѣчная живетъ.
Любовь зоветъ, любовь предчуетъ;
Кто не забылъ,—не отдаетъ.

Скиталецъ, въ даль—надъ зримой далью—
Взоръ ясновидящій вперя,
Идетъ, утѣшенный печалью...
За нимъ—заря, предъ нимъ—заря...

Кольцо и посохъ—двѣ святыни—
Несетъ онъ вѣрною рукой.
Лелѣетъ пальма средь пустыни
Ночлега легкаго покой.

ГЕСПЕРИДЫ.

Μῆλά τε χρύσεα καλὰ παρ' Ἑσπερίδων
λιγυφώνων.
Orph.

ГОЛОСА.

Музъ моихъ вѣщунья и подруга,
Вдохновенныхъ спутница Мэнадъ!
Отчего невѣдомаго Юга
Снится намъ священный садъ?

И о чемъ подъ кущей огнетканой
Чутколистный ропщетъ Діонисъ,
И, колебля мракъ благоуханный,
Шепчутъ лавръ и кипарисъ?

И куда лазурной Нереиды
Насъ зоветъ пѣвучая печаль?
Гдѣ она, волшебной Геспериды
Золотящаяся даль?

Тихо спятъ кумировъ нашихъ храмы
Древнихъ грезъ въ пурпуровыхъ моряхъ;
Мы вотще сжигаемъ ѳиміамы
На забытыхъ алтаряхъ.

Тогда плѣнительно-мятежной
Ты пѣснью огласила вдругъ
Покрытый пеленою снѣжной
Священный Вакховъ полукругъ.

Ты пѣла, вдохновеньемъ оргій
И опьяняясь, и пьяня,
И безпощадные восторги,
И темный гробъ земного дня:

«Увейте гроздьемъ тирсы, чаши!
Властнѣй боговъ, сильнѣй Судьбы,
Несите упоенья ваши!
Возстаньте—боги, не рабы!

«Земныхъ обѣтовъ и законовъ
Дерзните преступить порогъ,—
И въ мукѣ нѣгъ, и въ пирѣ стоновъ
Воскреснетъ изступленный богъ!..»

Дулъ вѣтеръ; осыпались розы;
Склонялся скорбный кипарисъ...
Обнажены, роптали лозы:
«Почилъ великій Діонисъ!»

И съ тризны мертвенно-вакхальной
Мы шли, туманны и грустны;
И былъ далекъ землѣ печальной
Возвратъ языческой весны.

ERITIS SICUT DEI.

Θειότατον τὸ Γνῶθι σαυτόν.
Heraclit. Eph.

Haec tractanti animo et noctes et dies cogitanti exsistit illa a deo Delphico praecepta cognitio, ut ipsa se mens agnoscat coniunctamque cum divina mente se sentiat, ex quo insatiabili gaudio completur.
Cicero, Tusc.

У прага тѣхъ высотъ, гдѣ, свѣтлыхъ доловъ радость,
Трудъ путника дѣлить уже не смѣетъ Младость,
Средь мрачной прелести нагорныхъ дикихъ мѣстъ,
При хладномъ блескѣ звѣздъ, я спалъ...
Незримый крестъ
Воспоминаній злыхъ и позднихъ сожалѣній,
Надменной юности безпечныхъ преступленій,
Мой тяжкій крестъ влача,— то былъ мой горькій
сонъ,—
Язвимъ раскаяньемъ и сердцемъ сокрушонъ,
Тропой обрывистой наверхъ Голгоѳы новой
Я шелъ. Закатъ угасъ, багряный и суровый,
И мглою пепельной, какъ прахомъ урнъ, замёлъ

Нагую крутизну и безотрадный долъ...
Усталый, я достигъ вершины каменистой —
И видѣлъ древній храмъ. Зари вѣнецъ огнистый
Далёко обнималъ вечерній небосклонъ
За лѣсомъ сумрачнымъ разсѣянныхъ колоннъ.
На ветхомъ мраморѣ ступѐней величавыхъ,
Гдѣ воздвигалъ одинъ между столповъ безглавыхъ
Свой хмурый архитравъ дряхлѣющій колоссъ,
Подъ блѣднымъ саваномъ бѣлѣющихъ волосъ
Полураздраною прикрыта власяницей,
Сидѣла пиѳія и мстящею десницей,
Начертанъ на столпѣ, мой судъ и приговоръ
Указывала мнѣ... И, боязливый взоръ
Подъемля къ письменамъ, прочелъ я: САВТОН-
ГНОѲИ.

—«Такою ли тебя, на этой ли Голгоѳѣ»,
Я съ плачемъ возстеналъ, «о, Мудрость, нахожу?
Себя ли до конца познаньемъ осужу?
Затѣмъ ли съ дѣтскихъ лѣтъ я, тайнъ твоихъ ревни-
Душой алкающей сію взыскалъ обитель?.. [тель
Мѣдностропильный твой мнѣ снился храмъ. Віясь
По млечнымъ мраморамъ, сплела живая вязь —
Съ лилеей амарантъ, нарциссъ, и маки сонны,
И крокосъ солнечный, и розы благовонны.
Средь сѣней лавровыхъ и храмовыхъ колоннъ
Пророковъ свѣтлый сонмъ и вдохновенныхъ женъ
Скитался, упоенъ безмолвнымъ созерцаньемъ,
Иль оглашалъ холмы воздушныхъ лиръ бряцаньемъ,
Иль съ шепотомъ листвы и тишиной небесъ
Сливалъ гармоніи восторженныхъ словесъ.
Являлъ полубоговъ крылатый строй движеній,

И въ ясномъ взорѣ блескъ недольнихъ отраженій,
И, на челѣ забытъ, недольней тайны свѣтъ;
На ихъ устахъ блуждалъ вѣщательный привѣтъ,
Лучъ незакатныхъ зорь въ улыбкѣ сокровенной;
И каждый, полнъ въ себѣ мечты проникновенной,
Сіялъ, какъ духи сферъ, что горній свой законъ
Блюдутъ, погружены въ астральный свѣтлый сонъ,
И всѣ, блаженные, вкругъ солнечной подруги
Свершали, хоръ свѣтилъ, мистическіе круги.
И ты, владычица, какъ юность, ты цвѣла!
Ты вѣщей Дафною и дубомъ увила
Руно златыхъ кудрей, отраду Діонеи.
Ризъ испещренныхъ блескъ перепоясавъ, змѣи
Смарагдно искрились. Легъ на устахъ пэанъ.
Взоръ созерцалъ Олимпъ, и Ночь, и Океанъ!
Звучалъ треножникъ твой, семи согласный струнамъ.
Ты руку лѣвую простерла къ вѣчнымъ рунамъ,
Десной сжимая макъ и сѣя ѳиміамъ;
И рокъ письменъ гласилъ: «Познай себя ты самъ»;
И въ дымѣ жертвенномъ царилъ побѣднымъ ликомъ
Подобный богу Дня; и, въ торжествѣ великомъ,
Хоръ, прорицая, пѣлъ: «Се Человѣкобогъ!
Кто зрѣлъ его, въ себѣ творитъ ему чертогъ!
Кто вышелъ въ путь, дойдетъ до свѣтлаго порога;
Кто познаётъ себя, въ себѣ познаетъ БОГА!..»
Прекрасный, гордый сонъ! Гдѣ храмъ? Гдѣ вѣщій пиръ?
Развѣянъ ѳиміамъ! Распался въ прахъ кумиръ!
Какъ путникъ, много лѣтъ вздыхавшій объ отчизнѣ,
Гость поздній, въ домъ родной пришелъ я къ мертвой тризнѣ,

И урну хладную прижалъ къ своей груди —
Самъ мертвъ, самъ тлѣнъ и прахъ...»
И ницъ я палъ... «Иди!»
Дохнуло надо мной, какъ блѣдный вздохъ надежды...
«О, Мудрость! гдѣ же путь?»—къ волнѣ святой одежды
Устами жадными прильнувъ, я лепеталъ...
И ясно внялъ: «Иди!» — и смолкъ, и трепеталъ...
Неизреченное уста ея шептали, —
Глаза жъ — глаза змѣи — въ душѣ моей читали...

Я, смутенъ, всталъ отъ сна и гребнемъ горъ пошелъ,
При хладномъ блескѣ звѣздъ. Путь выше, выше велъ...
Но рдѣетъ слѣва свѣтъ, и мѣсяцъ крутерогій
Взошелъ и отдался змѣящейся дорогой
Въ провалѣ черной мглы, по зыби тусклыхъ водъ...
Тропа вилась къ зубцамъ бѣлѣющихъ высотъ,
И внизъ вѣтвилася. И, приведенъ къ распутью,
Глядѣлъ я въ долъ, влекомъ мерцающею мутью...
Волчцами шелеститъ, сверкая, чешуя...
Взоръ, схваченъ, узнаётъ два зрящихъ острія...
Обѣты блѣдные, въ устахъ заклятья таютъ,—
Глаза жъ — глаза змѣи — въ душѣ моей читаютъ...

КУМЫ.

Мизена гордаго и миловидныхъ Бай,
Гдѣ плѣнныхъ Нереидъ объемлетъ тѣсный рай,
Милѣй мнѣ древнія, пророческія Кумы.
Тамъ величавыя въ душѣ питалъ я думы,
Стоя на высотѣ священнаго кремля.
Сухимъ чапыжникомъ одѣлася земля,
И малые слѣды напоминаютъ стѣны;
Но море, но брега не знаютъ перемѣны.

Тамъ—скалъ Гаэтскихъ тѣнь, тутъ—Искіи шатёръ
На двухъ краяхъ небесъ стрегутъ морской просторъ,
Гдѣ, не стѣсненная объятіемъ залива,
Волна подъемлется, вольна и горделива.
И, сумрачный предѣлъ съ пучиною дѣля,
Вокругъ лежатъ во мглѣ Флегрейскія поля:
Тамъ, среди рощъ глухихъ, зіяютъ Орка своды;
Тамъ Ахерусіи недвижимыя воды.

И солнца за̀ моремъ пылающій заходъ
Путь стелетъ мѣдяно̀й чрезъ бездну темныхъ водъ;

И, умирая, валъ у ногъ вздыхаетъ мѣрно;
И вѣетъ изъ-за горъ дыханіемъ Аверна;
И чуетъ мысль, смутясь, Аида близкій хладъ,—
Какъ въ день, когда судьбамъ внималъ Анхисіадъ,
И демона вотще Сивилла отрясала,
И гласомъ неземнымъ пещеру потрясала.

ТЕРПАНДРЪ.

Змѣеволосой Распри демонъ
Отрясъ стопламенный пожаръ—
И гибнетъ холмный Лакедѐмонъ
Лютѣйшею изъ горькихъ каръ.

Какъ быстрый ядъ, сердца объемлетъ
Братоубійственный Раздоръ,
И на себя мечи подъемлетъ,
Въ безумьи, многочадный Доръ.

Какъ умолить Пощаду неба?
Мужей уврачевать сердца?—
Пытаетъ старость дѣву Феба,
И дѣва требуетъ—пѣвца...

Къ царямъ текутъ во злобѣ ярой,
Какъ раздѣлившійся Скамандръ...
И съ седмиструнною киѳарой
Встаетъ лесбійскій гость—Терпандръ.

Онъ ударилъ въ мощны струны—
И сердца пронзаетъ хладъ...
Мещетъ звонкіе перуны,
Строитъ души въ мѣрный ладъ.

Славитъ онъ обычай отчій,
Стыдъ и доблесть, рядъ и строй;
Правитъ градъ, какъ ѳивскій зодчій,
Властно-движущей игрой.

Онъ поетъ— и сонмъ окружный
Водитъ въ кругѣ звучныхъ чаръ,
И пятой, и грудью дружной
Вторитъ пѣсни младъ и старъ.

Онъ поетъ—и въ чинномъ ходѣ
Старцы, свѣтлые, идутъ;
Руки въ братскомъ хороводѣ
Вѳи воямъ подаютъ.

И припѣвы соглашаетъ
Съ вражьимъ станомъ вражій станъ,
И раздолье оглашаетъ
Очистительный пэанъ.

И, ликующее вѣче
Множа пляской легкихъ Оръ,
Рѣзвыхъ дѣвъ звенитъ далече
Черетомъ вѣнчанный хоръ.

Жаднымъ пламенямъ алтарнымъ
Уготованы тельцы,
И по капищамъ янтарнымъ
Вьются свѣжіе вѣнцы.

ОРФЕЙ.

Не Судьба — незрячій пастырь — властнымъ посо-
хомъ, Орфей!—
Боги путь твой указали промыслительной рукой,
И склонили путь рыданій къ безнадежнымъ глуби-
намъ,
И живымъ увидѣть окомъ дали тихой Смерти долъ.
И томительной неволи, умолительный пѣвецъ,
Вѣчны створы блѣдноликій предъ тобой разверзъ
Аидъ!

Даровали мудро боги невредиму быть пѣвцу
Въ преисподней, скрытой милой цвѣтоносною землей.
Въ сумракъ бездны, надъ которой нашъ безпечный
хоръ скользитъ,
Онъ довѣрчиво нисходитъ къ рою зыблемыхъ тѣней.
Видитъ ловчій летъ Эринній на пахучій крови слѣдъ,
Видитъ плѣнныхъ вѣчный ужасъ въ мѣдяныхъ тюрь-
махъ Горгонъ.
И, съ Харитой неразлученъ, уклонясь отъ многихъ
рукъ,
Къ намъ восходитъ и заводитъ побѣдительный
пэанъ.

ДНИ НЕДѢЛИ.

> [illegible]

Силой звѣздныхъ чаръ, отъ вѣка,
Въ дни трудовъ и въ дни торжествъ,
Посѣщаютъ человѣка
Семь таинственныхъ божествъ.

И ведутъ чредой священной
Тотъ же стройный, свѣтлый ходъ,
Какъ впервые въ храмъ вселенной
Совершился ихъ приходъ.

И въ веселый мигъ начальный
Кругъ заводитъ Солнцебогъ,
Какъ впервые мракъ печальный
Только онъ разсѣять могъ.

И за нимъ, съ улыбкой ясной,—
Сребролукая Луна,
Какъ впервые въ міръ прекрасный
Брату вслѣдъ пришла она:

Да наставитъ троглодита
Пользѣ стрѣлъ, труду ловитвъ...
Ахъ! и кровь людей пролита,
И пылаетъ пламя битвъ!

Сталъ онъ жить добычей бранной,
Дикъ и золъ, какъ хищный барсъ:
И за мирною Діаной
Мчится вслѣдъ кровавый Марсъ.

Но зерно и въ снѣжномъ гробѣ
Грѣетъ зимній Водолей:
Жизнь смѣется мертвой злобѣ,
Жизнь выводитъ злакъ полей.

Съ нимъ—торговли трудъ полезный;
Нѣтъ друзей, и нѣтъ враговъ:
Быстрый, хитрый, всѣмъ любезный,
Въ міръ летитъ гонецъ боговъ.

А за Герміемъ, съ державой,
Зевсъ нисходитъ съ высоты—
Образъ вѣчной, величавой,
Неприступной Красоты.

Но высокаго искусства
Людямъ тяжекъ чистый кладъ,
Ихъ изнѣженныя чувства
Новыхъ требуютъ усладъ:

И, полна богатствъ и лѣни,
Стала жизнь безумный пиръ,
И царицу наслажденій—
Афродиту видитъ міръ.

Но опасенъ непрестанный
Праздникъ: алчность и развратъ,
И сосѣдъ съ враждою бранной
Опьяненныхъ сторожатъ...

И умолкли звуки жизни,
И развѣянъ прахъ изъ урнъ:
На безмолвной, долгой тризнѣ
Пировать идетъ Сатурнъ.

И сидитъ старикъ, и—взоры
Въ дальній мракъ вперяя—ждетъ:
Скоро ль новый блескъ Авроры
Солнцебога приведетъ.

МИСТЕРІИ ПОЭТА.

... dem die ewigen Melodieen
Durch die Glieder sich bewegen...
Goethe, Faust II.

Phoebus adest: sonuere lyrae,
sonuere pharetrae.
Ovid.

Въ дальнемъ вихрѣ тайныхъ звуковъ, въ стройной
мѣрѣ частыхъ кликовъ
Свой походъ и приближенье открываетъ Аполлонъ.
Струнъ бряцанье, звонъ кимваловъ, ладъ и выступь
мощныхъ хоровъ
Пѣснопѣвцу возвѣщаютъ бога пѣсней: гость грядетъ!

И, какъ чуткій воинъ, внемля трубы строя, зовы
боя,
И воспрянулъ, и трепещетъ, полнъ смятенья, полнъ
отваги,—

Такъ, священный гулъ заслышавъ, потрясенъ, пѣ-
вецъ не знаетъ:
Онъ ли членовъ быстрымъ ростомъ перешелъ
природы грани,
Иль имъ нѣкій богъ владѣетъ и исполнилъ мышцы
силой?
И родили ль плечи пару непокорныхъ звучныхъ
крыльевъ,
Иль объятъ онъ звучной бурей и восторгнутъ отъ
земли?

Какъ Арей, и яръ, и мощенъ, на военный трудъ
веселый
Онъ летитъ—и внемлетъ ближе трубы строя, зыки
боя...
Онъ вождя любую волю совершитъ, неудержимый:
Повелитъ ли Музъ владыка пѣть ему совѣты выш-
нихъ,
Гесперидъ ли сны златые, или думы Промеѳея,
Афродиты ли небесной, Геи ль творческія тайны,
Пѣсни ль Парокъ, иль Сивиллы роковыя прори-
цанья...

Вотъ онъ, вотъ, средь Музъ, на грифахъ, злато-
кудрый, свѣтлоризый!
Вотъ какихъ онъ хочетъ пѣсней! Говори, открой
уста!
И, полна движеньемъ стройнымъ, грудь пѣвца зву-
читъ согласно;
Мощной мѣрѣ горнихъ хоровъ вторитъ откликъ устъ
земныхъ...
*

Но еще, средь гласовъ многихъ, словъ неясныхъ
даръ случайный
Ловитъ ухо, повторяютъ несвободныхъ устъ отзывы.
Мигъ—и ближе рѣютъ звуки. Полновнятные глаголы
Силу новую пріемлютъ въ дружномъ, стройномъ со-
четаньи.
Красоту родятъ, какъ древле, гармоническія волны
И лелѣютъ дивный образъ: онъ выходитъ, онъ
яснѣетъ...
Сладкой мукой грудь томится въ напряженьи не-
стерпимомъ:
Такъ натянутъ лукъ упругій, и чреватъ стрѣлой кры-
латой,
И едва выноситъ бремя, а стрѣлокъ все, цѣля, мед-
литъ—
Направляетъ каленую, напрягаетъ тетиву.
Мигъ—и пѣснь, отзывомъ полнымъ повторя вну-
шенья бога,
Съ устъ гремящихъ неудержно, совершенная, сле-
таетъ,
Какъ стрѣла слетаетъ мѣтко, потряся звенящій
лукъ.

EPIRRHEMA.

Но когда съ нечистымъ сердцемъ князя Музъ пѣ-
вецъ встрѣчаетъ—
Откровенья ль искушая недовѣрчивою мыслью,
Иль тая корысть земную, иль, при дальнемъ зовѣ,
блѣденъ,

Въ робкомъ сердцѣ, малодушный, не нашедъ отважной страсти:
Сердцевѣдецъ, негодуя, пролетаетъ, звучный, мимо;
Постыженъ, пѣвецъ напрасно гостя молитъ о возвратѣ;
Струнъ бряцанье, гулъ кимваловъ замираютъ въ отдаленьи;
Лишь немногихъ кликовъ отзвукъ, уловленъ, поетъ въ ушахъ...
Вызвать чары горнихъ звуковъ ищетъ онъ безсильной лирой,
Но небесъ не воскрешаетъ косныхъ струнъ невѣрный звонъ.
Онъ сидитъ въ досадѣ хладной, хитроумно вымышляя,
И свой вымыслъ мнитъ подобнымъ Аполлоновымъ рѣчамъ.
И на площадь выступаетъ, мнимый Феба прорицатель—
И соперникъ тайный Феба; но личину видитъ всякій—
И боговъ, и смертныхъ хохотъ судитъ Марсіеву пѣснь.

КЪ ФАНТАЗІИ.

О, Фантазія! ты скупцу подобна,
Чтò, лепты́ скопивъ, ихъ раститъ лихвою,
Малый мѣди вѣсъ обращая мудро
Въ золота груды.

Такъ и ты растишь многовстрѣчной Жизни
Опытную дань въ міръ безъ мѣръ и граней;
Въ немъ размѣрный строй Піеридъ водитель
Зиждетъ согласный.

Сидя надъ волной родниковъ обильныхъ,
Цѣпи ты плетешь изъ твоихъ сокровищъ,
Вязью золотой ты любимцу вяжешь
Крылья желаній.

Все, чтò Жизнь сулитъ на пути далекомъ,
Въ руки ты даешь—и вѣсы бросаешь:
«Ты забудь о той! ты въ моихъ забудься
Легкихъ объятьяхъ!»

Поступью чужой ты на ложе всходишь;
Но скользитъ съ главы многоцвѣтный пэплосъ:
Гнѣвенъ, онъ бѣжитъ... Ахъ! чѣмъ ты нѣжнѣе,
Онъ неудержнѣй!..

Кроткіе, тебѣ всѣхъ милѣй поэты;
Жарче ихъ любовь, но больнѣй измѣна:
И меня сковать ты, Сирена, хочешь
Пѣснью коварной:

«О, не довѣряй оснащеннымъ дóскамъ,
Ни пустынныхъ волнъ раменамъ упругимъ:
Къ брегу не плыви, чьи тебя вспоили
Воды живыя!

«Видитъ взоръ отсель той страны святыни:
Днями и людьми древній блескъ поверженъ;
Арки тернъ глушитъ, держитъ плющъ колонны
Цѣпкою лапой.

«Мраморы боговъ, съ искаженнымъ ликомъ,
Съ блѣдностью ланитъ, а не краской жизни,—
Плѣнныя толпы—въ безалтарныхъ сѣняхъ
Гордо стѣснились.

«Плещетъ ли тебѣ голубая влага
Зовомъ нѣжныхъ волнъ? О, не вѣрь блудницѣ!
Прижимая станъ, она гибко новый
Берегъ объемлетъ.

«Старому жъ клялась сладкозвучной клятвой —
Лишь его любить, и брала залогомъ—
Въ пестрыхъ поясахъ, на скалахъ прибрежныхъ —
Желтые храмы...

«Льстивыя уста!.. Но запомни слово:
Теменъ будетъ смыслъ ихъ нѣмыхъ гармоній,
Коль не я тебѣ передамъ ихъ рѣчи.
Будемъ же дружны!»

— «О, Фантазія! я тебѣ ль не вѣренъ?
Но не мнишь ли ты, будто я не воленъ?
Въ край боговъ пойду безъ тебя насытить
Алчныя очи!

«Кликну Фебовъ кличъ по пещерамъ горнымъ,
Надъ ключами водъ, въ кипарисныхъ рощахъ:
Голосъ подадутъ, боязливо прячась,
Вѣчныя нимфы.

«Выглянутъ, смѣясь, изъ-за вѣтокъ темныхъ,
Лугъ мой окружатъ одичалымъ роемъ,
Много скажутъ тайнъ, заведутъ и пляски
Лунною ночью.

«Ты же, крадучись, вся—любовь и ревность,
По моимъ слѣдамъ ты скитаться будешь,
Скована навѣкъ талисманомъ звонкимъ—
Лирой моею!»

САФО.

В. С. С.

Дѣвъ Кастальскихъ даръ—золотыя струны
Стройте безъ меня, Лесбіянки-дѣвы,
И вѣнчайте пиръ: я съ кудрей слагаю
Тяжкія розы!

Слышите ль у скалъ Амфитриты стоны?
Такъ средь звонкихъ чашъ и фіалокъ мирныхъ
Стонетъ духъ Сафô; какъ Эолъ полнощный,
Мчится далече.

Бурная, мой плачъ возлюбила сладкій—
И зоветъ Сафô, и зоветъ богиня:
Съ ней иду поднять къ Афродитѣ звѣздной
Долгія пени.

Звать иду назадъ, на пустынномъ брегѣ,
Невозвратныхъ дней золотое солнце
И ночнымъ валамъ повѣрять съ рыданьемъ
Имя Фаона.

ПЭСТУМСКІЙ ХРАМЪ.

Твоей святыни древній порогъ узрѣвъ,
Вожатымъ Музамъ, и совершительнымъ
Судьбамъ, и Счастью Дня, и Солнцу,
Геній Эллады, творю обѣты!

Тобой создáнный вижу сихъ глыбъ упоръ,
Подъявшій мощно славу надстолпія,
Какъ лира—гимнъ Терпандра! Вижу
Кáмней созвучье! Благоговѣйно

Вхожу съ молитвой: вѣчно живете вы
Въ оградѣ тѣсной, вы, къ полоненному
Столповъ двойнымъ вѣнцомъ Олимпу
Ликъ возносившіе лучезарный!

Святѣй молитва въ храмахъ оставленныхъ,
И гласъ твой громче, царь Посидонъ, звучитъ
Изъ-за пустыни травянистой
Въ гордомъ безлюдьи твоихъ святилищъ!

Сихъ плитъ истлѣвшихъ золототѣнныя
Несли ступени многую дань морей:
Дары пловцовъ, тобой спасенныхъ,
Цѣнныхъ сосудовъ литое бремя.

Блужданій долгихъ изъ киммерійскихъ волнъ
Обрѣтши пристань, предъ алтари твои
Съ чѣмъ приступлю—пѣвецъ смиренный?
Съ древнимъ напѣвомъ ожившей лиры.

МОЛИТВА КАМИЛЛА.

О, боги! вражье мертвое воинство,
Тутъ—женъ молящихъ, тамъ—проклинающихъ,
На выяхъ преклоненныхъ — ига,
Царственныхъ Вей погребальный пламень,—

И заклегтавшей, оболочившей вдругъ
Шеломъ мой крылья багряновѣйныя —
Побѣды мощной крылья вижу,—
Боги, тягчимый чрезмѣрнымъ счастьемъ!..

Вы льстили падшимъ; ихъ упитали вы
На снѣдь желѣзу: и преждевременно
Врагомъ вѣнчанный храмъ обрызганъ —
Жертвой стотельчей вождя и Рима!

Къ престоламъ новымъ изъ ненавистныхъ стѣнъ
Въ одеждѣ снѣжной васъ путеводитъ хоръ:
Грядите въ Римъ святой!.. Но, горе!—
Тѣнью вашъ сонмъ упредила Ревность!

Стремится въ тучѣ Страшная, чей удѣлъ—
Свергать вершины уединенныя,
Равнять дубы съ кустомъ ползучимъ,—
Вотъ Немезида! вотъ Месть Побѣды!

Грозящей Дѣвы предотвративъ ударъ,
Летите сами вы, милосердые,
На станъ побѣдный съ отчей карой,
Сами взыщите возмездье славы!

Когда жъ великихъ ждетъ скорбь великая,—
Вождя разите, но пощадите Римъ:
Да приметъ онъ вселенной скипетръ,—
Мнѣ же не молкнетъ хвала вселенной!

Да поминаютъ имя Камиллово
Квириты, славя отчіи подвиги!...
Но если Римъ меня забудетъ,—
Боги, казните неблагодарность!

ДОВОЛЬНО!

Satis vixi vel vitae vel gloriae.
C. Iulius Caesar.

Ты сердцу близко, Солнце вечернее,
Не славой нимба, краше полуденной,
Но тѣмъ, что кóней огнегривыхъ
Къ Ночи стремишь въ неудержномъ бѣгѣ.

«Помедли», молитъ тучка багряная;
«Помедли», долы молятъ червленые:
Міръ, отягченъ лучистымъ златомъ,
Боготворитъ твой покой побѣдный.

И горы рдѣютъ, какъ алтари твои;
И рдѣетъ море влажными розами,
Срѣтая кóней огнегривыхъ:
Ты жъ ихъ стремишь въ неудержномъ бѣгѣ.

И мещешь въ міръ твой пламя вѣнцовъ твоихъ,
И мещешь въ міръ твой пурпуръ одеждъ твоихъ:
Вѣнецъ вѣнцовъ тебѣ довлѣетъ—
Счастія легкій вѣнецъ: «Довольно».

THALASSIA.

На вѣтвахъ зеленыхъ качаются райскія
птицы;
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской
Царь-дѣвицы.

Лермонтовъ.

БОГИНИ.

Она глядитъ въ просвѣты пиній,
Она сіяетъ межъ оливъ—
И гонитъ звонко яхонтъ синій,
Вспѣнясь, въ ликующій заливъ.

Ткань Ореадъ—лазурный дымъ
Окуталъ кряжъ лилово-сѣрый;
Она жъ играетъ передъ нимъ
Съ пѣнорожденною Киѳерой.

Богинямъ храмъ межъ сихъ деревъ,
Надъ синевой неизреченной,—
Мнѣ снится—блещетъ, изсѣченный
Подъ гимны іонійскихъ дѣвъ.

НЕПОГОДНАЯ НОЧЬ.

За сѣрооблачными мглами
Блуждаетъ молній тусклый бѣгъ.
Какъ птица бѣлая, крылами
Бьетъ Непогода въ темный брегъ.

Слѣпитъ и кажетъ день мгновенный,
Какъ въ истощенныя бразды
Всей хлынутъ ширью свѣтлопѣнной
Широкодольныя гряды.

Надъ мо̀ломъ, гребней перекатныхъ
Стоитъ прибой сѣдымъ бугромъ;
И вторитъ, въ ревѣ водъ обратныхъ,
Громамъ пучины горній громъ.

МАДОННА.

Сѣдой пожаръ надъ хлябью рева...
Клубится къ небу влажный дымъ...
Но Твой утесъ встаетъ, о, Дѣва,
Изъ лютыхъ безднъ, несокрушимъ!

Всю ночь, стеня, набѣгомъ бури
Опустошались берега.
Сіяній облачныхъ въ лазури
Омытой тонутъ жемчугà.

А волны злобныя, надмясь,
Подъ темной бронзой звучныхъ брôней,
Мѣрно-ударною погоней
Летятъ, вспѣняясь и дымясь...

Но Твой, о Дѣва, столпъ надежный
Въ ихъ адской мглѣ, какъ стражъ, стоитъ;
И мраморъ Твой въ лазури нѣжной
Летучей радугой повитъ!

ВЕЧЕРНІЯ ДАЛИ.

Какъ огневая колесница,
Сквозя чрезъ облачную стѣнь,
Мчитъ надъ морями бѣглый день
Солнцедоспѣшная Зарница.

То въ лоно темныхъ водъ изломъ
Пламенноствольныхъ копій мещетъ;
То въ горнемъ заревѣ крыломъ,
Какъ огневѣйный духъ, трепещетъ...

Тамъ—дали новыя чудесъ,
Гдѣ изъ кудели легкорунной
Нависшій дождь и проблескъ лунный
Прядутъ эѳиръ златыхъ завѣсъ.

Прозрачныхъ струй дымится пряжа—
Вечернихъ марево Наядъ...
Изъ волнъ, подъ озареньемъ кряжа,
Восходитъ пышностѣнный градъ...

ЯВЛЕНІЕ ЛУНЫ.

Лучъ тронулъ гребни. Въ берегъ бьетъ,
Тоскуя, валъ нетерпѣливый...
Тучъ свѣто-ȯтканый наметъ
Луна разъемлетъ... Мракъ ревнивый

Нависъ надъ вспыхнувшимъ сребромъ...
Стихій сліянныхъ пиръ созвучный!
Все—блескъ, движенье, плескъ и громъ...
А—соглядатай, духъ разлучный,

Таящій въ тучахъ зоркій страхъ,—
Предъ Ясноликою Зарница
Мелькнетъ—ты скажешь: горній прахъ
Взмела богини колесница.

ПОЛНОЛУНІЕ.

Лишь черный хрящъ въ росѣ алмазной,
Да цѣпи скалъ, да зыби блескъ...
Ревучій сбѣгъ, гремучій плескъ,
Прибоя плескъ однообразный...

Надъ моремъ полная луна
На пеплѣ сизомъ небосклона;
И съ преисполненнаго лона
Катится сонная волна—

И на зерцало влаги встрѣчной
Роняетъ изумрудъ лучей...
Вдали жъ не сякнетъ искротечный,
Бѣло-расплавленный ручей...

Стихій текучихъ колыбель,
То—міръ безжизненно-астральный?
Или потопъ первоначальный—
Земли младенческой купель?

ВСТРѢЧА.

За мысомъ занялася мгла;
Чуть рдѣя, путь дымится млечный
На полѣ звѣздъ, остроконечный,
Рисуетъ парусъ тѣнь крыла.

И прегражденъ нашъ бѣгъ раздольный,
И вѣщій ужасъ грудь тѣснитъ,
Межъ тѣмъ какъ пологъ треугольный
Полнеба тихо полонитъ,

Беззвучной тайной рѣя мимо...
Недвиженъ кормщикъ на кормѣ...
Мигъ—и, луной вослѣдъ сребримо,
Вѣтрило тонетъ въ полутьмѣ...

Отъ мыса путь огнится встрѣчный,
И далѣ Тѣнь, и выше твердь...
О, вёселъ плескъ! О, поясъ млечный!
О, блескъ живой!.. О, Жизнь! О, Смерть!..

СФИНКСЪ ГЛЯДИТЪ.

Какъ за́мокъ мѣдный, гдѣ Даная
Пріемлетъ Зевса дождь златой,—
Гора зардѣла мѣдяна́я
Подъ огнезрачною фатой.

Не дѣва нѣгой блѣдной млѣетъ
Подъ ливнемъ пламеннымъ небесъ—
Зыбь хрисолитная свѣтлѣетъ
Въ эѳирѣ солнечныхъ завѣсъ.

Какъ сизый пеплъ, надъ влагой рѣя,
Ночь сторожитъ огнистый день,
Гдѣ—стройный Сфинксъ—легла Капрея,
Какъ тайны изваянной тѣнь.

Хладѣетъ Искія. Но плавитъ
Огнь поздній мощно мѣдь зыбей,
И брегъ въ смарагдномъ блескѣ славитъ
Волны багряный гименей.

И Сфинксъ глядитъ, и простираетъ
Тѣнь лапъ въ мерцанье Нереидъ...
И все блѣднѣетъ, умираетъ,—
И все мертво... И Сфинксъ глядитъ...

ЗЕРКАЛО ЭРОСА.

While fast together, alive from the abyss,
Clung the soul-wrung implacable close kiss.

D.-G. Rossetti.

Грозная туча
Надъ мракомъ синимъ
Вечернихъ волнъ...
И туча нисходитъ,
И волны чернѣютъ...
И въ дымной мглѣ
Грозятъ, полу-зримы,
Утесы Смерти.

Куда, куда
По сизымъ грядамъ,
Пугливый рой
Довѣрчивыхъ крылъ?
Куда влечетъ
Ладью за ладьей

Изъ мрака волнъ
Златистый призывъ?

*

Отблескъ умильный
Зари вечерней
Подъ бровью тучъ...
И островъ вершинный
Плыветъ въ озареньи—
Эѳирный домъ
Надеждъ свѣтлоликихъ,
Элизій плѣна.

Одни, садовъ
Подъ черной листвой,
Рука съ рукой,
Съ устами уста,
Роптанье волнъ
Мы ловимъ вдали,
Зари въ очахъ
Златистый восторгъ!..

*

Намъ снится:
Міробъятнымъ
Лономъ любви —
То море внизу
И облакъ тьмы,
Вѣтрила трепетъ,
Злато зари —

И среброризый,
Брезжущій брегъ —
Мы держимъ, безсмертные боги...

Намъ снится:
Жертва и боги,
Чуждый тотъ міръ
И дольній тотъ сонъ
Замкнувъ въ груди,
Лобзанья мукой
Слиты на мигъ,
Глядимъ въ нѣмую
Вѣчность очей —
Безсмертную, вѣчную вѣчность...

*

Рука съ рукой,
Съ устами уста,
Каплю за каплей пьемъ
Сладостной муки сонъ...
А надъ нами, вѣщая
О рокѣ, ропщетъ
Стройная ночь кипарисовъ.

ВЪ ЧЕЛНѢ ПО МОРЮ.

I.

Помнишь, какъ надъ бездной моря
Въ легкопарусномъ челнѣ
Мы носились, съ вѣтромъ споря,
По ликующей волнѣ?

Какъ на насъ, грозя, стѣнами
Мчались воды, вспѣнены?
Какъ лазурныя подъ нами
Разверзались глубины?

Бурно грудь порывъ отваги
Напрягалъ, какъ паруса.
Пѣснь твоя мятежной влаги
Побѣждала голоса.

Все рвалòсь, и все летѣло—
Валъ и брызги, вѣтръ и челнъ;

А спокойный кормчій смѣло
Правилъ путь чрезъ гребни волнъ...

Надъ пучиной буйной страсти
Нынѣ такъ же мы скользимъ;
Ввѣря жребій чуждой власти,
Такъ же властвуемъ надъ нимъ.

И взыгравшей свѣтлой бури
Намъ угрозы не страшны;
И волнуемой лазури
Вожделѣнны глубины.

II.

Между двухъ мерцаній блѣдныхъ
Тихо зыблется нашъ челнъ:
Тлѣютъ сѣвы звѣздъ побѣдныхъ;
Тлѣетъ пеплъ вечернихъ волнъ.

Надъ лиловой гладью, мимо,
Ночь плыветъ, свой ликъ тая,
И журчитъ, ладьей гонима,
Переливная струя.

Сонъ пустыни... Мгла покоя...
А съ туманныхъ береговъ
Долетаютъ звуки боя,
Споръ невѣдомыхъ враговъ.

Громъ набѣга... Гулъ погони...
Кинувъ синіе луга,—
Знаю—то морскіе кони
Потрясаютъ берега...

Дальній ропотъ океана
Чутко внемлетъ тишина...
Насъ несетъ Левіаѳана
Укрощеннаго спина!

Силѣ страшно-благосклонной
Ты довѣрилась со мной,
И стремишься надъ бездонной,
Безпощадной глубиной.

III.

Часъ истомы, часъ отлива...
Поздно. Пристань далека.
По излучинѣ залива
Два зажглися маяка.

Мы жъ отъ искры путеводной
Своенравно держимъ прочь—
И дерзаемъ бѣгъ свободный
Въ неразгаданную ночь...

Поздно. Скоро мѣсяцъ встанетъ
Встрѣтить челнъ изъ дальней мглы,
И желанный брегъ оглянетъ,
И попутные валы.

Но лишь омутъ звѣздъ трепещетъ
Въ тайнѣ тверди, въ тайнѣ волнъ;
Да, браздя пучину, мещетъ
Брызги тлѣющіе челнъ.

Фосфорическіе блески
Въ переливахъ безъ числа
Ткутъ живыя арабески
Вкругъ подвижнаго весла...

Свѣтъ предлунный пламенѣетъ;
Ярче искрится зенитъ...
Брегъ угаданный темнѣетъ,—
Брегъ таинственный манитъ...

ПРИЛИВЪ.

Маріи Михайловнѣ Замятниной.

Предтеча рѣзвая прилива—
Покроетъ влага гладь песковъ,
Неудержима и бурлива,
Зерцаломъ свѣтлыхъ облаковъ—
И медлитъ мигъ—и вспять, пуглива,

Отхлынетъ, съ громомъ злой гряды
Звенящихъ струй мѣшая рѣчи...
Гряда идетъ, а ей чрезъ плечи,
Нетерпѣливы и сѣды,
Растутъ вспѣненные ряды.

И, веселяся, Старецъ-Море
На чадъ, бѣгущихъ въ бурномъ спорѣ,
Глядитъ, сребрясь, издалека.
А вкругъ, въ затопленномъ просторѣ,
Смѣясь, лучатся облака.

НА СКЛОНѢ.

Овцы бродятъ подо мною,
Щиплютъ зимній злакъ стремнинъ.
Съ Атлантической волною
Изъ обрывистыхъ глубинъ

Вѣетъ солью. Твердь яснѣетъ
Робкой лаской межъ камней.
Даль туманная синѣетъ;
Чайка искрится по ней...

Горько, Мать-Земля, и сладко
Мнѣ на грудь твою прилечь!
Сладко Время, какъ загадка
Раздѣленія и встрѣчъ.

Съ тихимъ солнцемъ и могилой
Жизнь мила̀, какъ этотъ склонъ,—
Сонъ невѣдѣнія милый
И предчувствій первый сонъ!

СТУПЕНИ ВОЛИ.

Воля! хищницею нищей—
Рыжей птицей стѣнъ рудыхъ—
Ты гоняешься за пищей
Въ смутной безднѣ водъ сѣдыхъ.

Стаей чаекъ окликаешь
Ты пустынныя скалы,
И на косный брегъ толкаешь
Неистомные валы.

И, туманная, синѣешь
Предо мной и надо мной;
И въ груди моей земной,
Неземная, пламенѣешь!

Одиночество творишь
Ты единствомъ волнъ безбрежныхъ,
И изъ устъ моихъ мятежныхъ:
«Такъ, да будетъ!»—говоришь.

МГЛА.

Снѣжный саванъ палъ на обрывы скалъ,
И по тёрнамъ нагорнымъ—снѣгъ.
И въ безднахъ изъ мглы чуть брезжутъ валы,
Опѣняя незримый брегъ.

И глубинная мгла до Земли досягла,
И Твердь низошла къ Землѣ.
И, какъ островъ—одинъ межъ безликихъ пучинъ,—
Она тонетъ въ единой мглѣ.

Океанъ и Твердь—какъ рожденье и смерть;
И Земля—о, горькій сонъ!..
И вѣтра вой,—и въ безднахъ прибой,—
И по тёрнамъ нагорнымъ—стонъ...

И рѣетъ порой, какъ духовъ рой,
Стая чаекъ чрезъ туманъ;
И садится на брегъ, и—какъ свѣянный снѣгъ—
На родимый падетъ Океанъ.

ГОЛОСЪ МОРЯ.

Въ бѣлосумрачномъ разсвѣтѣ—
Словно гулъ колоколовъ...
Узнаю тебя въ привѣтѣ,
Океанъ, твоихъ валовъ!

Твой ли зовъ я слышу, Море?
Твой ли, Вѣчность, этотъ зовъ?
Мѣсто есть въ глубокомъ хорѣ
Стонамъ смертныхъ голосовъ.

Дальній звонъ надъ ложемъ рѣетъ...
На устахъ горитъ: «Иду!..»
Съ каждымъ смутнымъ вздохомъ вѣетъ
Въ бѣломъ сумракѣ: «Я жду...»

ВѢНЕЦЪ ЗЕМЛИ.

Пьяный плющъ и тёренъ дикій,
И подъ чащей—скалъ отвѣсъ,
Стремь—и океанъ великій
До безбрежности небесъ...

Такъ Земля въ вѣнцѣ терновомъ,
Скрытомъ силой плющевой,
Мѣритъ съ каждымъ солнцемъ новымъ
Даль пучины роковой.

Тамъ, за гранью, солнце тонетъ,
Звѣзды ходятъ—вѣчно тѣ жъ...
Валъ дробится, берегъ стонетъ—
И вѣнокъ, какъ вѣчность, свѣжъ.

Солнце тонетъ, міръ покоренъ—
Звѣзды тѣ жъ выводитъ твердь...
Жизнь вѣнчаетъ дикій тёренъ,
Пьяный плющъ вѣнчаетъ смерть.

ОРЕАДЫ.

Sie dürfen früh des ewigen Lichts
geniessen,
Das später sich zu uns hernieder
wendet.

Goethe, Faust II.

НА КРЫЛЬЯХЪ ЗАРИ.

Въ часъ, когда къ браздамъ Титана, вслѣдъ колё-
сам золотымъ,
Долъ, курильница тумана, благодарный стелетъ
дымъ
И, покорствуя, пріемлетъ синей ночи тихій даръ,
А съ востока даль объемлетъ сребропламенный
пожаръ—

И, царя, луна восходитъ въ блескѣ дивномъ изъ-за
горъ
И въ ущелія низводитъ чародѣйственный дозоръ,
И въ очахъ вскипаютъ слезы, и, проснувшися съ
луной,
Рѣютъ видящія грезы надъ почившею страной,—

Еслибъ силъ стихійныхъ крылья были смертному
даны
И по волѣ, безъ усилья, уносили въ тѣ страны,
Гдѣ забвенье, гдѣ блаженство тайный голосъ намъ
сулитъ,
Гдѣ сіяетъ совершенство, гдѣ желанье не долитъ,—

Къ дальнимъ плылъ бы я вершинамъ — тучкой въ
лунныхъ перлахъ тучъ,—
Гдѣ, по дѣвственнымъ стремнинамъ, рдѣетъ запоздалый лучъ,
Къ лону снѣжной багряницы золотой бы струйкой
льнулъ,
Бѣгъ вечерней колесницы упредилъ и обманулъ...

Всю бы ночь, всезрящимъ духомъ, чуждъ алканій,
чуждъ оковъ,
Я ловилъ безплотнымъ ухомъ содроганье ледниковъ,
Водопадовъ дольній грохотъ, громы тяжкіе лавинъ,
Горныхъ эхо долгій хохотъ въ звучномъ сумракѣ
тѣснинъ;

Въ очарованной неволѣ все бъ глядѣлъ, какъ вѣчнымъ сномъ
Спитъ царица на престолѣ въ покрывалѣ ледяномъ;
Какъ луна, зардѣвъ, садится за туманной пеленой;
Какъ вѣнецъ алмазный льдится, обнятъ звѣздной
глубиной.

Я бы стлался зміемъ дымнымъ по извивамъ пропастей;
Я бъ смѣялся дикимъ скимномъ въ зѣвы алчущихъ
пастей;
На груди чудовищъ бѣлыхъ грудь крѣпилъ и охлаждалъ;
Отъ созвѣздій оробѣлыхъ золотой бы вѣсти ждалъ—

И когда въ святынѣ зрящей дрогнетъ вспыхнувшій
эѳиръ
И по лѣствицѣ горящей внизъ метнется трубный
клиръ,—
Я бъ чело моей царицы дымкой облачной обвилъ,
Я бы первый лучъ денницы, упредивъ, благословилъ!

СТРЕМЬ.

Какъ горный стрѣлокъ,
Въ обходахъ ловчихъ,
Угорьемъ, ущельемъ,
Чрезъ дебрь и кручь,
Кружитъ — и внезапно
Виситъ надъ обрывомъ,
Въ убѣжищѣ серны,—
И яромъ подъ нимъ
Краснѣетъ боръ!

И кряжемъ идетъ,
Гдѣ чахнетъ хвойникъ,
Гдѣ пажити блекнутъ;
Межъ дикихъ скалъ
И омутовъ черныхъ,
По теменямъ горнымъ,
Онъ рыщетъ и топчетъ
Первины снѣговъ
Подъ небомъ тьмы!

*

И сходитъ къ зеленымъ
Пастбищамъ долу,
И ѳлачнымъ разлогомъ,
Съ ключомъ студенымъ,
Рѣзвый, сбѣгаетъ,—
Забывъ о безднѣ...
И вдругъ—
Надъ зѣвомъ пустымъ,
На стремномъ краю,
Стоитъ—не дышитъ,
И мѣритъ кружащимся взоромъ
Во мглѣ глубинной
Дольнія дали...

Сіяютъ глубо́ко
Очи—озёра,
И въ небо глядятся;
И внизъ съ уступовъ
Пря́даютъ, блеща,
Живыя воды...
А тамъ—
Змѣистымъ сребромъ
Мерцаетъ рѣка;
И сходитъ льдя́ный
Съ поднéбесья пологъ на долы...
Глядитъ, вздивяся,
Путникъ—не дышитъ...

ПРЕДЪ ГРОЗОЙ.

На среброверхій свой шатеръ
Духъ горъ навѣялъ пеплъ суровый,
И скорби мракъ черно-лиловый
До ихъ подножія простеръ.

Какъ смерти зракъ, встаетъ надъ доломъ
Гора подъ ризой грозовой,
И вторитъ рокотъ гробовой
Громовъ прерывистымъ глаголамъ.

И ужасъ высей снѣговыхъ
Внезапной блѣдностью блѣднѣетъ,
И долъ, приникнувъ, цѣпенѣетъ
При вспышкахъ молній змѣевыхъ.

ДОЛЪ.

Мгла сѣетъ дождь. Путь блѣдный дологъ...
Угрюмыхъ скалъ рудой орёлъ—
Я бъ вэлетѣлъ за низкій пологъ,
Застлавшій блѣдный, долгій долъ!

На узкій гробъ—какъ саванъ плотный,
На душный склепъ—какъ тяжкій кровъ,
Налегшій разорвалъ покровъ!—
И мнѣ мерцалъ бы снѣгъ безплотный
Вечернихъ неземныхъ шатровъ...

РАЗРЫВЪ.

Какъ въ ленъ жреца, какъ въ биссосъ бѣлый,
Въ свой дѣвственный одѣянъ снѣгъ,
Незыблемъ онъ—окаменѣлый
Земли отъ дольняго побѣгъ!

Дерзни возстать земли престоломъ!
Крылатый напряги порывъ!
Вѣрь духу—и съ зеленымъ доломъ
Свой бѣлый торжествуй разрывъ!

ДВА ВЗОРА.

Высотъ недвижныя озёра—
Отверстыя зѣницы горъ—
Мглой неразгаданнаго взора
Небесъ глубокій мѣрятъ взоръ.

Ты скажешь: въ ясныя глядится
Съ улыбкой дикою Сатиръ,—
Онъ, тайну Мойръ шепнувшій въ міръ,
Что жребій лучшій—не родиться.

ДУХИ И ДУШИ.

И милость радуги сіяетъ
Надъ озаренной высотой,
И растворенной красотой
Ткань влаги тонкой напояетъ.

И съ кручъ смарагдныхъ дымъ прозрачный
Виситъ и вѣетъ, и лучи
Робѣютъ въ долъ добрызнуть мрачный,
Гдѣ, рай покинувъ огнезрачный,
Сѣдые прядаютъ ключи.

ВОЗВРАТЪ.

Съ престола ледяныхъ громадъ,
Родныхъ высотъ изгнанникъ вольный,
Спрядаетъ свѣтлый водопадъ
Въ тѣснинный мракъ и плѣнъ юдольный.

А облако, назадъ—горѣ—
Путеводимое любовью,
Какъ агнецъ, жертвенною кровью
На снѣжномъ рдѣетъ алтарѣ.

ПРОСТИ!

«Иди, скиталецъ безпріютный!»
— «Прости жъ!..» И гаснетъ эхо горъ...
А въ очи мнѣ изъ бездны смутной
Глядитъ, какъ взоръ безумья мутный,—
Какъ смерть, зіяющій—укоръ...

И въ безднѣ мчатся, какъ Мэнады,
Разлуки жадныя струи...
И горы бѣлыя мои—
Какъ лунный сонъ... И нѣтъ отрады,
Ни мира сердцу...

ВѢЧНОСТЬ И МИГЪ.

Играетъ лучъ, на граняхъ горъ алѣя;
Лучится думъ крылатая безпечность...
Не кровью ль истекаетъ сердце, млѣя?..

Мгновенью ль улыбнулась, рдѣя, Вѣчность?
Лобзаньемъ ли прильнуло къ ней Мгновенье?..
Но всходитъ выше роковая млечность.

Пугливый духъ приникъ въ благоговѣньѣ:
Гость блѣдный входитъ въ льдистый домъ къ Без-
смертью,
И синей мглой въ снѣгахъ легло Забвенье...

Молчанье! Вѣчность тамъ, одна со Смертью!

НА ВЫСОТѢ.

Мнѣ ужасъ памятенъ громадъ оледенѣлыхъ,
Подобный хаосу валовъ оцѣпенѣлыхъ,
Вблизи нависнувшей надъ пропастью скалы,
И дали, полныя отяжелѣвшей мглы,
И облакъ солнечный надъ пеленой тумана,
И главы горъ по ней, какъ рифы океана,
И въ аметистово-прозрачной глубинѣ
Озеръ подводныхъ ртуть, сверкающихъ на днѣ,
И золото снѣговъ на пикахъ крутобокихъ,
И высей тихій блескъ, и тѣнь долинъ глубокихъ...
И мигъ мнѣ памятенъ: какъ самоцвѣтный лалъ,
Въ разливъ расплавленный дискъ лучезарный палъ
И въ пурпурныхъ волнахъ, какъ слитокъ раскаленный,
Тонулъ и выплывалъ надъ далью потопленной,
И въ плавномъ торжествѣ роскошно догоралъ,
Доколѣ острова темнѣющій кораллъ,
Какъ пристань, ждущая божественной галеры,
Надъ ней не распростеръ прохладныя пещеры
И день, какъ лиры вздохъ, за рифомъ не угасъ...

Сестра моей Звѣзды была со мной въ тотъ часъ
Надъ бездной, въ вышинѣ, одна—съ вечерней славой;
Завѣтовъ пламенныхъ грозою величавой
Меня обвѣяла, и прорицала мнѣ
О жизни, тонущей въ пурпуровомъ огнѣ,
О крыльяхъ, рѣющихъ за грезою надзвѣздной,
О славѣ золотой, пылающей надъ бездной,
О цѣли творческой священныхъ береговъ.
И зѣвомъ гибели, предъ вѣчностью снѣговъ,
Грозящей я клялся, и повторялъ обѣты:
Исполнивъ мѣру мышцъ, достичь побѣдной меты;
Молвы враждебной судъ, какъ судъ друзей, презрѣть—
И, крайнее дерзнувъ, единою горѣть
Мечтой излюбленной и волей вдохновенной
Въ надеждѣ золотой, въ надеждѣ дерзновенной!

АЛЬПІЙСКІЙ РОГЪ.

Средь горъ глухихъ я встрѣтилъ пастуха,
Трубившаго въ альпійскій длинный рогъ.
Пріятно пѣснь его лилась; но, зычный,
Былъ лишь орудьемъ рогъ, дабы въ горахъ
Плѣнительное эхо пробуждать.
И всякій разъ, когда пережидалъ
Его пастухъ, извлекши мало звуковъ,
Оно носилось межъ тѣснинъ такимъ
Неизреченно-сладостнымъ созвучьемъ,
Что мнилося: незримый духовъ хоръ,
На неземныхъ орудьяхъ, переводитъ
Нарѣчіемъ небесъ языкъ земли.

И думалъ я: «О, геній! какъ сей рогъ,
Пѣть пѣснь земли ты долженъ, чтобъ въ сердцахъ
Будить иную пѣснь. Блаженъ, кто слышитъ».

И изъ-за горъ звучалъ отзывный гласъ:
«Природа—символъ, какъ сей рогъ. Она
Звучитъ для отзвука; и отзвукъ—Богъ.
Блаженъ, кто слышитъ пѣснь, и слышитъ
отзвукъ».

СОНЕТЫ.

НА МИГЪ.

День пурпуръ царственный даетъ вершинѣ снѣжной
На мигъ: да возвѣститъ божественный восходъ!
На мигъ сзываетъ онъ изъ синевы безбрежной
Златистыхъ облаковъ вечерній хороводъ.

На мигъ раститъ зима цвѣтокъ снѣжинки нѣжной,
И зиждетъ радуга кристально-яркій сводъ,
И метеоръ браздитъ полнощный небосводъ,
И молній пламенникъ взгорается, мятежный...

И ты, поэтъ, на мигъ землѣ печальной данъ!
Но міру дольнему тобою міръ явленный
Мы зрѣли, вѣчностью мгновенной осіянъ,—

О, Пушкинъ! чистый ключъ, огнемъ запечатлѣнный
Мечей, ревнующихъ къ сынамъ юдольныхъ странъ!—
И плачемъ вѣчно мы въ тоскѣ неутоленной...

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда Харитъ наперсникъ дерзновенный
Вдругъ обнажитъ ликъ вѣчной Красоты,—
Его мечтѣ не вѣря вдохновенной,
Нежданный ликъ смущенно видишь ты...

Но побѣжденъ споръ косной слѣпоты,
И вотъ—слеза, и трепетъ вдругъ мгновенный,
И памяти ты внемлешь сокровенной:
«Художникъ правъ: я зрѣлъ сіи черты!»

Звучите намъ, небесные залоги!
Чтò зрѣли мы—еще блаженны боги,—
Художества, напоминайте намъ!

О, Музыка! въ тоскѣ земной разлуки,
Живѣй сестеръ влечешь ты къ дивнымъ снамъ:
И тайной Рокъ связалъ нѣмые звуки.

ПОЛЕТЪ.

Изъ чуткой тьмы пещеръ, расторгнувъ мѣдь оковъ,
Стремится Музыка, обвита бурной тучей...
Ей вслѣдъ — погони вихрь, гулъ безднъ, и звонъ подковъ,
И свѣточъ пламенный, какъ метеоръ летучій...

Ты, Муза вѣщая! Мчитъ по громамъ созвучій
Крылатый конь тебя! По грядамъ облаковъ,
Чрезъ ночь нѣмыхъ судебъ и звѣздный сонъ вѣковъ,
Твой факелъ кажетъ путь и сѣетъ слѣдъ горючій.

Простри же руку мнѣ! Дай мнѣ покинуть брегъ
Ничтожества, суетъ, страстей, самообмановъ!
Дай раздѣлить пѣвцу надвременный твой бѣгъ!...

То—Промеѳеевъ вопль, иль брань воздушныхъ становъ?
Гдѣ я?.. Вкругъ тучъ пожаръ —ココ мракъ безднъ — и крыльевъ снѣгъ,—
И мышцы гордыя напрягшихъ мощь Титановъ...

СНЫ.

«Проснись, пора домой!»—сказалъ мнѣ голосъ мирный.
Въ забвеньи полусна покинулъ я ночлегъ;
Но къ Утренней Звѣздѣ летя чрезъ понтъ эѳирный,
Воспомнилъ синій Понтъ, златистый дальній брегъ...

И брега я достигъ. Равниною сафирной
Ладья готовилась стремить скользящій бѣгъ:
Сонмъ свѣтлый покидалъ, въ вѣнцахъ, съ игрою лирной,
Для горькихъ сновъ Земли обитель горнихъ нѣгъ.

Тоскующій порывъ умчалъ меня назадъ,—
Я Землю вновь узрѣлъ, съ отрадой слезъ обильныхъ:
Былъ тихъ прекрасный міръ, и пламенѣлъ закатъ.

Но жизнь минувшая спалà межъ плитъ могильныхъ,
И пустъ былъ чуждый міръ... Съ востока вѣялъ хладъ:
Туда меня влекло желанье крыльевъ сильныхъ...

УВЛЕЧЕНІЕ.

Гдѣ цѣпью розовой, въ сіяющей дали,
Тянулись облака и въ морѣ отражались,
Лазурные валы, горя, преображались
И ризу пурпура прозрачнаго влекли.

Мы жъ къ пламеннымъ волнамъ—стремясь—не приближались:
Онѣ бѣжали насъ; чѣмъ далѣ мы гребли,
Пространства блѣдныя за нами умножались,
Гдѣ тѣнь и отблескъ волнъ ночной узоръ плели.

Мы тѣнь съ собой несли—и гналися за свѣтомъ..
Но вдругъ опомнились: исчезъ лукавый сонъ,—
Внезапно день потухъ, и потемнѣло море.

Вставалъ далекій брегъ суровымъ силуэтомъ,
И безразличенъ былъ поблекшій небосклонъ,—
И сердце—гордое свое ласкало горе.

ЛЮБОВЬ.

Мы—два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночнаго бора;
Мы—два въ ночи летящихъ метеора,
Одной судьбы двужалая стрѣла!

Мы—два коня, чьи держитъ удила
Одна рука,—одна язвитъ ихъ шпора;
Два ока мы единственнаго взора,
Мечты одной два трепетныхъ крыла.

Мы—двухъ тѣней скорбящая чета
Надъ мраморомъ божественнаго гроба,
Гдѣ древняя почіетъ Красота.

Единыхъ тайнъ двугласныя уста,
Себѣ самимъ мы—Сфинксъ единый оба.
Мы—двѣ руки единаго креста.

ИТАЛЬЯНСКІЕ СОНЕТЫ.

Италія, тебѣ славянскій стихъ
Звучитъ, стѣсненъ въ доспѣхъ твоихъ созвучій!
Стихъ родины отзвучной и пѣвучей,
Прими его—даръ отъ даровъ твоихъ!

АДРІАТИКА.

Надъ сѣрой бездной водъ означилась луна,
И дали жидкій блескъ, и струй металлъ текучій...
Вѣтръ мечетъ мертвый листъ по отмели зыбучей,
Гдѣ начерталъ отливъ нѣмыя письмена.

Воюетъ, ропща, мель сѣдая глубина—
И шлетъ вспѣненный валъ—и изумрудъ кипучій
Въ прозрачный зиждетъ сводъ—и бурею ревучей
Падетъ—и вспять скользитъ—и вновь идетъ, гнѣвна.

Свой щитъ оранжевый надъ влагой воздымая,
Длилъ парусъ искру дня: угасла и она...
За гулкимъ зовомъ волнъ зіяетъ ночь нѣмая...

Мы жили: полонъ духъ, и пóлны времена!
И вновь къ тебѣ летимъ, къ тебѣ — двѣ чайки, —
Майя!—
Гдѣ плещетъ ночь и день зеленая волна.

БАРКАРОЛА.

Надъ лунной нѣгой волнъ, въ ладьѣ, подъ тайной маски,
Моя Печаль поетъ при плескѣ баркаролъ,
И лютни звонъ струитъ свой палевый Пактолъ
Въ опаловую даль, гдѣ, млѣя, тонутъ краски...

Моя Печаль молчитъ, блѣдна отъ нѣгъ и пляски;
Ей плещетъ буйный хоръ съ ликующихъ гондолъ;
Жестокость въ кудри ей, съ извивомъ жадной ласки,
Вплетаетъ алыхъ розъ стожалый ореолъ.

Но Жалость юная съ подругой дѣлитъ розы,
Багритъ вѣнецъ лилей и льетъ съ улыбкой слёзы...
А съ брега, мертвый взоръ вперивъ на дальній чёлнъ,

Тѣнь, погребальныя влачащая одежды,
Бѣлѣетъ,—и на зовъ покинутой Надежды,
«Прости!» — звучитъ отвѣтъ надъ лунной дрёмой волнъ.

ЛАГУНА.

Надъ блѣднымъ саваномъ недвижимой лагуны,
Мрача покой небесъ и млечный кругозоръ,
На брегъ отчаянья деревъ нагой позоръ
Зоветъ уснувшій громъ и лѣтнихъ грозъ перуны.

Угрозой черною надъ краемъ черной дюны
Стоитъ зима дубовъ, и въ страхѣ ловитъ взоръ
Окостенѣлыхъ мышцъ чудовищный узоръ,
Ожесточенія страдальческія руны...

Чуть плещетъ низкій валъ въ прибрежномъ тростникѣ.
Вися надъ бездной, челнъ колеблетъ вдалекѣ
Свой образъ, водъ стекломъ незримымъ отраженный.

И, тѣнью царственной означивъ небосклонъ,
Встаетъ туманный градъ въ дали завороженной,
Какъ гордой памяти неусыпимый сонъ...

LA PINETA.

Покорный день сходилъ изъ облаковъ усталыхъ;
И, какъ сомкнутыя покорныя уста,
Была беззвучна даль, и никла нѣмота
Зеленохвойныхъ чащъ и немощь листвъ увялыхъ.

И кроткою лилась истомой теплота
На нищій блескъ дубовъ, на купы пиній малыхъ;
И влажная земля, подъ тлѣньемъ кущъ опалыхъ,
Была, какъ Смерть и Сѣвъ, смиренна и свята...

Такимъ явился мнѣ, о, мертвая Равенна!
Твой лѣсъ прославленный,—ты, въ лѣпотѣ святынь,
Подъ златомъ мозаикъ хранительныхъ забвенна!

И былъ таковъ твой сонъ и скорбь твоихъ пустынь,
Гдѣ вѣетъ кротко Смерть, подъ миромъ крылъ лелѣя
Мерцающую Жизнь, какъ блѣдный огнь елея.

«ВЕЧЕРЯ», ЛЕОНАРДО.

Александръ Васильевичъ Гольштейнъ.

Гость Сѣвера! когда твоя дорога
Ведетъ къ вратамъ единственнаго града,
Гдѣ блещетъ храмъ, чья снѣжная громада
Эѳирнѣй горъ встаетъ у ихъ порога,

Но Красота смиренствуетъ, убога,
Средь нищихъ стѣнъ, какъ блѣдная лампада:
Туда иди изъ мраморнаго сада
И гостемъ будь за вечерею Бога!

Дерзай! Здѣсь міра скорбь, и желчь потира!
Ты зришь ли лучъ подъ тайной бренныхъ линій?
И вызовъ Зла смятеннымъ чадамъ Мира?

Изъ тѣсныхъ оконъ свѣтитъ вечеръ синій:
Се, Красота изъ синяго эѳира,
Тиха, нисходитъ въ жертвенный триклиній.

IL GIGANTE.

Средь стогнъ прославленныхъ, гдѣ Беатриче Дантъ,
Увидѣвъ: «Incipit», воскликнулъ, «Vita Nova»,—
Нагъ, юноша-пастухъ, готовъ на жребій зова,
Стоитъ съ пращой, себя почуявшій Гигантъ.

Левъ молодой пустынь, гдѣ держитъ твердь Атлантъ.
Онъ мѣритъ окомъ степь, и мѣритъ жертву лова...
Такимъ его извелъ — изъ идола чужого —
Сверхчеловѣчества нѣмой іерофантъ!

Мышцъ мужескихъ узлы, рукъ тяжесть необорныхъ,
И выя по главѣ, и крѣпость ногъ упорныхъ,
Весь скимна-отрока еще нестройный видъ,—

Все въ немъ залогъ: и глазъ мечи, что̀ медля мѣтятъ,
И мудрость ждущихъ устъ — они судьбамъ отвѣтятъ!—
Богъ—духъ на льва челѣ... О, вѣрь пращѣ, Давидъ!

«MAGNIFICAT», БОТТИЧЕЛЛИ.

Какъ блѣдная рука, пріемля рокъ мечей,
И жребій жертвенный, и вышней воли цѣпи,
Чертитъ: «Се азъ, раба»—и горнихъ велелѣпій
Не зритъ Вѣнчанная, склонивъ печаль очей:

Такъ ты живописалъ безсмертныхъ боль лучей,
И долу взоръ стремилъ, и средь безводной степи
Плѣняли сѣни чаръ и призрачный ручей
Твой духъ мятущійся, о, Сандро Филипепи!

И Смерть ты лобызалъ, и рвалъ цвѣтущій Тлѣнъ!
Съ улыбкой страстною Весна сходила въ долы:
Желаній вѣчность—взоръ, уста—истомный плѣнъ...

Но снились явственнѣй забвенные глаголы,
Оливы горнія, и Свѣтъ, въ ночи явленъ,
И поцѣлуй небесъ,—и тѣнь Савонаролы...

MARIS STELLA.

У гордыхъ береговъ полуденной земли,
Когда звѣзда любви сіяла съ небосклона,
Тебѣ, царица волнъ, небесная Діона,
Звучало кормчаго хвалебное «Внемли!»—

Гдѣ изъ туманныхъ безднъ и меркнущей дали,
Чрезъ лунныя бразды сафироваго лона,
Горя средь новыхъ звѣздъ, звѣзда морей—Мадонна—
Къ отрадной пристани приводитъ корабли.

И въ часъ, когда валы въ вечерней блещутъ славѣ,
Съ утесовъ голубыхъ ее встрѣчаетъ «Ave»,
И сходитъ влажный гимнъ на тѣнь небесныхъ розъ.

И, угадавъ сквозь сонъ восходъ ея завѣтный,
Я внемлю, съ пѣньемъ волнъ, изъ кущъ лилейныхъ грёзъ,
Какъ Angelus паритъ въ лазури предразсвѣтной.

ВЕСНА.

Округлыхъ облаковъ лилейныя толпы,
И млѣя, и клубясь надъ гладью моря дальной,
Роняютъ въ свѣтлый сонъ голубизны кристальной
Блестящихъ отсвѣтовъ недвижные столпы.

Далече стелетъ челнъ лазурныя тропы;
Бѣлѣетъ анемонъ, и дышитъ цвѣтъ миндальный,
И легкій паръ таитъ волной фаты вѣнчальной
Весны полуденной неслышныя стопы.

И часто съ кряжа горъ—ущелій гость бездомный—
Брега окликнетъ громъ,—и льется теплый дождь,
И жаркая земля вздыхаетъ грудью томной.

И въ рощахъ флейты гласъ поетъ—желаній вождь,
Съ тоской разымчивой—протяжный—неразлученъ...
И сладостный призывъ мятежно-однозвученъ...

LA SUPERBA.

Тѣнь рѣетъ. Въ глубинѣ, за рощей горныхъ пиній,
Залива гнѣвный блескъ подъ грозовымъ крыломъ,
И зыбкой чешуи измѣнчивымъ стекломъ—
Тучъ отраженный мракъ, и волнъ отливъ павлиній...

А на краю земли, въ красѣ надменныхъ линій,
Восточный стражникъ—мысъ подъемлетъ свой шеломъ,
И синіе хребты властительнымъ челомъ
Изъ влажной бирюзы встаютъ до тучи синей.

Лазурный духъ морей, безвѣстныхъ гость дорогъ—
Вдали корабль; предъ нимъ—серпъ лунный, вождь эѳирный...
Ужъ день переступилъ предѣльныхъ скалъ порогъ.

Но горномъ тлѣющимъ, въ излучинѣ сафирной,
Въ уступахъ, на чертогъ нагромоздивъ чертогъ,
Все рдѣетъ Генуи амфитеатръ порфирный.

КИПАРИСЪ.

Очей глубокій мракъ жена, подъ мракомъ ризъ
Недвижная въ нѣмомъ величіи котурна,
Вперила въ ночь вѣтвей, гдѣ въ нишѣ блещетъ
урна;
Ласкаетъ бѣглый день во мху разбитый фризъ...

Такъ на развалинахъ святой земли Сатурна,
Смуглѣя межъ оливъ, какъ средь богинь Парисъ,
Благоуханный мракъ возноситъ кипарисъ;
Съ нимъ глубь небесъ ярка, и даль холмовъ —
скульптурна.

Древа тѣней, чей сонъ питаетъ Асфоделъ!
Имъ любо грезить Манъ мерцающій предѣлъ,
Нарциссамъ темныхъ водъ, надъ зеркаломъ ихъ
лона —

Иль, гибкій зыбля стволъ у прага древнихъ виллъ,
Какъ иглостолпный сонмъ провидящихъ Сивиллъ,
Внушать священный ритмъ стремленьямъ Аквилона.

ЛУННЫЙ ПЛѢНЪ.

Идетъ богиня въ лучезарной столѣ,
Влача въ волнахъ край столы сребротканой
Взоръ полоненъ текучею Діаной,
И спитъ мечта въ магической неволѣ.

Я все бъ глядѣлъ, съ усладой неустанной,
Какъ мнетъ Эолъ серебряное поле,
Какъ зыбь ползетъ и стелется на волѣ,
Змѣиная, средь зелени туманной...

Но свѣтлыхъ водъ милѣй мнѣ холмы эти,
И мракъ надежный лиственнаго ~~свода~~, Крова
И древней рощи усыпленный лепетъ;

Милѣй просвѣтовъ окрыленныхъ трепетъ
Межъ чуткихъ кущъ, и призрачнаго лова
Въ тѣни оливъ раскинутыя сѣти.

SPECULUM DIANAE.

Ивану Михайловичу Гревсу.

Вотъ зеркало Діаны. Тѣсно кругъ
Магическій дубравъ и пастбищъ горныхъ
Сомкнулъ свой плѣнъ надъ чашей водъ озёрныхъ.
Богиня здѣсь, въ нагой толпѣ подругъ,

Купается, иль бѣгомъ ногъ проворныхъ,
Играючи, днесвѣтлый топчетъ лугъ,
Иль, лань спугнувъ межъ кипарисовъ черныхъ,
Лукъ емлетъ свой и напрягаетъ тугъ;

Иль, загрустивъ надъ серебромъ пучины
Глухихъ морей, придетъ сюда, клоня
Надъ влагой ликъ божественной кручины.

И рано здѣсь жаръ остываетъ дня;
И Рима дщерь смолистыя лучины
Сюда несетъ обѣтнаго огня.

L'ARCO MUTO.

Наяды ли воззвали этотъ сводъ
Изъ лунныхъ струй? Иль рухнули чертоги
Полубоговъ, и древніе пороги
Межъ мертвыхъ скалъ покрыла тайна водъ?

Не бойся тьмы: недологъ переходъ.
Сіяетъ ночь за бровью свода... Ноги
Кропитъ росой алмазной хороводъ,
Влекущій сѣть серебряной дороги.

Какъ стройный вздохъ, «Иди!» звучитъ напѣвъ...
Опасенъ гласъ сереброногихъ дѣвъ,
Гекаты лучъ и марева Протея!

Не вѣрь пучинъ играющимъ богамъ,
Когда манитъ Тритоновъ Галатея,
Рога ревутъ, и вторитъ сводъ рогамъ!

СУБІАКО.

Громады скалъ грозятъ со всѣхъ сторонъ;
Въ гробахъ тѣснинъ гремитъ потокъ кипучій.
Средь сихъ дубравъ, о, Панъ, стоялъ твой тронъ!
Твоя свирѣль будила долъ дремучій!

Умолкнулъ Панъ: за нимъ пришелъ Неронъ,—
И всталъ сей сводъ, лозой увитъ ползучей.
Млекóмъ Мэнадъ, Горгоны кровью жгучей
Вспоенный богъ, за Паномъ умеръ онъ...

И Бенедиктъ, обрѣвъ пріютъ скалистый,
Елей молитвъ возжегъ въ пещерѣ мглистой:
И новый Богъ сталъ богомъ этихъ мѣстъ.

Вотще грозилъ полнощный голосъ Пана,
И звѣрь блуждалъ, рыкаючи, окрéстъ,
Открытый намъ видѣньемъ Іоанна.

МОНАСТЫРЬ ВЪ СУБІАКО.

За мной—вершинъ лиловый океанъ;
И крестъ, и дверь—въ концѣ тропы нагорной,
Гдѣ каменныхъ дубовъ сомкнутый станъ
Надъ кручей скалъ листвой поникнулъ черной.

Какъ стая змѣй, корней извивъ упорный
Проникъ утесъ въ отверстья старыхъ ранъ:
Ихъ сѣть тверда, какъ ихъ оплотъ опорный;
Ихъ сѣнь вотще колеблетъ ураганъ.

Вхожу. Со стѣнъ святыя смотрятъ тѣни;
Ведутъ во мглу подземную ступени;
Вотъ жертвенникъ: надъ нимъ—пещерный сводъ.

Вотъ вертоградъ: нависли скалъ угрозы;
Ихъ будитъ громъ незримыхъ дольнихъ водъ;
А вкругъ горятъ мистическія розы.

КОЛИЗЕЙ.

Какъ тяжкій гулокъ сводъ, и мракъ угрюмъ и густъ!..
Вхожу: луна сребритъ истлѣвшія громады.
Какъ впадины очей потухнувшихъ, аркады
Глядятъ окрѐстъ. Все спитъ. Просторъ арены пустъ...

И мнится: древній родъ Нероновъ и Локустъ
Наполнилъ чуткій мракъ... Тѣснятся миріады.
Незримо—зоркіе, на мнѣ лежатъ ихъ взгляды.
Беззвучный слышенъ плескъ, и кликъ безгласныхъ устъ...

Чтò жаднымъ трепетомъ, какъ въ дни кровавыхъ оргій,
Волнуетъ ихъ приливъ подъ блѣдною луной?
Куда вперенъ ихъ взоръ? Чтò движетъ ихъ восторги?..

На свѣтломъ поприщѣ чья тѣнь передо мной?..
Взгляну ль назадъ, тоской и ужасомъ объятый?..
Крестъ виденъ на тѣни, и на крестѣ—Распятый...

LA STANZA DELLA DISPUTA.

Есть въ Вѣчномъ городѣ, друзья, чертогъ одинъ,
Гдѣ вѣчные звучатъ съ поблекшихъ фресокъ споры:
Тамъ ищутъ Истины мыслители Аѳинъ;
Тамъ молятъ Истины святыхъ Отцовъ соборы.

Имъ внемлютъ Вѣщія съ таинственныхъ вершинъ:
Вотъ Справедливая мечемъ рѣшитъ раздоры;
Вотъ учитъ Мудрая «познанію причинъ»;
Но къ тайнѣ Божества летятъ Небесной взоры.

И дѣва свѣтлая—одна изъ ихъ числа—
Царитъ на тронѣ тучъ, и Дафною священной
Чело возвышенныхъ прозрѣній обвила...

Ты, ты, Пôэзія! Ты съ лирой вдохновенной
Одна взяла въ удѣлъ могучихъ два крыла,
Чтобъ къ Истинѣ парить дорогой дерзновенной!

СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА.

Горѣ сердца и взоръ! Се, Вѣчности символъ—
И въ вихрѣ творческомъ двѣ краты зримъ Могущій;
И жизнеструйный перстъ; и ликъ жены грядущей
Въ пареньи Вѣщаго; и рай; и сѣмя золъ;

И изъ гремящихъ устъ семи судебъ глаголъ;
И откликъ зрящихъ дѣвъ на голосъ, ихъ зовущій;
И тѣлъ, и вздоховъ ритмъ, и сѐмьи, въ скорби
ждущей,
Потомка тайнаго неискупленный стволъ...

Въ глубь храмины взгляни! Тамъ серпъ и жатва
сѣва!
Тамъ цѣпъ, и прахъ цѣпа! Тамъ кликъ и трубы
гнѣва,
И многій вопль святыхъ: «О, воскресни на судъ!»—

И длань Разящаго смягчающая Дѣва,
И вихорь тѣлъ... И храмъ исполнь громовъ и рева—
Явленной музыки колеблемый сосудъ.

27

СИРАКУЗЫ.

Фіалкокудрыя,—близъ мѣстъ, гдѣ, ўбѣливъ,
Какъ пѣной, яхонтъ волнъ, всплываютъ Сиракузы
Надъ моремъ греческимъ,—изгнанье раздѣливъ
Любовью стремною гонимой Ареѳузы,—

Подъ сребродымнымъ сномъ свѣтлѣющихъ оливъ
Родимый пѣли хоръ дорическія Музы,—
И мощь Аѳинъ влекла Обиды бранной узы,
Потупивъ горькій взоръ на роковой заливъ...

Синѣетъ понтъ густой; ливійскій день палитъ.
Съ тобой ли, Ѳеокритъ, возлечь на лугъ медвяный,
Гдѣ пряный ѳиміамъ въ тѣни гробницъ разлитъ?

Тебя ль, перунъ-Пиндаръ?—Ліэемъ обуянный
Эсхилъ, тебя ль воззвать, сошедъ на мраморъ плитъ,
Гдѣ ты плясалъ, взявъ тирсъ, вокругъ ѳимелы рьяной?

ТАОРМИНА.

За мглой Авзоніи востокъ небесъ алѣй;
Янтарный всходитъ дымъ надъ снѣговерхой Этной;
Снѣгъ рдѣетъ и горитъ, и пурпуръ огнецвѣтный
Течетъ съ ея главы, какъ царственный елей,

На склоны тихіе дубравъ, на миръ полей
И рощей масличныхъ, и берегъ предразсвѣтный,
Гдѣ скоро смутный понтъ голубизной просвѣтной
Сверкнетъ въ развалинахъ священныхъ пропилей.

Въ обломкахъ спитъ ѳеатръ, орхестра онѣмѣла;
Но вѣчно курится въ снѣгахъ твоя ѳимела,
Грядый въ востокѣ дня и торжествѣ святынь!

И съ твоего кремля, какъ древле, Мельпомена
Зритъ, Эвій, скорбная, волшебный кругъ пустынь
И Тартаръ, дышащій подъ вертоградомъ плѣна!

НОСТАЛГІЯ.

Подруга,—тонутъ дни! Гдѣ ожерелье
Сафирныхъ тѣхъ, тѣхъ аметистныхъ горъ?
Прекрасное немило новоселье.
Гимнъ отзвучалъ: зачѣмъ увѣнчанъ хоръ?..

О, розы пѣны въ пляскѣ нѣжныхъ Оръ!
За пиромъ Музъ въ пустынной нашей кельѣ—
Близъ волнъ морскихъ вечернее похмѣлье!
Далекихъ волнъ опаловый просторъ!..

И горнихъ розъ воскресшая побѣда!
И ты, звѣзда зари! ты, рдяный градъ—
Пареній даль, маякъ златого бреда!

О, свѣтъ любви, ему же нѣтъ преградъ,
И въ лоно жизни зрящая бесѣда,
Какъ лунный лучъ въ подводный блѣдный садъ!

ПАРИЖСКІЯ ЭПИГРАММЫ.

Ивану Михайловичу Гревсу

(1891)

СТРАННИКЪ И СТАТУИ.

«Дѣти Красоты невинной!
Въ снѣжной Скиѳіи, у насъ,
Только вьюги ночи длинной
Долго, долго рушатъ васъ.
Здѣсь на васъ, — бѣгите Галловъ! —
Въ бунтѣ новомъ опьянѣвъ,
Чернь рушителей-вандаловъ
Изливаетъ буйный гнѣвъ.»
—«Славны, странникъ, эти раны:
На живыхъ то гнѣвъ живыхъ!
Ахъ! мы вѣчно бездыханны
Въ саркофагахъ снѣговыхъ!»

ВАНДОМСКАЯ КОЛОННА.

Съ трепетомъ, трофей Вандома,
Внемлю вѣчный твой языкъ:
Онъ гремитъ во славу грома,
Славу славитъ мѣдный зыкъ!

ГРОБНИЦА НАПОЛЕОНА.

«Этотъ гробъ велерѣчивый,
О, герой! не преклонитъ
Судъ племенъ разнорѣчивый,
Славы споръ — и Эвменидъ!..»
— «Живъ и мертвъ, подъемлю кликъ:
Вы — ничтожны, я — великъ!»

ПАНТЕОНЪ.

Всѣмъ богамъ вы храмъ создали,
Былъ одинъ живущій Богъ:
Трижды вшедшаго въ чертогъ
Трижды вы Его изгнали.

СКИѲЪ ПЛЯШЕТЪ.

Стѣны Вольности и Правъ
Дикимъ Скиѳамъ не по нраву:
Guillotin училъ васъ праву...
Xáосъ — воленъ! Xáосъ — правъ!

Намъ, нестройнымъ,— своеволье!
Намъ — кочевье! Намъ — просторъ!
Намъ — безмежье! Намъ — раздолье!
Грани — вамъ, и граней споръ!

Въ насъ заложена алчба
Вамъ невѣдомой свободы.
Ваши вѣки — только годы,
Гдѣ заносятъ непогоды
Безъименные гроба.

LIBERTÉ, EGALITÉ, FRATERNITÉ.

Здѣсь гремятъ тройнымъ аккордомъ
Правъ великихъ имена...
О, счастливая страна!
Что̀ носилъ я въ сердцѣ гордомъ,
Носитъ каждая стѣна.

SUM CUIQUE.

Имя Братства и Свободы
Чтутъ начертано народы:
Галлъ—на храмахъ и дворцахъ,
Бриттъ—въ законахъ, мы—въ сердцахъ.

IURA MORTUORUM.

Вотъ—кладбище, и у входа:
«Братство, Равенство, Свобода...»
Здѣсь учился Данте самъ
Силѣ двѐрныхъ эпиграммъ!

IURA VIVORUM.

«Братство, Равенство, Свобода» —
Гордо блещутъ съ арки входа.
— «Чтó за мрачные дома?»
— «Наша, сударь, здѣсь — тюрьма...

ПАНАЦЕ́Я.

Кто — скорбитъ по езуитѣ,
Кто́ — зоветъ въ страну царей:
Галлы, Галлы, призо́вите
Чужеземныхъ матерей!

РАБЪ И СВОБОДЬ.

Съ Грекомъ Галлъ несхожъ — и сходенъ
Эллинъ вольностью созда́нъ:
Галлъ — все Галлъ, пока свободенъ, —
Эллинъ онъ, коль обузда́нъ.

«A TOUTES LES GLOIRES DE LA FRANCE».

Галлъ надъ портикомъ Версальскимъ
Начерталъ: «Всѣмъ Славамъ Галльскимъ...»
Горделивѣй нѣтъ рѣчей;
Но мнѣ милъ ихъ звукъ высокій:
Чужестранцу лавръ мечей
Ненавистенъ одинокій.

ТЕМНЫЯ МУЗЫ.

Прочь отъ жизни обиходной
Гонитъ Музъ полетъ свободный
Къ Сфинксамъ ночи модный бѣсъ;
Кладязь символа холодный
Учитъ насъ красѣ небесъ;
Милъ намъ солнца ликъ подземный,
Милы зовы глуби стремной.

HORROR VACUI.

Безпредѣльный, безнадежный,
Въ мірѣ мракъ, и мракъ въ груди;
Неизслѣдный, неизбѣжный —
Позади и впереди...
Друженъ скептикъ въ общей долѣ
Съ вызывателемъ тѣней,
Въ мирѣ съ мистикомъ аѳей:
«Населяйте мракъ по волѣ —
Пустота всего страшнѣй!»

CAVEANT CONSULES.

Мудрецы многосердечья,
Всѣхъ временъ, сердецъ и странъ
Разумѣемъ мы нарѣчья—
И поймемъ тебя, тиранъ!...
Такъ, въ бездушьи лицемѣрномъ,
Такъ, въ безвѣрьи многовѣрномъ.
Возрастаетъ межъ гробовъ
Поколѣніе рабовъ.

BELUARUM DISCIPLINA.

У Природы вымогаетъ
Нѣги новыя Развратъ,
И Жестокость помогаетъ,
Гдѣ ея изнемогаетъ
Въ пресыщеньи алчный братъ

Вы, правители, въ боязни
Всенародной непріязни
Роковой услышать гласъ, —
Дайте зрѣлищъ лютой казни —
И толпа возлюбитъ васъ!...

«Казнь заутра — злымъ ко страху!...»
Бѣшенъ былъ сей пиръ добра:
Чернь съ полночи до утра
Жадно выла, видя плаху,
Въ ожиданьи топора...

БУЛЬВАРЪ.

Ночь — роящіеся станы —
Озаренные платаны —
Шелка шелестъ — чаши звонъ —
Отзвукъ плесковъ — отзвукъ пляски —
Ртовъ картавящихъ жаргонъ —
И на лицахъ рыжихъ женъ
Намалеванныя маски...

LE NU DANS L'ART.

Промеѳею подражай,
Другъ нагихъ Харитъ — Художникъ!
Какъ божественный безбожникъ,
Тѣло намъ изображай!
Сердцемъ чистый, дерзновенный,
Старца даръ богоявленный
Къ вѣчнымъ Формамъ приближай!

LE NU AU SALON.

За нагой и горделивой
Дафной — Фебъ... А вы куда?...
Прочь, ревнивцевъ рой блудливый!
Прочь, вы, твари похотливой
Козлоногія стада!

ЛАБИРИНТЪ.

Сколько Звѣрю въ снѣдь предàлъ
Ты Земли кровавыхъ даней,
Человѣческихъ блужданій
Сѣрокаменный дедалъ!

ПАРИЖЪ СЪ ВЫСОТЫ.

Тотъ не любитъ Человѣка,
Сердце — городъ, кто тебя
Озираетъ не любя, —
О, горящее отъ вѣка!
Неопально-пылкій тёрнъ!
Страстныхъ рудъ плавильный горнъ!

КУЛЬТЪ НЕМЕЗИДЫ.

Нравамъ свѣта служитъ совѣсть,
Лишь условно чтима честь;
Но одна святыня есть:
Объ отчизнѣ падшей повѣсть,
За отчизну гнѣвъ и месть!
Всѣ завѣты лживы, спорны:
Святы лишь отчизны тёрны!

GALLUS.

Долги дни, глашатай свѣта!
Міръ отъ темныхъ силъ блюди;
Упреждай лучи разсвѣта;
Бодрствуй самъ — и насъ буди!

EPIMETRON.

ДВА ХУДОЖНИКА.

Марiи Михайловнѣ Замятниной.

Милы мнѣ, чуткiй другъ, въ мечтательномъ Пуссэнѣ:
Веселья звонкiя въ пустынности луговъ;
Въ прозрачныхъ сумеркахъ скитанiя боговъ;
Надъ легкой радостью—задумчивыя сѣни;
Невѣдомой зарей затепленъ край небесъ—
И лучъ, сочащiйся подъ лиственные своды,
И ожиданiе плѣнительныхъ чудесъ
Въ улыбкѣ вечерѣющей природы.

Какъ дали тонкiя, чаруетъ Клодъ-Лоррэнъ
И зеленью морей влечетъ, какъ пѣснь Сиренъ,
Въ плѣнъ ясныхъ гаваней, гдѣ спятъ чужiя воды,
Подъ стройные столпы и мраморные своды
И мачты, свившiя на отдыхъ паруса,
Межъ тѣмъ какъ чистый серпъ прорѣзалъ небеса.

ДИСТИХИ.

VESTE DETRACTA.

Граціи, вами клянусь: милѣй Красота безъ одежды!
Полный гармоній безъ риѳмъ стихъ обнаженный милѣй!

ДЕНЬ И НОЧЬ.

Ὦ φύσι, παμμήτειρα θεά!
Hymn. Orph.

Времени двухъ близнецовъ родилà Природа-Всема-
терь:
Сынъ огневласый былъ День, дщерь сине-
кудрая—Ночь.
Въ юношѣ первая встрѣча зажгла къ задумчивой
дѣвѣ,
Къ пылкому брату въ сестрѣ скоро-растущую
страсть.
Трепетно дѣти летятъ въ объятіи смѣшанномъ
слиться:
Во-время стала межъ нихъ ужаса полная
мать.
«Бракъ», вопіетъ, «преступный цѣной искупите
жизни:
Ваше безсмертье возьметъ, дѣти, вашъ горест-
ный сынъ —

Сумерки! Вижу его сомнительный ликъ, содрогаясь,—
Съ матерью схожъ и съ отцомъ, яркой ихъ прелести чуждъ...»
Такъ вопіетъ—вотще... И, гнѣвясь, всталъ древній родитель
(Старецъ, переживать любитъ онъ чуждую смерть):
«Жизни одной вы хотите? Одной и смерти? Возьмите жъ
Каждый равную часть жизни и смерти одной!..»
Горе! Съ тѣхъ поръ, только близится День, разгораяся, къ Ночи—
Звѣздная дѣва блѣдна и бездыханна предъ нимъ!
Вновь оживая, подъемлетъ фату, и грядетъ,— онъ пылаетъ...
Мигъ—и въ объятьяхъ ея хладный до срока мертвецъ!

LAETA.

Алексѣю Михайловичу Дмитревскому.

(1892)

Roma, fave: tibi surgit opus.
Propert.

Tristia miscentur laetis.
Ovid.

I.

Въ Римъ свои Tristia слалъ съ береговъ Понтійскихъ Овидій;
Къ Понту изъ Рима я шлю—Laeta: безсмертнымъ хвала!..
Pluvius Римское поле благословилъ, и враждебный
Мартъ опрокинулъ на насъ всѣ водоемы небесъ.
Другъ! но сіяетъ во мнѣ глубокое небо, и Солнце
Съ гордой квадриги на міръ мещетъ златые лучи!
Рим...—всѣхъ боговъ жилищемъ клянусь!—мнѣ по сѐрдцу обитель:
Цѣли достигнувъ святой, здѣсь я, паломникъ, блаженъ.

Здѣсь мнѣ сладокъ ночлегъ; но сладостнѣй здѣсь пробужденье:
Жажду жить, созерцать, и познавать, и творить.
Здѣсь бы поставилъ я прочный алтарь усталымъ Пенатамъ—
Странникъ бездомный!—и вотъ подпись на томъ и печать:
Вѣчный очагъ Всебогини, Всематери,—вѣчный Всебога,—
Сей Пантеонъ! Шлю его, другъ, не случайно тебѣ!
Вспомнилъ я въ немъ и почтилъ нашей юности свѣтлую вѣру:
Держитъ надъ юношей власть дивный, таинственный Панъ!
Все намъ являло живого, сокрытаго; небо пустѣло,
Но раздавалась въ лѣсахъ дальняя бога свирѣль...
Деспотъ незримый, въ соборѣ боговъ онъ жилъ и съ трапёзы
Всѣхъ кумировъ вкушалъ въ храмѣ всебожья—всебогъ.
Кру̂гомъ былъ вѣчнаго домъ подъ шатромъ золотой полусферы:
Кру̂гомъ—владѣнье земли подъ полусферой небесъ.
Въ око разверстаго свода днемъ Зевсъ, озирая кумиры,
Самъ его домъ озарялъ съ невозмутимыхъ вершинъ.

Гаснули своды — въ отверстый зенитъ нисходила
Селена:
Гротомъ счастливѣйшихъ Нимфъ мнилъ онъ
созданье людей...
Нынѣ — чужіе кругомъ алтари. «Побѣдитель При-
роды»,
Юной Мадонны у ногъ юный почилъ Ра-
фаэль.
Духъ побѣдилъ, и вселился во храмъ. Но древніе
камни
Древней Природѣ поютъ тотъ же нѣмой ди-
ѳирамбъ!
Нѣтъ изваяній, ни бронзъ; вотъ морщины, вотъ
раны: но старецъ—
Храмъ, какъ незрячій Гомеръ, вѣчною ды-
шитъ весной.
Нѣтъ покрововъ, но тѣ же черты, то же солнце,—
и громче
Древней Природѣ звучитъ, строже нѣмой ди-
ѳирамбъ!..
Многихъ поклонникъ боговъ, я самъ, язычникъ
безпечный,
Мой побѣжденный Олимпъ мирно съ побѣд-
нымъ сліялъ.
Многихъ боговъ Римъ почтилъ, всѣхъ пріявъ во
священныя ниши;
Многихъ почтили боговъ Анджело и Рафаэль.
Чтò тосковать намъ о томъ, что съ вершинъ Индій-
скихъ на тиграхъ
Ужъ не сойдетъ Діонисъ межъ изступлен-
ныхъ Мэнадъ?

Не умираетъ Римъ — не умрутъ ни геній, ни боги:
Будутъ намъ боги еще, будетъ еще красота!.
— «Странный! ужель за Альпійской стѣной не довольно почтеннымъ
Паркамъ разспросомъ пустымъ ты, какъ дитя, досаждалъ?
Темную будущность тамъ заклинай и надѣйся по волѣ:
Здѣсь настоящимъ живи! здѣсь созерцай и молись!
Счастливъ истинно ты предъ многими въ Гипербореяхъ:
Столькихъ позналъ ты боговъ, столько ты зрѣлъ красоты!
Но пока, пріютясь у подножія Collis Hortorum,
Ты праздномысля сидишь, — отъ Эѳіоповъ святыхъ
Съ пира вернулся Зевесъ, и послалъ намъ перунъ благосклонный,
И несказанно лазурь вешней грозой прояснилъ.
Весело нынѣ въ Музеѣ бродить, гдѣ, какъ плектронъ незримый,
Стройно движетъ тебя статуй безчисленныхъ ритмъ;
Иль, обходя святой Палатинъ и прославленный Форумъ,
Изъ величавыхъ гробовъ звать величавую жизнь...»
Такъ говорилъ Геній Мѣста. Но я отвѣтствовалъ: «Нынѣ

Время и геніямъ знать: добрый Гомеръ устарѣлъ.
Время взирать на міръ съ просвѣщенною мысли свободой:
Другъ, стремись усвоять разумъ ученыхъ мужей!
Знай же: не святъ Эѳіопскій народъ; не чтутъ они Зевса;
Не Океанъ — ихъ предѣлъ, и не потокъ — Океанъ...
Думаю: Плувій-Юпитеръ увидѣлъ Римъ потопленный
И мутно-желтой волной рвущійся Тибръ изъ оковъ,
И разгнѣвился на тучъ, на вѣтрòвъ ненужную ревность,
И, враждебный странѣ, сдержанъ астральный Овенъ.
Что жъ до боговъ безсмертныхъ и Музъ,—ты правъ. Но сегодня
Свѣжей упиться весной дальній Яникулъ зоветъ:
Видѣть у ногъ я хочу семь холмовъ за Тибромъ священнымъ
И простершійся градъ отъ основаній Петра.
Темный колеблется тамъ кипарисъ, какъ сходящая дѣва;
Тамъ изваянную вѣтвь лавръ горделиво несетъ;
Мѣры полна, въ небесахъ стелетъ пинія облакъ округлый;
Знойной каникулы ждутъ шелестной пальмы листы.

Станомъ лазурныхъ шатровъ облегли Римъ эѳирныя горы;
Въ недолговѣчныхъ вѣнцахъ снѣжные блещутъ зубцы.
Гостя Яникулъ зоветъ; другъ зоветъ посланіе: Гермій!
Ты въ добрый часъ дай письму бурный увидѣть Эвксинъ!
Ты же — богъ ли, богиня ль — услышь, о, великій! моленье
И наложи на него самъ, Геній Мѣста, печать!
Мертвые знаки проникни божественной силой и дружбы
Блѣдный привѣтъ оживи отблескомъ этого дня!..»
Такъ молясь, я чертилъ: «На брѐгъ Понтійскій изъ Рима
Laeta...» Радуйся, другъ, такъ же, какъ радуюсь я!

II.

Римъ вожделѣнный узрѣвъ, я пѣлъ тебѣ первыя Laeta;
Въ Римъ осенній возвратъ вешнюю пѣснь воскресилъ.
Ибо недавно еще я по взморію Парѳенопеи,
Нимфы почившей, внималъ жалобамъ дѣвъ-Нереидъ,

И богомольно срывалъ надъ святой Посилипа могилой,
Тѣнь призывая пѣвца, свѣжій Вергиліевъ лавръ.
Дивный предѣлъ! Тамъ, предъ домомъ моимъ, какъ островъ блаженныхъ,
Млѣютъ въ лазурномъ плѣну тѣни Капрейскихъ вершинъ;
Тамъ, какъ влюбленный Нарциссъ, межъ вѣтвей, отягченныхъ плодами,
Съ горнаго ложа глядитъ въ тихія воды Суррентъ;
Тамъ въ безлюдьи живомъ, предъ Везувія синимъ восклономъ,
Гостя привѣтно зовутъ тѣсные домы Помпей...
Свѣтлые дни тамъ текли: ихъ не жаль въ излюбленномъ Римѣ:
Родинѣ вѣренъ, я Римъ родиной новою чту.
Гдѣ намъ отечество, другъ? Скажи, гражданинъ мой осѣдлый,
Гостю далекихъ чужбинъ: гдѣ нашъ родимый предѣлъ?
Тамъ ли, гдѣ отчій нашъ домъ, наша первая память, дряхлѣетъ?
Тамъ ли, гдѣ отчій нашъ садъ нѣкогда темный шумѣлъ?
Тамъ ли, гдѣ кости отца въ заглохшей тлѣютъ могилѣ,—
Гдѣ насъ въ покорной тоскѣ ждетъ престарѣлая мать?

Или въ пустынѣ, куда нашъ орелъ занесли легіоны?
Иль гдѣ гражданственный миръ плугомъ измѣрилъ поля?
Родина ль чистой душѣ — безпредѣльное, вѣрное небо?
Родина ль гордой душѣ—море, сей узникъ—Титанъ?
Иль не отчизна избранныхъ — Идей безтѣлесныхъ обитель?
Или не Римъ золотой—мой нареченный предѣлъ?..
Такъ! я нынѣ позналъ возвращенной мнѣ родины счастье,—
Съ нимъ—и зиждительный трудъ; съ нимъ—и цѣлительный миръ.
Тихо по солнечнымъ стогнамъ; подъ золотомъ спятъ кипарисы;
Пѣсню подъ рокотъ струны нищій заводитъ слѣпецъ.
Муза, сопутствуй: схоластика ждетъ Капитолій ученый!
Дологъ мнѣ путь до кремля отъ преторьянскихъ бойницъ...
Вотъ и Траяновъ колоссъ, и колоннъ безглавыхъ граниты!
Остовъ въ отверстомъ гробу—Форумъ лежитъ подо мной.
Мощи мраморной славы! Помостъ лицедѣйства кровавый!
Прахъ безглагольныхъ давно, велерѣчивыхъ личинъ!

Вотъ—путь Побѣдъ, и Свободы амвонъ, и святыня Согласья!
Вотъ — Самовластья врата! Вотъ — Раболѣпія столпъ!
Бѣлыя кости базиликъ... останки портиковъ стройныхъ...
Три несравненныхъ столпа Кӑсторъ съ Поллуксомъ хранятъ!..
Тамъ — Палатинъ; тамъ — Титовъ тріумфъ; тамъ — сводъ Константина;
Мощь Колоссеума—тамъ: здѣсь—Табуларій, и всходъ.
На Капитолій крутой я всхожу: вотъ и конь Антонина;
Вѣщихъ межъ свитковъ меня ждетъ молчаливый ѳіасъ...
Такъ я живу,—и вседневный мой трудъ—блуждать и дивиться,
И, дивяся, блуждать—пиръ моихъ сплетшихся Музъ:
Въ грӧбы стучится одна; красотой облекаетъ другая,
Тлѣнья сорвавши покровъ,—жизнью возставшую жизнь...
Весело мнѣ!.. Но не часто ли, другъ, чтӧ высоко и дивно,
Мы превозносимъ и чтимъ, сердцемъ иное любя?—
Помню: мы краемъ высотъ подымалися въ гору; Кампанья
Въ пурпурѣ свѣтломъ легла моремъ пустыннымъ у ногъ.

Нѣкая весь бѣлѣлась по ней...—мы Римъ распознали:
Куполъ великій парилъ, малую весь осѣнивъ.
Нѣтъ! клянусь, не таковъ былъ сей Римъ, когда съ горъ нисходили
Варвары, робко дивясь блеску державныхъ твердынь!
Нынѣ—пустыня, и весь... Я, отъ спутниковъ скрывъ свои слезы,
Благоговѣйно позналъ, какъ ты мнѣ дорогъ, мой Римъ!
Вѣчный, великій, святой! храни свои нищія ризы!
Въ нищемъ смиреньи святѣй, ближе великое намъ!..
Такъ подъ тѣнью Петра вновь шатеръ пилигримовъ раскинутъ:
Другъ! не пора ль и тебѣ посохъ паломника взять?
Жизни начавшійся годъ освяти богомольнымъ обѣтомъ;
Цѣпи разлуки разбивъ, нашихъ Пенатовъ почти!

III.

Въ Римѣ ль о Понтѣ вздыхать? Изъ Рима ли къ берегу Понта—
О, перемѣна временъ!— Tristia, Tristia слать?
Ты не пришелъ на мой зовъ, Киммеріецъ хмурый! И зимній
Австръ изъ туманныхъ пучинъ насъ въ твой Боспоръ не примчитъ...

День свой забывчивый смѣхъ гонитъ грустной улыб-
кой заката;
Длинныя тѣни легли по одожденнымъ лугамъ;
Въ темной одеждѣ Земля скорбитъ о небесномъ
ущербѣ,—
Я жъ объ ущербѣ надеждъ, я о разлукѣ
скорблю!

. . . .

ГНОМА.

Все пѣснопѣвцамъ отъ Музъ: и наставничій жезлъ,
и, съ цѣвницей,—
Строгій учительный стихъ — мѣдная мысли
скрижаль.

ЭНТЕЛЕХІЯ.

Влагу не дай мнѣ пролить чрезъ край преисполненный, Муза!
Полнитъ обильная Мысль Формы размѣренной грань.
Съ Мѣрой дружна Красота; но Мысль преслѣдуетъ Вѣчность:
Ты же вмѣстить мнѣ велишь Вѣчность въ предѣлъ Красоты!

МИСТИКА.

Въ ясномъ сіяніи дня незримы блѣдныя звѣзды:
Долу таинственнѣй тьма — ярче свѣтила небесъ.

ЭПИФАНІЯ.

Ты, Безмятежность и Ясность, глубокая, тихая Радость,
Освобожденныхъ небесъ вѣрная сердцу Лазурь,—
Вновь осѣнила свой міръ округленною, свѣтлою кущей,
Вновь увѣряешь людей: «Къ лучшему движется міръ!»—
Снова влечешь и миришь, окрыляешь, благовѣствуешь:
«Красенъ и святъ и единъ Богомъ задуманный міръ!..»

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ.

Благословенный день, залогъ величавой надежды!
Волю народу ты далъ, родинѣ далъ ты на-
родъ.

ТИХІЙ ѲІАСЪ.

Съ маской трагической мы заедино мыслить привыкли
Бурю страстныхъ рѣчей, кровь на желѣзѣ мечей.
Древній ѳіасъ Мельпомены, ступень у ѳимелы пришельцамъ
Дай! Герои встаютъ; проникновенно глядятъ;
Краснорѣчивыя губы, безмолвно — страдальныя, сжаты;
Тайный свершается рокъ въ запечатлѣнныхъ сердцахъ.
Бремя груди тѣсной—тяжелую силу—Титаны
Вылили въ ярой борьбѣ: внуки выносятъ въ себѣ.

ДЕМОНЪ.

Ваши на сводахъ небесъ бремена престольныя, боги!
Твой, ихъ превыше, виситъ тронъ своевластный, Судьба!
Все вы, что внѣ человѣка, одержите, вѣчныя силы!
Духъ же таинственно вы предали въ чуждую власть.
Въ духѣ людскомъ недвижно царитъ обитатель незримый,
Чьимъ послушный толчкамъ слѣпо бредетъ человѣкъ.
Къ лучшему знаетъ онъ путь, и путь онъ знаетъ въ погибель;
Но не противься ему: онъ седмерицею мститъ.

«ЛАЗАРЕ, ГРЯДИ ВОНЪ!»

Кличь себя самъ, и немолчно зови, доколѣ, далекій
Изъ заповѣдныхъ глубинъ: «Вотъ я!» — по-
слышишь отвѣтъ.

САМОИСКАНІЕ.

Ищетъ себя, умирая, зерно—и находитъ, утративъ:
Вотъ твой, Природа, законъ! вотъ твой завѣтъ, Человѣкъ!...
Музыкѣ темной внемлетъ Поэтъ—и не знаетъ покоя,
Слыша яснѣй и яснѣй звукъ предреченныхъ рѣчей.

ПОДРАЖАНІЕ ПРИРОДѢ.

Ὁμολογουμένως τῇ φύσει ζῆν.
Stoa.

Жить съ Природою въ ладъ ревнуешь ты? Будь,
как Природа!
Черпай изъ полноты; изъ полноты расточай.
Высшее присно твори бытіе, беззаботенъ о цѣли,—
И въ созиданья игрѣ присно рушителемъ будь.
Не вспоминай. Разлуку люби, и Смерть, и Начало.
Не уставай зачинать; не переставай умирать.
Все живое въ духѣ носи и солнечно милуй:
Все въ себѣ возлюби—и ничего не жалѣй.
Будь безъ пристрастья. Будь хаосъ и строй, и
пьяный избытокъ.
Будь, какъ Природа! Будь все!... Или — пре-
будь Человѣкъ!

ДЕРЕВО ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

Софіи Ильиничнѣ Алымовой.

Будь справедливъ, веледушенъ, и будь благодаренъ! Харитамъ
Тремъ три вѣтви святы въ солнечныхъ сѣняхъ души.
Мужество, ты! — ты, Милость! — ты, Жизненность, вѣрная сила! —
Корнемъ вѣтвитесь тройнымъ въ ночь все-единаго Я.

TAT TWAM ASI.

Александръ Васильевичъ Гольштейнъ.

Въ страждущемъ страждешь ты самъ: вмѣсти со-
распяться живому.
Въ страждущемъ страждешь ты самъ: му-
жествуй, милуй, живи.

СФИНКСЪ.

O voi, ch'avete gl'intelletti sani,
Mirate la dottrina, che s'asconde
Sotto'l velame degli versi strani.

Dante, Inf. IX.

Какъ перекликъ подъемлютъ журавли,
Простершися подоблачной станицей,—
И стонъ виситъ надъ наготой земли:

Стенали мы, влачася вереницей,
Средь горъ глухихъ обрѣсть себѣ гроба,
Подъ скорбною согбенны власяницей.

Мужей и женъ, владыку и раба
Равняла Смерть, надъ ловомъ душъ витая,
И въ сѣть одну влекущая Судьба.

Такъ мотыльковъ мятущаяся стая
Летитъ въ ночи на свѣточъ огневой
И пламень пьетъ, въ лучахъ палящихъ тая.

Затѣмъ что всѣ мы, плѣнены молвой:
«Всталъ древній Сфинксъ губить вопросомъ новымъ»,—
Шли волею на подвигъ роковой

(Коль демона покорствовать оковамъ,
Который въ насъ, и вольнымъ быть—одно)...
Такъ шествуя, въ хваленіи суровомъ

Мы слили плачъ,—ущелій гулкихъ дно
Намъ вторило немолкнущимъ рыданьемъ,—
И пѣли мы непѣтое давно:

«О, вѣчный Сфинксъ! когда бъ намъ оправданьемъ
Былъ предъ тобой духовный лютый гладъ,
Обманутый истомнымъ ожиданьемъ,—

«Ты бъ пощадилъ... Но чтó твоихъ пощадъ
Намъ былъ бы даръ, когда бы язвой жгучей
Въ насъ вѣчно жилъ тобою влитый ядъ?..

«Се жертва: встань, пожри! Рокъ неминучій
Согласные срѣтаемъ. Ибо чей
Не смеркнетъ духъ предъ руною пѣвучей?

«И гдѣ маякъ въ ночи̂ твоихъ рѣчей?..
Идемъ — очей твоихъ во хладъ безвольный
Да погрузимъ послѣдній взоръ очей!..

«Тебя мы любимъ, Сфинксъ! Мы—кринъ юдольный,
Ты—знойный лучъ. Пройди межъ чадъ весны,
Какъ серпъ огня дубравой густосмольной!

«Тобой лишь намъ земные дни красны.
Ты, вѣчный, живъ: тобой живутъ надежды,
Тобой въ ночи̂ цвѣтутъ намъ вѣры сны.

Пожри слѣпцовъ: имъ сны сомкнули вѣжды!..
И смерть твоей утратой лишь горька:
Зане земля и твердь—твои одежды»...

Такъ пѣлъ нашъ гладъ. И смертная тоска
Легла на грудь. Еще, какъ вранъ, надъ бездной
Кружилъ отзывъ... И, вотъ, издалека,

Какъ блѣдный лучъ надъ хлябiю беззвѣздной,
Къ намъ долетѣлъ, въ духъ мертвый жизнь лiя,
Гласъ радости—душъ братскихъ гласъ любезный:

Притекшихъ прежде пѣла гимнъ семья...
И, взорами другъ друга вопрошая,
Молчали мы, надежду затая,

Впередъ стопой крылатой поспѣшая...
И внятенъ сталъ той пѣсни чудный складъ,
И такъ звучалъ, погорье оглашая:

«Тобой, о, Сфинксъ! пакирожденныхъ чадъ
Прими восторгъ и пирный кликъ запѣва,
Забвенья лотосъ, утолившiй гладъ!

«Ты насъ изъялъ изъ гибельнаго зѣва;
Ты намъ отверзъ на мiръ твой очеса;
Дыханьемъ устъ твоихъ мы дышимъ, дѣва!

«Намъ духъ пьянитъ недольняя роса...
Иль первыхъ лѣтъ то сладостныя слёзы?..
А въ очи намъ смѣются небеса!..

«Вы, рдяныя, изъ груди рвитесь, розы!
Ты жъ, о, Любовь! о, новое вино!
Мчи вешнiя надъ полнымъ сердцемъ грозы!..

«Гдѣ ты? гдѣ я? Не всѣ ли мы—одно?..
О, тайна тайнъ! ее жъ открыло въ боли
Сердецъ, тобой опустошенныхъ, дно»...

Какъ узники, изъ мрачныхъ стѣнъ неволи
Ведомые на милость, шепчутъ: «Казнь!..
Увы, не ждетъ година лютой доли!..»

И встрѣчныхъ лицъ веселую пріязнь,
И свѣтлый станъ за сѣти мнятъ обмана,
И изъ надеждъ вновь черпаютъ боязнь:

Такъ съ крутизны на ликованье стана
Глядѣли мы... Они жъ на встрѣчу шли,
И въ персяхъ ихъ зіяла кровью рана.

И, язвы намъ являя издалй:
«Вотъ стигмы Сфинкса!» въ радости взывали:
«Днесь, братья, міръ и васъ мы обрѣли!»

И насъ въ уста любовно цѣловали,
И вязью розъ альпійскихъ и хвои
Подгорныхъ пихтъ чело намъ увивали;

И внизъ вели, гдѣ тяжкія струи
Спятъ омутомъ предъ сумрачной пещерой
И крадутъ блескъ мгновенной чешуи.

Насъ укрѣпить они алкали вѣрой;
Но полый долъ въ сомкнувшихся горахъ,
Мракъ озера, базальтъ утесовъ сѣрый

И мохъ скупой—все въ насъ растило страхъ...
Они же: «Здѣсь его напечатлѣнье!»—
Кричали намъ, и лобызали прахъ.

И виденъ былъ въ пещерномъ углубленьѣ,
Гдѣ до песковъ пясть Звѣря досягла,
Ужасный слѣдъ... И ждали мы въ томленьѣ...

И, вотъ, жива подъ сводомъ стала мгла,
И львицы тѣнь, грозящей прянуть, разомъ
Означилась и стройно возлегла...

Ты, кто моимъ напечатлѣть разсказомъ
Мнишь тайны сей явленіе въ умѣ,
Плѣнъ устъ моихъ прости и смутный разумъ!

Когда твой духъ очами зрѣлъ во тьмѣ
Тѣ образы, что̀ за тѣлами рѣютъ,
Какъ волнъ бразды, сопутныя кормѣ,

И смолкшихъ струнъ отгуломъ вѣчнымъ вѣютъ:
Ихъ полый взоръ ты зналъ, безликій ликъ—
И дрожь, когда въ корняхъ власы хладѣютъ.

Намъ память говоритъ; лишь ей—языкъ.
Но что̀ нашъ кликъ тебѣ напомнить можетъ,
Зѣвъ ужаса, стоустый, смутный кликъ?

Такъ зубъ тоски унылой сердце гложетъ,
Когда заря, какъ похоронный звонъ,
Гласитъ, мертва, что солнце изнеможетъ;

Отъ выи внизъ,— и, мнилось, въ боли духъ
Съ божественныхъ высотъ къ землѣ и ночи,
Какъ сѣмя, вергнутъ, палъ... И свѣтъ потухъ...

И снова Да тѣхъ глазъ мнѣ свѣтитъ въ очи,
И дышитъ грудь, и грудь палитъ любовь
Вселенская въ единомъ средоточьи;

И льнетъ къ устамъ устъ мертвыхъ ледъ; и кровь
Изъ сердца бьетъ подъ плугомъ ласки львиной,
Чтó чрезъ всю грудь взрѣзаетъ накрестъ новь.

И вширь объялъ я милостью единой
Творенья гробъ, творенья колыбель...
И духъ изсякъ, и сталъ я темной глиной...

И съ третьимъ Да вернулся духъ въ скудель;
Я ветхаго пріяла пепелъ урна;
Крещенія свершилася купель...

Вѣкъ золотой и вертоградъ Сатурна
Будившія въ отзвýкахъ вѣщихъ лиръ,
Скажите вы, была ли твердь лазурна,

Святыя Музы! сколь былъ красенъ міръ,
Когда сѣвъ розъ мнѣ всталъ изъ крови черной
И въ срѣтенье запечатлѣнный клиръ

Пѣлъ: «Слава въ вышнихъ! Миръ землѣ покорной,
Миръ агнцамъ, вшедшимъ дверью вѣрныхъ стадъ!»
О, препояшьте силой животворной

Залетныхъ грезъ Эдема лирный ладъ,
Вы, Музы! Прочь съ очей пѣвца повязки!
Дней дѣвственныхъ явите, дѣвы, садъ,

Коль вѣчно вамъ цвѣтутъ тѣхъ радугъ краски!..
И я воспѣлъ: «Творенья! любо намъ
Нестись вкругъ солнцъ, собратьямъ звѣздной пляски,—

«Божественнымъ ввѣряя сердце снамъ!
Нетяжко мчать и вамъ, горамъ тяжелымъ,
Вихрь вѣчный вслѣдъ эѳирнымъ быстринамъ!»

Зане духъ пѣлъ во мнѣ; и, что̀ глаголомъ
Не изъяснить, глаголали уста.
И нынѣ, знай, не рѣзвымъ произволомъ

Бездомныхъ крылъ зоветъ меня мечта
Въ родимый рай и первую обитель,
Но онаго блаженства нѣмота.

И сердце, чувствъ таинственныхъ ревнитель,—
Устъ плѣнныхъ стражъ стыдливый: я предамъ
Свое въ чужомъ вольнѣй, какъ чуждый зритель.

Лилъ голосистый ливень. Вслѣдъ стадамъ
Козъ молнiйныхъ кидались скимны—громы.
Ихъ играмъ вторилъ гротъ, гдѣ спалъ Адамъ.

И Жизнь, склонясь, разъемлетъ облакъ дрёмы:
«Ко мнѣ, Адамъ! и та̀къ, со мной, дремли!..
Развязанъ плѣнъ избыточной истомы:

«Духъ сладкій легокъ»...—«О, жена! внемли.
Чрезъ небеса небесъ гремитъ Осанна!»
— «Изъ нѣдръ благоухаетъ грудь земли...

«Молись Адамъ!..» И, съ жертвой тучъ сліянна,
Струнтся бурно жертва легкихъ слёзъ...
А твердь, луной днесвѣтлой осіянна,

Уже почіетъ отъ восторга грозъ.
Послѣднихъ тучъ рѣдѣютъ, рвутся ткани;
Алмазный дождь роняетъ нѣга лозъ;

Загрезилъ соловей; сгадятся лани;
И лижутъ левъ и змій единыхъ Двухъ
Простертыя съ благословеньемъ длани.

Двухъ барсовъ станъ сребристый, снѣжный пухъ
Двухъ кроликовъ, двухъ горлицъ благосклонно
Съ подругою божественный пастухъ,

Возсѣвъ надъ влагой, гладитъ.—Ясно лоно
Глубокихъ водъ. Спятъ лотосы...—«Что нѣтъ,
Адамъ, тѣхъ звѣздъ на полѣ небосклона?

«Въ сіяньи сокровенныя, привѣтъ!»—
И, се, любви желаньемъ притяженный,
Мгновенныхъ звѣздъ цвѣтетъ и блекнетъ свѣтъ...

Еще слѣпитъ ихъ слава взоръ смеженный...
Палъ долу взоръ—тамъ горній тихъ эѳиръ,
И зритъ чета свой обликъ отраженный.

И, какъ въ зеркальной вѣчности Надиръ
Глядитъ въ Зенитъ зеницею Зенита,—
Въ единыхъ Двухъ себѣ дивится міръ...

О, нѣжностью зардѣвшая ланита!
Подъятый, встрѣченный, сліянный взглядъ!
О, воля двухъ, въ единой волѣ слита!

О, полный край! О, вѣчно сытый гладъ!
И вы, любви всечувственной объятья,
Вселенскій трепетъ дѣвственныхъ усладъ!..

Мы жъ вопрошали: «Не идти ль намъ, братья,
Гортань увлажить міра—дождь пролить
На засуху стариннаго заклятья?»

Но какъ таящимъ радость любо длить
Тоску друзей и медлить свѣтлой вѣстью,
Чтобъ алчныхъ гладъ обильнѣй утолить,—

Изволилось: міръ ждущій братней местью
Томя, пребыть до утра вкупѣ тамъ,
Хоть сердце поспѣшало къ благовѣстью

Увѣнчаны, по свѣтлымъ высотамъ
Блуждали мы; пророческія рѣчи
Духъ повѣрялъ невѣдущимъ устамъ.

Тайнъ явственныхъ общеньемъ были встрѣчи;
Иныя намъ открылись имена;
Предслышалъ слухъ; глазъ прозрѣвалъ далече;

Вселенскаго мы были грезой сна...
И ты рвала рукой прекрасной, Лія,
Цвѣты луговъ, гдѣ шла съ тобой Весна!

Тебя, Рахиль, увидѣлъ издали я,
Чьихъ даръ очей—дивиться, устъ—молчать.
Глядѣла возлѣ въ небеса Марія.

И ты, любовь горѣвшая вѣщать,
Святынѣ устъ ввѣряла, Магдалина,
Умильнаго лобзанія печать!

И хорами, и плясками долина
Святилась. Серна кручъ и дебрей волкъ,
Не трепеща, шли въ таборъ властелина,—

И въ яромъ сердцѣ хищный зовъ умолкъ;
И голубей бѣлѣла въ небѣ стая,
И несъ «Едино Я» хоругвью полкъ.

Но свѣтъ тучнѣй; и тѣнь высотъ густая
Ужъ до подножій Сфинкса досягла.
Ключи бѣгутъ, Пактолами блистая;

Отъ дольнихъ волнъ ночная всходитъ мгла.
И сонмъ дѣтей вѣнокъ благоуханный,
Играя, сплелъ вкругъ Сфинксова чела.

Такъ онъ лежалъ надъ влагой, увѣнчáнный,
Въ закатѣ дня, и праздничнымъ челомъ
Мерцалъ въ струяхъ померкшихъ грезой странной.

Пѣлъ тихій свѣтъ вечерній нашъ псаломъ;
И палъ одинъ отъ стаи голубиной
Предъ Сфинксомъ—свѣта горняго посломъ.

Голубка вслѣдъ примчалась... И единый
Зѣвъ ужаса исторгся, слитный, вновь:
Лучъ крови брызнулъ изъ-подъ лапы львиной...

Порхаетъ, бьется вкругъ въ тоскѣ любовь—
И пястью Звѣрь покрылъ голубку... Алость
Слѣпитъ... Весь долъ въ крови... И солнце—кровь...

Растерзанъ онъ. Она все бьется... Малость
Двухъ малыхъ жертвъ отравленнѣй язвитъ...
Какъ дикій вихрь, объемлетъ сердце жалость...

И таетъ Сфинксъ во мглѣ—и, страшный видъ!—
Ты возстаешь, ты, Жалость! Лютымъ тѐрномъ,
Въ кровавыхъ капляхъ, мертвый лобъ увитъ...

Ты выходцемъ могилы непокорнымъ,
Зарытая, встаешь! Въ глухомъ плѣну—
Давящемъ, узкомъ, плотномъ, душномъ, чѐрномъ—

Проснулась ты, и билась, и ко сну
Съ проклятіемъ вернулась... И вампиромъ
Воскресла—съ нами праздновать весну,

Забытая любви безпечнымъ пиромъ,—
Дабы призракъ твоихъ болящихъ ранъ
Мы роковымъ обожили кумиромъ!..

Былъ ликъ борьбой отчаянья раздранъ;
Висѣла плоть, разлучена съ костями;
Къ груди прильпнувъ, терзалъ голодный вранъ

Снѣдь черную, зіявшую пастями
Подъ вретищемъ... Она жъ рвала власы
И въ грудь впивалась дикими ногтями,

И съ пальцевъ кровь лилась. Святой красы
Меркъ въ искаженьи слѣпокъ величавый;
А очи — что въ разгарѣ ловчемъ псы,

Распалены потѣхою кровавой,—
Алканьемъ острымъ пристальныхъ огней
Свой поглощали ловъ тысячеглавый.

И сонмъ стоялъ, грудь обнаживъ, предъ ней;
И раной устъ изъ ранъ ихъ, припадая,
Она пила—жаднѣй, жаднѣй, жаднѣй...

И, подъ лобзаньемъ алымъ увядая,
Они клонились... Кровію истечь
Былъ страстныхъ рокъ,—вампира упреждая

Желаньемъ устъ. Уединеннымъ мечъ
Былъ судъ. Тѣ на пути къ вершинѣ Лобной
Ницъ пали подъ крестомъ. Иныхъ обречь

Себя волнамъ звалъ демонъ. Пламень злобный
Снѣдалъ воздвигшихъ на себя раздоръ,
Той, Одержимой, бѣшенству подобный.

И въ сердцѣ всѣхъ на всѣхъ горитъ укоръ...
Ужъ ненависть подъ ночью брови жалитъ...
Зоветъ на судъ Того слѣпцовъ соборъ,

Чье Имя жизнь въ бореньи смертномъ хвалитъ...
Кровавыхъ жертвъ взалкалъ сердецъ расколъ...
Ужъ волкъ на серну пасть, щетинясь, скалитъ;

На горлицу изъ облакъ бьетъ соколъ...
И міръ—добыча змѣевласыхъ Фурій,
И райскій лучъ отмщенъ геенной золъ!..

Я прочь пошелъ, больного пса понурѣй,
Не глядя вслѣдъ, на зовъ лучей изъ мглы,—
Крутимый листъ его спалившей бурей,

Бѣглецъ въ степи влачащій кандалы,
Погони дичь... Навстрѣчу мнѣ паренье
Склоняли въ долъ голодные орлы.

Ты былъ мой вождь, великое Презрѣнье!
На мигъ тобой духъ всталъ и цѣлъ, и зрячъ!
Внушило ты послѣднее боренье,

Блюдущій жертвъ на пиръ меча палачъ!
Ты былъ мой вождь изъ горестной юдоли,
Чей эхо вслѣдъ взрывало лютый плачъ!

«Тѣнь по пятамъ! Бѣги ея неволи!»—
Такъ гналъ меня спасающій твой страхъ,
Послѣдній ключъ жизнетворящей воли.

Тебя вдохнувъ, дышать не хочетъ прахъ;
Не жаждетъ грудь, вкусивъ твоей полыни,
О, вожделѣнный даръ въ земныхъ дарахъ!

Одинъ я былъ въ гробахъ твоей пустыни;
И міръ былъ я, и міръ судить я смѣлъ.
Я, замкнутый кольцомъ твоей твердыни,

Не вспоминать, не видѣть разумѣлъ...
Вечерній лучъ ласкалъ луга нагорій;
Свирѣли гласъ звалъ, таялъ и нѣмѣлъ—

Молитвенъ, какъ напѣвъ святыхъ ѳеорій,
Таинственъ, какъ дубравы вѣщей гулъ,
Плѣнителенъ, какъ дали теплыхъ взморій...

То молкъ въ горахъ, то ближе онъ тянулъ...
Лучъ вверхъ скользилъ, за мною догорая...
Шелъ отрокъ-поводырь и въ трости дулъ.

На посохъ странныхъ немощь опирая
Свою и старца, за вождемъ надеждъ
У стремнаго явилась дѣва края.

Мнѣ снятся тѣнь ея склоненныхъ вѣждъ,
Чела покой высокій, устъ унылыхъ
Печать, и блѣдный ликъ, и ночь одеждъ.

И какъ луна въ дали небесъ застылыхъ
Стоитъ, блѣдна, и тучъ края бѣлитъ,
А мракъ уснулъ подъ сѣнью среброкрылыхъ:

На рунахъ тѣхъ, въ которыхъ время длитъ
Истому дней и скорбь земного склона,
Межъ вѣдущихъ сѣдинъ сіялъ, разлитъ,

Отсвѣтный миръ иного небосклона
Надъ бровью пришлеца. И молвилъ онъ:
«Дитя слѣпого старца, Антигона!» —

Я мнилъ: мой духъ объялъ высокій сонъ...—
«Кто звалъ меня? И чей до насъ восходитъ
Глухой мольбой страданья многій стонъ?»

И темный рокъ очей она возводитъ,
Вперяетъ вдаль покорный рокъ очей...
Еще душа моя, тоскуя, бродитъ

Межъ арфъ ночныхъ звучавшихъ мнѣ рѣчей...
Вѣщала: «Сонмъ я вижу разноликій,
Погоню псовъ и пламени бичей.

«Отверста грудь ихъ; въ сердцѣ ужасъ дикій;
На ихъ челѣ безумія печать;
Ихъ гонитъ месть Эринніи великой.

«Они бѣгутъ, какъ звѣрь, его жъ кончать
Презрѣлъ ловецъ, постигнувъ смертнымъ жаломъ.
Но ты смотри; мнѣ надлежитъ молчать...»

И темнымъ окружилась покрываломъ...
Я жъ братій сонмъ, влекущійся изъ вратъ
Ночныхъ тѣснинъ, узрѣлъ въ соборѣ маломъ.

И первые: «Утѣшенъ будь, о, братъ!»
Взывали мнѣ: «Мара́ насъ обольщаетъ,
И грезимъ мы сей міръ кровавыхъ страдъ!

«Но лживый сонъ не вѣкъ отягощаетъ
Покорный духъ: бьетъ въ брегъ свой Океанъ
И близкую свободу возвѣщаетъ.

«Смерть — жизнь, жизнь — смерть; и жизнь, и смерть — обманъ.
Проникни плѣнъ; но вѣрь надеждамъ гроба.
Познай: ты спишь,—и смѣйся боли ранъ!»

Ведомыхъ вслѣдъ на тѣхъ воздвиглась злоба:
«Зачѣмъ очей мы угасили свѣтъ?
И древней тьмы пріяла насъ утроба?

«Не видѣть былъ, не вѣдать нашъ завѣтъ:
Но міръ все въ насъ. О, вѣчное боренье!
Кричимъ: тебя, ужасный призракъ, нѣтъ!—

«Вотще! Ночь—свѣтъ... Безвѣкихъ глазъ вперенье
Въ недвижный смотритъ день... И все свѣтлѣй
Безплотное, безжалостное зрѣнье!..»

А ихъ вожди: «Ты благостный елей
Насъ въ міръ нести почто учила, Лія?
Приди, на сихъ цѣлительный пролей!

«Не милосердіемъ сердца чужія
Уврачевать! Но мы росою дѣлъ
Должны гасить о главахъ многихъ змія...»

Ихъ ближними духъ ярости владѣлъ:
«Добро, рабы, тлетворной слуги Дѣвы,
Ея жъ истлѣть дыханьемъ вашъ удѣлъ!

«Какъ саранча, пожремъ мы ваши сѣвы,
И змія сѣвъ земли взлелѣетъ новь!
Мы смертію насытимъ Смерти зѣвы,

«И жизни пить дадимъ живую кровь!
На Зла престолъ мы сядемъ, торжествуя,
Въ месть, что на казнь насъ предала любовь!..»

Я жъ, взоръ водя, не обрѣталъ, тоскуя,
Возлюбленныхъ и вѣрныхъ и святыхъ...
И, се, съ вершинъ нисходитъ «Аллилуйя...»

На мигъ чрезъ дверь тумановъ золотыхъ
Мнѣ лунный серпъ явился тѣнью блѣдной
И агнцевъ снѣгъ на гребнѣ горъ крутыхъ.

Безъ пастыря, тропою неизслѣдной,
Несъ кровію запечатлѣнный ликъ
Къ восточному склоненью гимнъ побѣдный.

Мой дрогнулъ духъ, и долу я поникъ,
И ждалъ суда, какъ колосъ жатвы серпной...
И слышу: «Встань!..» То вѣщій былъ старикъ.

«Рунъ Сфинксовыхъ толковникъ страстотерпный,
Слѣпецъ святый!» къ нему воззвавъ, я рекъ:
«Будь зрячимъ вождь въ напасти неисчерпной!

«Прозри намъ свѣтъ за тайной темныхъ вѣкъ!
Гладъ древней тьмы ты древле усыпившій
Единымъ разрѣшеньемъ: Человѣкъ!

«О, ты, до дна земли потиръ испившій,
Ты, рокъ грѣха подъявшій безъ вины
И волею невольный искупившій!

«Всечеловѣкъ!.. Вотще ль, твои сыны,
Погибнемъ здѣсь?.. Но духъ уже предчуетъ:
Возстанемъ мы, тобой исцѣлены!

«Твой ликъ одинъ недугъ сердецъ врачуетъ,
Твой гласъ одинъ страстей утишитъ споръ!
Свой темный грѣхъ раскаянье бичуетъ,

«И на себя подъемлется укоръ...
Тебя зовемъ, спасенья мистагога,
Тебя—судью—на судъ и приговоръ:

«Гдѣ къ родникамъ чистительнымъ дорога?
Гдѣ рдяный тернъ горящаго куста?..
Эдипъ, Эдипъ, тѣнь страждущаго бога!..»

И тотъ: «Блюди, кто превозмогъ, уста!
Благоговѣй въ огнѣ молитвъ безгласныхъ!
Владычица грядетъ въ сіи мѣста.

«Благоговѣй! Изъ Эвменидъ ужасныхъ,
Богинь благихъ, возстала днесь одна—
Отвѣять прахъ отъ жатвы зеренъ класныхъ.

«Но всѣхъ, увы! душа заражена
Проклятіемъ старинныхъ преступленій,—
И месть на всѣхъ, и вотъ—на всѣхъ она!

«О, чахлый плодъ жестокихъ поколѣній!
Поила ль васъ, разлившися, рѣка
Любви живой, какъ жаждущихъ оленей?

«Отъ вашихъ жалъ, родъ змѣй, она горька!
Отравою своей вашъ духъ болѣетъ!
Чья грудь тѣсна, тому любовь тяжка.

«Гдѣ пламень—свѣтъ. Кто любитъ, не жалѣетъ.
Страданья нѣтъ: все—пламень и роса!
И счастья нѣтъ: любовь одна довлѣетъ!...

«Но вѣщій страхъ подъемлетъ волоса...
Она грядетъ: лучъ таетъ, догорая,
И съ нею ночь грядетъ на небеса...

«Ты здѣсь: внемли! Тебѣ молюсь, Благая!
Коль нѣкогда въ обители твоей,
Ведомъ судьбой, я сѣлъ, яремъ слагая

«Проклятія и долгихъ, долгихъ дней;
Коль древняя искуплена обида
Всей жизнію, всей казнію моей,—

«Не изливай, о, Жалость-Эвменида!
На свѣточъ ихъ твоихъ елеевъ месть:
Ихъ тлѣетъ ленъ огнемъ Іапетида!

«Дай имъ въ сердца пріять спасенья вѣсть!
Днесь сердцу Сфинксъ поетъ загадку міра:
Дай въ ихъ сердцахъ разгадку имъ обрѣсть!...»

И я воззрѣлъ... Изъ блѣднаго потира
Святыхъ небесъ ліется звѣздный свѣтъ,
И кроткія сіяютъ очи мира...

И миръ окрѐстъ, и Мстительницы нѣтъ...
Но тотъ же Сфинксъ, какъ темная икона,
У ногъ царя... И на его хребетъ

Слѣпецъ возсѣлъ... Какъ отголосокъ звона
Изъ тайны волнъ, звучитъ его глаголъ:
«Дитя слѣпца и жертва, Антигона!

«Будь темнымъ вождь, да узримъ блѣдный долъ,
Отцу—сестра, и дѣвѣ Ночи—дѣва!
Но вы, чей духъ плѣненъ юдолью золъ,

«Склонить на миръ спѣшите ловчихъ гнѣва!
Въ домъ Эвменидъ держите правый путь
На вѣрный зовъ утѣшнаго напѣва!

«Мой поводырь предъ вами будетъ дуть.
Ужъ онъ въ пути: чуть внятенъ гласъ свирѣли...
Не мыслите до утра отдохнуть!

«Но посохъ вашъ къ чистительной купели
Въ терпѣніи несите на востокъ:
Се, кормчихъ звѣздъ горятъ надъ вами цѣли.

«Въ огняхъ зари вы узрите потокъ
И мѣдный прагъ въ разсѣлинѣ дремучей;
И будетъ вамъ послѣдній трудъ жестокъ.

«Вкругъ—лютый тернъ. Но гдѣ къ водѣ текучей
Нисходятъ агнцы въ пору новыхъ лунъ,
Видна тропа межъ заросли колючей.

«Обильныя волокна снѣжныхъ рунъ
Хранятъ шиповъ неумолимыхъ ости:
Сберите шерсть для жертвы, какъ вѣщунъ

«Вожатыхъ силъ и дышащія трости
Наставятъ васъ. Что̀ въ даръ земля возьметъ,
То дастъ сама, молитвенные гости,—

«И вѣтвіе маслинъ, и дикій медъ,—
Да справите Благимъ по чину справы.
Когда жъ вода боль персныхъ язвъ уйметъ,

«Не глядя вслѣдъ, сосѣдственной дубравы
Взыщите мракъ. Тамъ сонъ на васъ дохнетъ,
Какъ смерть—глубокъ. Но вы проснетесь здравы.

«Впервые жизнь свободно грудь вдохнетъ,
Пощажена земной алчбы погоней!
Впервые духъ отъ воли отдохнетъ!

«Желѣзомъ окруженъ незримыхъ броней,
Цѣленьями таинственныхъ охранъ,
Безжалостнѣй, чѣмъ жизнь, и непреклоннѣй,

«Чѣмъ смерть, живетъ, кто отъ Любви избранъ:
Зане въ тайникъ горящій сердца снидетъ
Кровавое напечатлѣнье ранъ.

«И вашихъ стигмъ взоръ чуждый не увидитъ;
Но духъ, самъ связень и тюремщикъ свой,
Себя въ одномъ себѣ возненавидитъ...»—

И, вотъ, я живъ, и говорю съ тобой.

ВРАТА.

Я зрѣлъ Врата, куда Земля и Твердь
И все, что̀ днесь,—грядетъ дорогой вѣрной,—
Врата надеждъ, которымъ имя—Смерть.

И зрѣлъ нѣмой узоръ скрижали две́рной;
И зрѣлъ трехъ женъ, онѣ же ночь и день
На-сторожѣ во храминѣ пещерной.

Одна, склонясь на вратную ступень,
(Въ тѣни дубравъ такъ свѣтитъ цвѣтъ лилейный)—
Надъ снѣгомъ ризъ двухъ рукъ—двухъ остій—тѣнь

Воздѣла вслѣдъ молитвѣ тиховѣйной,
Двухъ отсвѣтовъ Эдема, двухъ свѣтилъ
Лазоревыхъ стремя̀ благоговѣйный

На руны взоръ. «Что духъ благовѣстилъ
Твоимъ очамъ?»—уста бъ не умолчали:
Но слѣпъ очагъ святыхъ лучей свѣтилъ...

Какъ черный илъ изсякнувшей печали—
Былъ взглядъ другой. Ставъ на мои въ упоръ,
Ея глаза моихъ не замѣчали.

Уже дерзнуть я мыслилъ разговоръ
И горькихъ устъ извѣдать скорбны чары·
Она жъ, гнѣвна, въ мѣднолитой затворъ

Воспрянула стучась,—и взвыли, яры,
Поколебавъ окрѣпу и замокъ,
Отчаянья призывные удары...

И къ третьей—той, что̀ розъ плела вѣнокъ,
Меня повлекъ, грудь сладостно волнуя,
Благихъ очей побѣдно — тихій рокъ.

«Кто ты, что жизнь въ цѣпь красоты связуя,
Отъ тайны Вратъ сидишь отвращена,
У прага тьмы мощь свѣта торжествуя?» —

Я вопросилъ. И, вскинувъ взоръ, она
Простерла мнѣ, взявъ съ лона, плодъ гранатный:
И съ глазъ моихъ упала пелена.

И я: «Твоей святыней благодатной
Прозрѣвшему ликъ вѣчный твой—внемли:
Въ чемъ ключъ письменъ, и разумъ мѣди вратной?»

Но Вѣщая: «Что̀ видишь тамъ, вдали?»
— «Зрю нѣкій вихрь», я молвилъ, «по долинѣ
И пламенникъ, мерцающій въ пыли».

Она жъ: «То—міръ,—одинъ изъ темъ,—пучинѣ
Вратъ обреченъ; померкшая звѣзда;
Свѣтъ, тонущій въ первоначальной тинѣ.

«Сойди ты въ дебрь, гдѣ черная вода;
Брось плодъ въ струи,—и узришь невредимый,
Что̀ отразитъ прозрачная среда...»

Я отошелъ, скорбя,—какъ отъ родимой
Отходитъ сынъ; и бросилъ плодъ въ струи,
Уснувшія средь дебри нелюдимой.

Какъ таютъ бѣльмъ подъ зельемъ чешуи,
Такъ ясныхъ водъ разверзлося зерцало.
Тамъ очи въявь увидѣли мои,

Что̀ мысль, смутясь,—что̀ сердце бъ отрицало!
Людскихъ племенъ былъ погребальный ходъ,
Что̀ вдалекѣ, какъ нѣкій вихрь, мерцало.

Чужой земли богоподобный родъ,
Исполнь вѣнцовъ могущества и славы,
Былъ отраженъ затишьемъ чистыхъ водъ.

Смерть смутная обвѣяла ихъ гла̀вы;
Сомкнутыхъ вѣждъ изъ первозданной мглы
Я различалъ затворы величавы.

Они неслись, какъ спящіе орлы
На хищный бредъ изъ горнаго притона,—
Нѣмыхъ громовъ потухшія хвалы!

Какъ бурный духъ, мощь мчалась легіона
Къ пещерѣ Вратъ; являлъ за ликомъ ликъ
Кристальный сонъ недвижимаго лона.

Грозой чела цвѣтъ гордой силы никъ
Безъ подвига подъ игомъ Адрастеи;
На ихъ устахъ мятежный стынулъ кликъ.

Младенцы вслѣдъ неслись; клубились змѣи,
Задушены объятьемъ дѣтскихъ рукъ.
Лобзали чадъ безгласныхъ Ніобеи.

Былъ напряженъ тугимъ нацѣломъ лукъ;
Пасли персты по струнамъ сладкимъ барды,
И дѣвъ въ вѣнцахъ блуждалъ по лютнѣ звукъ.

Львы прядали въ цѣпяхъ, и тигръ, и парды;
Съ куреньями несомы алтари
Я зрѣлъ, дивясь, и въ алавастрахъ нарды.

И въ золотѣ тіаръ несли цари,
Обожены, златое бремя крылій—
И золото оковъ—мзду бранной при.

И съ колесницъ творцы кровавыхъ былей,
Бразды собравъ дыбящихся коней,
Роняли даръ побѣдныхъ изобилій,—

И ихъ вѣнцовъ надъ полчищемъ тѣней
Златился лавръ. И Амазоны—дѣвы
Скакали вслѣдъ, степныхъ зарницъ вольнѣй.

И вѣщихъ Норнъ угрюмые напѣвы
Забыть не могъ ужасный ротъ Сивиллъ,
И сонъ ихъ зрѣлъ судьбины мстящей гнѣвы.

Влюбленный сонмъ въ послѣдней страсти свилъ
Со станомъ станъ нерасторжимой лаской
И алчныхъ устъ послѣдній гладъ ловилъ.

Какъ облака волшебной рѣютъ пляской
Надъ озеромъ: что̀ мигъ, то смѣнена
Игрой игра, тѣнь тѣнью, краска краской,

И въ озеро глядитъ чрезъ нихъ луна,—
Такъ хороводъ измѣнчивыхъ явленій
Прозрачныхъ водъ рождала глубина.

То былъ ли сонъ охотъ, и бѣгъ оленей,
И пышный бѣгъ стопарусныхъ тріэръ?
Въ безбрежности чреватыхъ отдаленій

Росъ ликовъ рой и облачныхъ химеръ...
И—блѣдный вождь—кометою туманной
Неслась впередъ—астральныхъ чадо сферъ—

Богини тѣнь прекрасной, бездыханной,
Чей саванъ былъ, прозрачный у чела,
Изъ мглы сотка̀нъ и хляби первозданной

На юный ликъ сѣдая муть легла,
И тиною хаоса мракъ побѣдный
За ней густѣлъ. Свой міръ она влекла

Къ слѣпой метѣ и зову двери мѣдной;
И на челѣ, средь гаснущихъ вѣнцовъ,
Мерцалъ звѣзды потусклой свѣточъ блѣдный.

*

Свой міръ она покрыла,—какъ птенцовъ
Сбираетъ мать охватомъ крылъ орлиныхъ,—
Густой волной клубящихся концовъ

Ризъ призрачныхъ, какъ пологъ ночи—длинныхъ..
И—ждущей тьмы плѣнительный залогъ—
Цвѣтъ, сорванный въ лазоревыхъ долинахъ,

У Вѣчности скрестившихся дорогъ,—
Въ ея рукѣ бѣлѣлъ нарциссъ горящій...
И взоръ тоски на роковой порогъ

Я обратилъ, молясь Животворящей,—
Той, что̀ вѣнокъ плела багряныхъ розъ,—
Связующей, Вѣнчающей, Дарящей!..

Пряма стоитъ... Зракъ неземной возросъ,
Отображенъ прозрительнымъ зерцаломъ...
И какъ Заря глядитъ надъ мрежей росъ

На блѣдный ликъ подъ звѣзднымъ покрываломъ,—
Утѣшнымъ такъ сіяючи лицомъ,
Даръ золотой: змѣю, хвостъ алчнымъ жаломъ

Язвящую, сомкнутую кольцомъ,—
Разлуки даръ, знакъ вѣчнаго начала,—
Съ торжественнымъ побѣдныхъ розъ вѣнцомъ,

Простерла той, что̀ буря смерти мчала...
Мигъ—и къ устамъ безкровнымъ льнутъ уста,
Перстъ обрученъ, чело любовь вѣнчала!..

И вѣчныя разъемлются Врата...
Какъ горный токъ въ бездонный крутень ринетъ
Пещернаго, зіяющаго рта,—

Иль вихорь смерчъ крутящійся надвинетъ,
И, разрѣшась, въ опустошенный долъ
Пучинный змій всей тяжкой тучей хлынетъ,—

Такъ поглощенъ былъ сонмъ... Какъ глыбный молъ
Волнъ космами зарытъ; но пали горы
Ревучія,—неколебимъ и голъ

Лежитъ прагъ бурь: незыблемые створы
Пугали такъ, изъ клубовъ мглы грозя,
Вновь тайною запечатлѣнной взоры.

Вся мо́рокомъ застлалася стезя,
Гдѣ пронеслось стихійное движенье;
И было зрѣть трехъ женъ очамъ нельзя.

Прозрачныхъ рукъ молящее сложенье,
Единое, являло предо мной
Жены слѣпой умильное служенье.

Гнѣвъ стиснутый я зрѣлъ руки иной:
Онъ ударялъ,—млатъ злобы безнадежной,
Проклятій млатъ,—по двери мѣдяно́й.

И тихій перстъ я зрѣлъ десницы нѣжной:
Чертилъ онъ рокъ неустрашимыхъ рунъ
Надъ таинствомъ скрижали неизбѣжной.

Слѣдъ огненный текучій велъ перунъ
Надъ таинствомъ скрижали безглагольной...
И сердце «Жизнь» прочло, слѣпой вѣщунъ

Своихъ надеждъ!.. Горѣлъ внизу продольной
Черты отвѣсъ, прямую раздѣливъ,
И кругъ надъ ней, въ себѣ—себѣ довольный...

Такъ! «Жизнь» вѣщалъ, власть круга дивно сливъ
Со властію двухъ крестныхъ чертъ побѣдной,
Египетскій святой іероглифъ!..

Мой разумъ смолкъ у грани заповѣдной..

МІРЫ ВОЗМОЖНАГО.

Памяти погибшаго.

(1890).

E se pensassi, come al vostro guizzo
Guizza dentro allo specchio vostra image,
Cio che par duro ti parebbe vizzo.

Dante, Purg. XXV.

«Скажи, мой вождь! Бѣжавъ земного плѣна
И странствій и страстей подъявъ немало,
Искуплена ль душа отъ власти тлѣна?»

И духъ въ отвѣтъ: «Глянуть въ сіи зерцала
Ей надлежитъ, да упадутъ предъ окомъ
Послѣднія земныя покрывала.

«Послѣднимъ будетъ ей тотъ взглядъ урокомъ.
Воззри жъ и ты; насытясь правды мёдомъ,
Будь напоенъ ея полынным сокомъ!..»

Темнѣло зеркало подобно вóдамъ;
Но зыбкое въ немъ брезжило движенье:
Влекомъ былъ взоръ его растущимъ ходомъ.

И спутникъ мнѣ: «Вотще сіе броженье
Познать ты хочешь ощупью догадокъ:
оозможнаго ты видишь отраженье.

«Какъ муть раствора дастъ сухой осадокъ,
Міровъ возможныхъ рѣянье готовитъ
Необходимый сущаго порядокъ.

«Чтó плоти взоръ напрасно долу ловитъ,
То видитъ духъ, въ сіе восшедшій мѣсто;
И видящій уже не прекословитъ.

«Но не страшись! Въ день оный будетъ вмѣсто
Квашни бродящей даръ святого хлѣба:
Божественной встаетъ закваской тѣсто».

Я различалъ въ зерцалѣ своды неба;
Невѣрный свѣтъ блуждалъ на ихъ просторѣ:
То не былъ свѣтъ Луны, ни слава Феба.

Я землю различалъ, и злое море;
Но зыбкія мѣшались ихъ равнины,
И воды шли, стеля далече горе.

И вспять катились, обмелѣвъ; низины
Преобращались, корчась, въ плоскогорье,
И гóрбились холмовъ крутыя спины.

И въ ложе новыхъ поймъ втѣснялось взморье;
И выдыхали трещины земныя
Огонь—воды рушительной подспорье.

И облаки ходили проливные,
И пламень хищный влага прогоняла,
И вновь цвѣли пожарища лѣсныя.

Природа непрестанно измѣняла
Невѣрный ликъ, колеблемый и смутный,
И сила силу скупо вытѣсняла.

И въ оной хляби, мрѣющей и мутной,
Я гибель многую прозрѣлъ, встревоженъ,
Нежившихъ душъ и жизни безпріютной.

«Увы!» я молвилъ: «каждый мигъ возможенъ
Возвратъ хаоса и конецъ живущимъ».
И духъ: «Взгляни, какъ человѣкъ ничтоженъ».

Свѣтлѣло. Міръ я зрѣлъ ко мнѣ бѣгущимъ.
Отчетливѣй стѣснялись кругозоры,
Какъ предъ летящимъ внизъ иль съ горъ идущимъ.

Свѣтъ привлекалъ довѣрчивые взоры—
Чтобъ ихъ измучить. Милые изломы
Являли предо мной родныя горы.

Геенскихъ силъ потухшіе разгромы;
Сугробомъ пепла скрытыя руины;
Съ утесовъ гордыхъ стертые Содомы;

Ползущей лавой чадныя долины;
Горъ обликъ, искаженъ проваломъ новымъ
И новою громадою лавины;

Грунтъ, подъ горячимъ дышащій покровомъ,
Какъ въ пѣнѣ конь, когда ѣздокъ усталый
Дастъ искромечущимъ остыть подковамъ,—

Таковъ былъ нынѣ край Помоны алой,
Родимыхъ лозъ и миртовъ и маслины!
Живыхъ не зрѣлъ свидѣтель запоздалый...

Но развивались явственнѣй картины
Дальнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ жатву вѣчной Жницы
Еще засталъ для горшей я кручины.

Увы, сколь многихъ жертвъ узналъ я лица!
Я зрѣлъ ихъ сонмъ, обваломъ заключенный
Въ ущелій безъисходныя темницы.

Какъ рой тѣнéй, скитаньямъ обреченный,
Вдоль шаткихъ стѣнъ искалъ онъ слѣпо двери—
И гробъ обрѣлъ подъ глыбой отсѣченной.

Спасенныхъ горсть—не жалость о потерѣ,
Гналъ дикій страхъ подъ скалъ нависшихъ своды:
Ползущихъ ницъ давилъ обвалъ въ пещерѣ.

Другихъ застигнулъ быстрый часъ невзгоды
На крутизнахъ, обглоданныхъ обрывомъ;
Ихъ бездна обняла, какъ островъ—воды.

Какъ овцы, въ стадѣ скучены пугливомъ,
Они стеклись; тѣснилъ безсильныхъ сильный
На ломкій край толчкомъ себялюбивымъ:

Пока съ высотъ потокъ лавины пыльной
Иль скалъ обрывъ съ подточенной основы
Всѣхъ не свергали въ бездны мракъ могильный.

Жестокій свѣтъ, очей палачъ суровый!
Я видѣлъ казней горшіе восторги
И жалкихъ общинъ образъ видѣлъ новый:

Презрѣвъ со Смертью неотступной тόрги,
Неистовой тутъ предавались страсти,
По жизни правя тризну низкихъ оргій...

Какъ удрученный зрѣлищемъ напасти
Изслѣдовать бѣду, опомнясь, хочетъ
И служитъ вновь ума холодной власти,—

Такъ думалъ я: «Мечта меня морочитъ!
Чей злой конецъ, постыденъ и ужасенъ,
Передо мной? Кого мой сонъ порочитъ?

«О, нѣтъ! Удѣлъ сихъ доблестныхъ прекрасенъ:
Ихъ имя молвятъ съ тихимъ умиленьемъ;
Невиненъ былъ ихъ день, и вечеръ ясенъ».

Но спутникъ мнѣ: «Еще ль ты полнъ сомнѣньемъ?
Изъ зеренъ жизни дикій колосъ всходитъ,
Взрощенъ слѣпыхъ Причинъ слѣпымъ сцѣпленьемъ.

«Но какъ садовникъ часто садъ обходитъ—
Вѣтвь отсѣчетъ, шестомъ поддержитъ ствόлы
И черенкомъ дичокъ облагородитъ:

«Такъ духамъ Цѣлей, чьи горятъ престолы
Въ заряхъ эоновъ, сей завѣтъ положенъ:
Въ благую гавань править міръ тяжёлый.

«Распутья есть, гдѣ путь и путь возможенъ:
Тамъ ихъ рукой ко свѣту рокъ направленъ;
Безъ нихъ—побѣда тьмы. Твой сонъ не ложенъ.

«Вотъ человѣкъ, себѣ лишь предоставленъ!
Вотъ міръ, своей довѣренный судьбинѣ!
Скользитъ, кому хранитель не приставленъ».

Отъ устъ вождя къ погибельной тѣснинѣ
Я взоръ склонилъ: въ окружности широкой
Людей, увы, не видно было нынѣ!

Лишь въ полумракѣ пропасти глубокой,
Надъ чернымъ устьемъ глубочайшей щели,
Ползъ остальной отъ пагубы жестокой.

Его колѣни, кровь лія, слабѣли;
Онъ былъ паденья жертва роковая;
Сомкнуты, новыхъ безднъ глаза не зрѣли.

Я жъ, за него крушась и изнывая,
Летѣлъ къ нему, столь жалостью влекомый,
Какъ бы страдала плоть моя живая.

И были мнѣ таинственно знакомы
Сей ликъ, и плащъ, и ратный срядъ Дамаска...
Томился онъ—и я пилъ оцтъ истомы.

Мучительная медлила развязка...
Разверзъ онъ очи въ ужасѣ; но, вѣрно,
Моихъ ланитъ была блѣднѣе краска...

Онъ на меня глядѣлъ въ тоскѣ безмѣрной;
Я жъ чувствовалъ, что̀ мыслитъ онъ, безгласный:
И сердце сжалъ мнѣ ужасъ суевѣрный..

Внезапно, торжествующій и ясный,
Намъ мужъ предсталъ: отважнымъ серны слѣдомъ
Онъ нисходилъ по крутизнѣ опасной.

Спасенья свѣтлый вождь, онъ былъ мнѣ вѣдомъ:
Онъ нѣкогда, наставникъ неизвѣстный,
Мнѣ привиталъ съ блаженнымъ дѣтскимъ бредомъ.

Онъ юношѣ являлся, благовѣстный,
Въ часы, когда звучитъ Ave Maria
И золотомъ пылаетъ сводъ небесный.

Въ слезахъ и пѣсняхъ сливъ хвалы святыя,
Въ сіяньи аломъ горъ, за звонкимъ стадомъ,
Мы покидали темени крутые.

И долго мнѣ, объяту дольнимъ хладомъ,
Съ высотъ свѣтилъ онъ, чистый и далёкій...
Но синева долинъ звала къ усладамъ...

Возвышенные тяготятъ уроки;
Пріязнь теряетъ неподкупно-правый,
На чьихъ устахъ—безмолвные упрёки...

Я слезы лилъ, увидя, рабъ лукавый,
По долгомъ снѣ порочныхъ нѣгъ и лѣни,
Святого друга образъ величавый...

Онъ руку далъ страдальцу—и колѣни
Его окрѣпли... Онъ восходитъ, сильный...
Являетъ путь природныя ступени...

И ужъ достигнутъ бездны край могильный;
И пройдены пустынныхъ скалъ пороги:
Тропой отлогой манитъ долъ умильный.

Шелъ безъ опоръ излуками дороги
Мужъ, упредивъ вождя: покатымъ склономъ
Легко несли его, окрѣпнувъ, ноги.

Онъ на пути властительнымъ поклономъ
Отвѣтствовалъ поклонамъ низкимъ встрѣчныхъ;
И мой дворецъ предсталъ въ саду зелёномъ.

Тамъ провождала бѣгъ часовъ безпечныхъ
На мраморѣ террасъ, толпа, пируя,
За чашею веселій скоротечныхъ.

Мнилъ каждый гость, разнузданно ликуя,
Себя владыкой; но поводья власти
Одна жена держала, торжествуя.

Я зналъ ее! Предъ нею въ бурной страсти
Я рабствовалъ... Но видѣлъ нынѣ, хладенъ,
Ея красу въ далекомъ безучастьи.

Къ иной женѣ мой взоръ, смущенъ и жаденъ,
Летѣлъ и узнавалъ сей ликъ печальный;
Вливалъ онъ въ сердце скорбь—и былъ отраденъ.

Я вспомнилъ нашъ союзъ порою дальной,—
Мой краткій жаръ и возникавшій холодъ,
Предупрежденный пѣснью погребальной.

Я вспомнилъ новой страсти жалкій голодъ,
Къ блудницѣ той уже меня стремившій,
Когда на гробъ тяжелый падалъ молотъ.

Глядѣли съ ней на пиръ, ее томившій,
Два отрока, обнявъ ея колѣни,
Пугливо ликъ на лоно къ ней склонивши.

И вотъ взошелъ на гладкія ступени
Съ покорнымъ другомъ человѣкъ спасённый:
И встали всѣ почтительно съ сидѣній.

Онъ оглядѣлъ гостей соборъ смущённый,
Какъ семьянинъ, въ дому нежданно маски
И бубновъ звонъ заставшій ночью сонной.

Но предъ женой съ дѣтьми стыдливой краски
Не побѣдилъ и, какъ бы сожалѣя,
Къ ней протянулъ объятья робкой ласки.

Жена стояла, подойти не смѣя,
Противорѣчьемъ связана стремленій;
А дѣти шли, потупясь и робѣя.

Онъ ихъ благословилъ; я жъ смыслъ явленій
Постигъ, его признавъ отцомъ—супругомъ:
Палачъ онъ былъ и жертва вожделѣній.

Онъ отъ жены, окованной испугомъ,
Ликъ отвратилъ, и женщина предстала,
Къ которой онъ горѣлъ любви недугомъ.

Она съ усмѣшкой дерзкой ожидала —
И, бросивъ на полъ кубокъ недопитый,
Лобзая и смѣясь, къ нему припала.

И на парчу скамей и бархатъ рытый
Онъ сѣлъ за столъ, съ подругой гордой рядомъ,
Ея рукой блистающей обвитый;

И властнымъ знакомъ и привычнымъ взглядомъ
Велѣлъ женѣ, недвижно-безотрадной,
Пришельцевъ чиннымъ потчевать обрядомъ.

Склоняясь подъ далматикой нарядной,
Она несетъ на блюдѣ драгоцѣнномъ
Въ рогахъ туриныхъ нектаръ виноградный.

Но даръ онъ отстранилъ перстомъ надменнымъ,
Улыбчиво подругу озирая,—
Простерла руку та за Вакхомъ пѣннымъ.

Тогда жена, обидою сгорая,
Хватаетъ рогъ — и выплеснула полный,
Побѣдный ликъ соперницы марая.

Сорвавъ съ бедра владыки мечъ тяжёлый,
Одна являла ярый гнѣвъ Мэнады,
Другая—блѣдный бунтъ и вызовъ голый.

Былъ кравчимъ — рушать жирныхъ яствъ громады —
Отточенъ ножъ: въ немъ, движима раздоромъ,
Жена искала мстительной ограды.

Но грозовымъ домовладыки взоромъ
Застигнута, ихъ распря цѣпенѣетъ;
Киваетъ онъ рабовъ ливійскимъ сворамъ.

Склоняя взоръ, собраніе нѣмѣетъ;
Воспрянуло толпой недоумѣлой
И радость новизны явить не смѣетъ.

Чуть тронута рабовъ рукой несмѣлой,
Ихъ госпожа владычно отстраняетъ;
И мечетъ ожерелье съ груди бѣлой,

И съ діадимой браный платъ роняетъ,
И, въ лоскутахъ одеждъ, простоволоса,
Съ помоста въ садъ безумный бѣгъ склоняетъ.

За нею дѣти рвутся внизъ съ откоса:
Такъ немощнымъ крыломъ орлята плещутъ,
Орлицѣ вслѣдъ стремясь летѣть съ утёса.

Вотще зоветъ ихъ мать. Побѣдой блещутъ
Соперницы привѣтствуемой очи...
Но свѣтлый гость возсталъ—и всѣ трепещутъ...

Какъ опекунъ со свиткомъ полномочій,
Онъ отроковъ изъ рукъ рабовъ пріемлетъ...
А на пути — отецъ, мрачнѣе ночи...

И держитъ руку гостя: гость не внемлетъ...
И выпускаетъ быстрый плащъ десница...
И вотъ, дѣтей, рыдая, мать объемлетъ.

Какъ отвращаетъ журавлей станица
Отъ Сѣвера, на Югъ собравшись, строи:
Такъ всѣ четыре отвратили лица.

И дрогнули въ тотъ мигъ добра устои
Въ душѣ владыки. Новый гнѣвъ питая,
Онъ преступленьемъ гналъ Эринній рои.

Онъ повелѣлъ—и, рѣзво вылетая
И слѣдъ обнюхавъ, за густые дубы
Помчалась псовъ натравленная стая.

Но прежде чѣмъ вонзились злые зубы
Въ тѣла гонимой пò лугу добычи,
На пасти вождь свой плащъ накинулъ грубый.

Бѣжали мать и дѣти. Алча дичи,
Терзали псы тенета плотной ткани,
Во тьмѣ віясь; и, чуя запахъ птичій,

Ослѣплены, загрызли гуртъ фазаній;
И предъ террасу, какъ палачъ, вернулись,
Свершившій долгъ свирѣпыхъ истязаній;

И прыгали, насыщены, и гнулись...
И видя кровь и пылъ животныхъ ярый
И клочья ткани, гости содрогнулись—

И, смущены концомъ кровавымъ свары,
Прощались, съ безучастьемъ осторожнымъ,
Съ безмолвнымъ осужденьемъ дикой кары...

Какъ море предъ ударомъ неотложнымъ,
Когда дымятся пѣнные прибои
И воздухъ полонъ крикомъ птицъ тревожнымъ;

Оболокли свинцомъ одѣты вòи
И хлябь, и твердь; изъ черныхъ волнъ, могутный,
Темнѣй, темнѣй на слой, на сизый, слòи

Толкаетъ вѣтръ; курясь, по тучѣ мутной
Клубится мракъ — и блещетъ искрой бѣлой
Пугливый вылетъ чайки безпріютной,—

Владыки ликъ, зловѣщій, потемнѣлый,
Дышалъ грозой... За чашей праздной сидя,
Наложницы не зрѣлъ онъ оробѣлой...

Какъ пиръ пустѣлъ и день угасъ—не видя,
Тàкъ онъ сидѣлъ... И—диво!—смутой равной
Я съ нимъ болѣлъ, стыдясь и ненавидя...

И на кумиръ Венеры своенравной
Съ улыбкой показавъ, жена коснулась
Его стопы съ виномъ стопòй заздравной.

И онъ отвергъ вино. И усмѣхнулась
Жена съ презрѣньемъ... Всталъ онъ, негодуя;
Въ тяжеломъ взорѣ ненависть проснулась...

Она стояла, въ немъ врага почуя,
Пряма, смѣла... Онъ, наступая строго,
Перстъ протянулъ, на выходъ указуя...

Жена, ступивъ на лѣстницу чертога,
Беретъ уборъ, соперницей гонимой
Раскинутый у гордаго порога,

И, надъ узо̀рочьемъ и діадимой
Глумясь, кидаетъ псамъ: отъ сна, несыты,
Вскочивъ, ярятся псы надъ пищей мнимой...

А онъ стоитъ надъ ней... Ища защиты,
Она воздѣла руки... и—кинжаломъ
Пронзенная—катясь, пятнаетъ плиты...

Онъ трупъ столкнулъ, какъ тать, и взоромъ впалымъ
Дворъ оглядѣлъ, и оглядѣлъ террасу,
И камни вытеръ оксамѝтомъ алымъ.

Стремятся псы къ облиту кровью мясу,
Но, ставъ, главы закидываютъ, воя:
Я, мнилось, внялъ протяжному ихъ гласу...

Онъ, блѣденъ, травитъ ихъ, межъ ними стоя̀:
Псы жъ не идутъ на трупъ и вѣроломно
Зовутъ людей, тоскливо землю роя...

Какъ бы осиленъ тяжестью огромной,
Онъ палъ на трупъ, и глазъ недвижныхъ жало
Въ меня изъ глубины вонзилось тёмной.

Лицо сознанья ужасъ отражало...
И я тотъ страхъ позналъ, и то же горе:
Мой волосъ всталъ, и сердце задрожало..

И я, съ догадкой роковою въ спорѣ,
Какъ призрака почуявшій явленье,—
Глаза сомкнулъ—и вновь раскрылъ ихъ вскорѣ...

Предчувствія смертельное томленье—
Оно сбылось!..—я самъ, я былъ убійцей!
Мой былъ тотъ ликъ! мое то преступленье!..

Вождь поддержалъ меня своей десницей;
Сокрылъ лице я; мракъ я звалъ кромѣшный;
Я жаждалъ искупить мой грѣхъ сторицей!

И духъ: «О, плачь! Плачь, въ скорби безутѣшной!
Рыдай, и рви власы, и смой проклятья
Съ души, безъ грѣшныхъ дѣлъ въ возможномъ грѣшной!

«Мнѣ судъ и месть! Здѣсь нѣтъ лицепріятья!
Тутъ всѣмъ манэ-ѳакелъ! Тутъ всѣмъ равѐнство!
Тутъ падшій и спасенный—снова братья!

«Чье внѣшнее случайно совершенство,
Презрѣнъ предъ тѣмъ, кто былъ любви радѣтель,
Но въ мигъ страстей забылъ ея главенство.

«Вознаградивъ страданьемъ добродѣтель,
Сей тихо плачетъ о забвенномъ кладѣ,
Несломленной судьбы своей свидѣтель,—

ИМЕНИ ТВОЕМУ.

Зрящія мгновенія въ глубины роковыя;—выступь пляски улыбчивой,—легкая, на краю зеленомъ;—безумье прекрасное жизни: вотъ, Господь мой и Богъ мой, душа моя,—пламенникъ, огнемъ снѣдаемый во славу Твою!

***, «Пламенники».

Взгляды,
Что̀, ка̀нувъ,
Назадъ не вернутся—
Повѣдать дно
Вихрю души,—
Она жъ схватилась,
Прильнула
Къ лозѣ висячей,
Что̀ шепчется съ Ужасомъ,—
Это—ты!

Жизни
Прекрасной

Святое безумье,
Межъ безднъ и безднъ
Рѣющій рай,
Надъ мракомъ облакъ
Расцвѣтшій,
Бѣгъ пляски звонкой
По стремямъ улыбчивымъ,—
Это—ты!

Вотъ душа моя,
Діонисъ!
Тебѣ горитъ
Мой пламенникъ!
Ты вѣешь—
И онъ сгораетъ!

СВѢТОЧЪ.

Αἰθομένα δὲ δᾴς ὑπὸ ξανθαῖσι
πεύκαις.

Pindar. Dithyr.

Пламенѣй,
Пѣснь безъ удилъ,
Откликъ свѣтилъ,
Въ дебри ночей
Око очей,
Свѣточъ хвалы,
Ярость смолы!
Быстръ —
Вихорь бичей,
Золотъ-ручей!
Яръ —
Сокомъ ключей
Брызжущій гроздъ,
Огненный систръ
Рѣющихъ звѣздъ!
Бога пожаръ!

Смѣй!
Гривы твои—
Облако змѣй!
Мрежи тѣней—

Путы твои!
Эхо твои—
Сѣвы огней,
Искристый дождь!
Рдѣющій боръ,
Вѣющій хоръ,
Полымя вой,
Зарево горъ—
Нива твоя,
Серпъ огневой!
Пажить твоя,
Конь буревой!
Туча и столпъ!
Жезлъ и змѣя!
Солнечный вождь
Пламенныхъ толпъ!.

Вѣя, нѣмѣй!
Эхо дубравъ,
Отзвуки горъ—
Племя Мэнадъ—
Спятъ, раскидавъ
Тирсы и змѣй...
Вѣщія спятъ...
Дышащихъ дрёмъ
Ты не буди!
Чуткихъ истомъ
Мимо иди!

Загляни,
Бѣгомъ луча
Вворы влача

По ступенямъ,
Въ ночь пропастéй!
Братскимъ огнямъ
Чуткихъ небесъ
Знамя вѣстей,
Откликъ чудесъ
Ты возметни!
Пламя меча
Къ нимъ протяни.
Свой ты тѣня́мъ,
Солнцамъ — ты свой
Эвой!

Раздирай
Ризу ночей,
И озирай
Бездну и твердь!
Съ вѣтромъ играй!
Смеркнувъ въ дыму,
Вдругъ пожирай
Бѣглую тьму!
Смертію смерть,
Богъ, поборай!
И до зари,
Фениксъ, гори!
Къ ней, пиръ очей,
Крылья лучей,
Къ ней простирай!
Въ ней догорай!..
Съ ней умирай,—
Рай!..

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Οὗτός ἐστι τῆς παλιγγενεσία
ὁ θεός (ὁ Διθύραμβος).

Hermias.

Строфа 1.

Встань, Диѳирамбъ! Не сякнуть
Ключи жизни!
Встань! Не вянетъ
Вѣнецъ Геи!
Играетъ Фениксъ
Надъ пальмой столпной;
И Вѣчность—Пастухъ
Свирѣлью вечернею
Овецъ свѣторунныхъ
Пажити синей
Не закликаетъ
Въ ограду Смерти...
Смерти?..
Но не умрете вы,
Не провябнувъ

Для жатвы Божьей
На нивѣ Ночи родимой,
Звѣздные сѣвы!

Антистрофа 1.

О, Діонисъ! не самъ ли
Ты—Смерть, Свѣточъ
Двоезарный,
Тѣней Солнце?
Гдѣ вѣтвье Древа?
Гдѣ корень темный?
Растешь ли ты въ День,
Иль въ Ночь, Свѣтъ полуночный?
О, топчущій гроздья
День—Виноградарь!
Багрецъ заката—
И пурпуръ утра,—
Эвій!..
Сѣмя, уснувшее
Въ колыбели
Чреватой Смерти,—
Гимнъ, плюща силой увитый,
Пой, змѣекудрый!

Строфа 2.

Пустынны,
О, Діонисъ! твои хо̀лмы.
Огнемъ одождяетъ
Священныхъ земель

Рудобурыя пажити
Небесъ воспаленное око.
Умолкнулъ Тмолъ.
Стремнинъ Парнасскихъ
Ели младыя не страждутъ
Отъ женъ-огненосицъ,
Раскинувшихъ по вѣтру
Кудрей амбросійныхъ смолъ.
Гдѣ гробъ сокровенный твой,
Богъ погребенный?
Но не сдержитъ Воскресшаго
Темный гробъ!

Антистрофа 2.

Наяды
Гдѣ твои? Амадріады?
Межъ плясокъ дельфиновъ
Не шествуешь ты
Синевою волнуемой
Къ вѣнцамъ острововъ—звѣздъ пучины;
И мраморы
Голубозарныхъ,
Лиросозвучныхъ утесовъ
Глядятъ—мавзолеи
Некрополя влажнаго—
Въ гроздно-синюю ночь морей...
Увей кипарисовъ ночь
Почками розы!
Незакатное Солнце пой,
Диѳирамбъ!

Строфа 3.

Взрадуйся, Мощь-Океанъ
Восшуми, взыграй,
Суровоокій,
Старецъ глубинный,
Океанъ!
Ты, свои дали и тайны
И дива и дали разверзшій
Очамъ соколинымъ
И сердцу хмурому
И рыщущимъ парусамъ
Поздняго племени
Чадъ Промеѳеевыхъ,—
Океанъ!..
Не пѣлъ Нереидъ сонмъ
Аргонавтамъ полунощнымъ,
Не пѣлъ имъ Орфей сладкогласный
Чья лира созвѣздій
Чуждые хоры,
Неслышима, движетъ
Надъ чуткими, бдящими мачтами...
Рока пѣснь
Твои вѣрныя,
Промеѳей,
За кормой неудержною
Заводятъ, рыдая,
Океаниды пустынныя,—
Да—бури вѣщунья—
Хохочетъ чайка...

Антистрофа 3.

Взрадуйся, новая Жизнь!
Возъиграй, взбушуй!
Идетъ, невѣдомъ,
Міру рожденный
Діонисъ!
Нѣтъ противленья незримымъ
Тирсамъ ликующей силы!
Нѣтъ міру пощады!
А вы, въ узилищѣ
Граней томимые,
Полною грудію
Бога вдохнете вы—
Имъ горѣть!
Кто дышитъ тобой, богъ,
Не тяжкй тому горныя
Громады, ни влаги, почившей
Въ торжественномъ полднѣ,
Стекло голубое!
Кто дышитъ тобой, богъ,
Въ алтарѣ многокрыломъ творенія
Онъ—крыло!
Въ бурѣ братскихъ силъ,
Окрестъ солнцъ,
Мчитъ онъ жертву горящую
Земли страдальной!..
Легкій подъемлетъ онъ твой яремъ!—
Но кто угадаетъ
Личину бога?..

Строфа 4.

Встань, богъ Диѳирамбъ, дохни
По тучамъ вешнимъ!
Клубныя, столпныя,
Толпы́ столпились,
Тяжкія влагой...
Дунь на яблонь трепетомъ,
Отряси бѣлъ цвѣтъ,
Снѣгомъ душистымъ вѣй!
Пахни́ на льды горные
Тепломъ—бурей!

Антистрофа 4.

Воскрѐсни, Земли Восторгъ,
Въ отпавшемъ сердцѣ!
Первенецъ Матери,
Встань, жизнещедрый
Духъ боговѣщій,
Встань, Избытка царскій сынъ!
Лѣсы темные
Древнюю пѣснь поютъ:
Поетъ Душа многая
Душѣ древней!..

Эхо.

Мы хороводъ ведемъ, вѣщую пѣснь поемъ—
Пѣснь твою, сердце земли родной!
Ширь всеобъятная, воля безвольная,
Неудержной души просторъ,
Непочатая, сила завѣтная,—
Ты—сырой ли Земли тоска,
Али темныхъ дубравъ, вѣтра ли буйнаго,
Али рѣчныхъ быстринъ, али морскихъ глубинъ,
Али тѣсна тебѣ вся поднебесная,
Сердце, сердце земли родной?..

ЦАРИ.

Васъ ждутъ вѣнцы
Тяжкаго золота:
И ваши руки
Дерзнутъ поднять ихъ,
Главы—нести ихъ,
О, терніемъ духа вѣнчанные,
Цари грядущаго,
Вы, жизнь подъявшіе
Безъ алчбы!

Вамъ суждены
Новые подвиги
Старинной славы,
И колесницы,
И лавръ послѣдній,
Отъ воли земной искупленные
И волю впрягшіе
Въ упрягъ ристалищный
Игръ земныхъ!

*

Надъ кубками тяжкаго золота поникли вы челомъ вѣнчаннымъ—семь на пирѣ; кубокъ восьмой, предъ мѣстомъ празднымъ,—нетронутъ,—уготованъ гостю, святъ богу.

Поникъ головой Тидей и видитъ—не вино недопитое на днѣ чаши, а кровь алую; Капаней—оцтъ; желчь—Этеоклъ; Гиппомедонъ—кровь черную, густую; Парѳенопей—полынь; Амфіарай—воду ключевую, студеную; черную желчь—Адрастъ.

Пьетъ Тидей, и говоритъ: «Упоенъ! Довольно!»

Пьетъ Капаней, и молвитъ: «На тучу наступилъ огненосецъ—и ужаленъ».

Пьютъ другіе—и не обмолвились словомъ.

Входитъ въ чертогъ Меламиъ, и возрадовались мужи на старца, и вскричали: «Привѣтъ, ухо чуткое! Радуйся, боговѣщій!»

Говоритъ Адрастъ: «Счастливъ ты, что не вѣнецъ золотой на челѣ твоемъ, а золотой вкругъ чела облакъ».

И Амфіарай: «Тебѣ пить кубокъ, уготованный гостю, святой богу».

Поднялъ Меламиъ кубокъ восьмой,—и вотъ, облако золотое надъ кубкомъ, и кубокъ держитъ Діонисъ влажноокій!

И взыграли сердца мужей, и вскипѣли кубки виномъ божественнымъ, и сѣни дубовъ тканью зелено-солнечной протянулись надъ столомъ пирнымъ, и темью межъ древнихъ стволовъ глянули очи дубравъ глубокихъ.

Улыбается богъ: «Гостей привелъ я къ вамъ на пиръ».

Зарычалъ Этеоклъ: «Нѣтъ мѣста на пирѣ».

Парѳенопей сказалъ: «Мы сняли личины».

«У насъ мечи!» воскликнулъ Тидей.

И Гиппомедонъ: «Падетъ, кто видѣлъ насъ безъ личинъ!»

Примолвилъ Амфіарай: «Или возьметъ наши личины».

Семь царей стоятъ въ вѣнцахъ древнихъ: и восклицаютъ семь царей: «Сразимся, цари гробницъ!»

И срываютъ семь царей вѣтвіе дуба золотое: и семь царей посыпали головы солью, и прославили бога Діониса.

И сбросили личины семь царей.

И убилъ Тидея Меланиппъ, Капанея—Полифонтъ, Этеокла—Мегарей, Гиппомедона—Гипербій, Парѳенопея—Акторъ, Амфіарая—Периклименъ, Адраста—Меланиппъ.

И надѣлъ личину Тидея Меланиппъ; и личину Капанея—Полифонтъ; и личину Этеокла—Мегарей; и личину Гиппомедона—Гипербій; и личину Парѳенопея—Акторъ; и личину Амфіарая—Периклименъ; и личину Адраста—Менекей.

И прославили бога Діониса.

НАПОЛЕОНЪ.

Ты самъ упоилъ
Разымчивымъ нектаромъ
Мойръ, обступившихъ
Ложе родившей,
Арей—Діонисъ!
И стражей—змѣй
Ты въ колыбель
Вложилъ младенца.
Медомъ вскормилъ его,
Млекомъ воспоилъ Земли
Въ пещерѣ тайной.
И повязью пурпурной
Очи затмилъ ему,
И юношу ринулъ
Въ бой мужей—
Слѣпца, полубога, провидца:
Да крови не видитъ,
Не видитъ Керы,
Не видитъ бездны,
Ахъ! и не видитъ

Цвѣтовъ умильныхъ
Свой свѣточъ ты
Предъ нимъ возжегъ
Звѣздой вожатой—
И краемъ безднъ
Ведомый шелъ
Тропою вѣрной;
Тропою легкой
Шелъ по змѣя̀мъ
Эринній спящихъ.
Незримой чашей
Ты укрѣплялъ
Усталаго;
Незримой флейтой
Будилъ уснувшаго.
Послушный шелъ онъ
Звѣздѣ вожатой,
По вѣнцамъ, по кро̀ви—
Слѣпецъ, полубогъ, звѣздовидецъ,—
И шумѣли надъ нимъ
Крылами славы
Побѣда-Дѣва
И Дѣва-Обида...
А ты глядѣлъ,
Веселяся сердцемъ,
На полубога,
Игрой со львомъ
Играя львиной...
И вдругъ
Свой свѣточъ—
Задулъ,—

Играя,
О, левъ! о, богъ!
Одинъ,
На хладной скалѣ,
Очнулся сновидецъ
Въ ночи беззвѣздной,—
И глухо подъ нимъ
Океаниды глубокія,
Стеная, пѣли
Древнія узы...

ГИППА.

"Η Ἵππα, τοῦ παντὸς οὖσα ψυχή,— λίχνον ἐπὶ κεφαλῆς θεμένη καὶ δράκοντι αὐτὸ περιστέψασα—ὑποδέχεται Διόνυσον.

Procl. in Tim.

Das Göttliche kommt auf leichten Füssen.

Fr. Nietzsche.

ГИППА.

Я колыбель, я колыбель-кошницу
На головѣ, Гиппа, несу.
Кольцами змѣй я колыбель вѣнчала:
Въ ней опочитъ рожденный богъ.

Я колыбель, Гиппа—душа дыханій,
Я колыбель богу несу.
Ты въ колыбель, богъ, низойди, рожденный!
И на главѣ моей почій!

Кольцами змѣй я колыбель-кошницу,
Кольцами змѣй вкругъ увила.

Стѐблемъ цвѣтка я поднялась изъ сердца
Темной земли—тебя пріять!

О, Діонѝсъ! отчихъ изъ чреслъ рожденный!
Ты въ колыбель, богъ, низойди!
Се, я изъ тьмы, Гиппа—душа, возникла
Стѐблемъ цвѣтка—нести свой цвѣтъ!..

ХОРЪ.

Трепетъ бѣжитъ въ жилахъ Земли родимой;
Взвѝлись орлы; вспухли валы;
Ропщутъ дубы̀; съ эхомъ играютъ громы;
Солнце свѣтлѣй; звучнѣй ключи.

ГИППА.

Сходитъ... Эвой!.. Трепетныхъ молній очи
Въ очи глядятъ... Обволокли
Тучей чело... Надъ головою змѣи
Звономъ поютъ... Главу тягчитъ...

Богъ, пощади! Богъ, ты нисходишь тяжкій!
Я ли снесу, я ли вмѣщу
Бремя твое, твой золотой избытокъ?..
Но низойди! Эванъ! Эвой!..

ХОРЪ.

Онъ низошелъ, Гиппа—душа дыханій,
И на тебѣ, легкій, почилъ!

Стебель застылъ, свѣтлый цвѣтокъ лелѣя...
Тихъ предъ тобой прозрачный міръ.

Вольный зефиръ съ нѣжнымъ цвѣткомъ игра-
О, какъ легко, Гиппа, легко! [етъ...
Ты ли несешь? Онъ ли несетъ?.. Вмѣстила ль
Бога душа? Душа ли—богъ?..

Ты колыбель, Гиппа—душа дыханій,
Ты колыбель бога несешь!
Молви: куда? Легкая, ты не волишь:
Богъ окрыляетъ вѣщій путь.

ТИШИНА.

ΕΙΡΗΝΗ.
Имя Мэнады Мира на вакхическихъ вазахъ.

Подъемъ и роздыхъ волнъ, безличье, безмятежность,
Усталость бѣлая и бѣлая безбрежность,
Въ туманѣ чайки крикъ, въ жемчужной зыби—грусть;
Вселенской маскѣ *Я* прощающее *Пусть;*
Въ личинѣ *Я—Не-Я* (и *Я* ему уликой!),
Двойникъ *Я* сущаго и призракъ блѣдноликій;
Богъ, мертвый въ гробѣ *Я* до третьяго утрȧ;
Покой пролитыхъ слезъ; крестъ Зла, и крестъ Добра:
Вы, символы судьбы, стоящей на порогѣ
Могилъ живущаго, начертанные въ Богѣ,
Ткачемъ во Времени закинутый узоръ,
Дыханья легкія! — вы умирите споръ
Казнящей жалости, плѣненнаго порыва,
Глухихъ раскаяній и буйнаго разрыва,—
Правдъ скорбныхъ вѣянья и мудрой тишины,
Вы, отрѣшенные, не вȯлящіе сны!..
Но, утѣшитель-богъ, самъ надъ душой глубокой
Носиться, Діонисъ, ты будешь, влажноокій,—
Отвѣтствовать уча пѣвучій хороводъ,—
Въ дубравѣ ль сплетшійся вкругъ ясной тайны водъ
Или кольцомъ колоннъ объятъ въ круженьи зыбкомъ,—
Улыбками—небесъ разгаданнымъ улыбкамъ!

SUSPIRIA.

Δακρυα μὲν σέθεν ἐστὶ πολυτλῆμον
γένος ανδρῶν.

Orph.

ПѢСНЬ РАЗЛУКИ.

Муза!
Пѣснь Любви—
И Разлуки, Муза!
Земную пѣснь—
Не на стру́нахъ златыхъ воспой,
Ихъ же строилъ счастливый богъ,
Хороводъ предводя богинь!
Пой, безутѣшная,
Чайкой нестройною,
Что̀ надъ моремъ усталымъ,
Тоскуя, рѣетъ
И въ зыби сѣетъ
Алчные стоны!

Муза!
Смерти пѣснь—
И Любви безсмертныхъ
Алканій пѣснь—
Не на флейтахъ унылыхъ пой,
Имъ же вторитъ, плющо̀мъ вѣнчанъ,

Вкругъ ѳимелы священный хоръ:
Пой, безотзывная,
Съ листьями поздними,
Чтȯ, съ покорной дубравы
Свѣвая, вѣетъ
И долу сѣетъ
Вѣтеръ веселый!

Муза!
Рокъ Любви
И Разлуки въ сердцѣ
Неутолимомъ рокъ—
Пой,—Разлуки вселенской пѣснь!
И кȧкъ, во мшистой глуши
Свȯдчатой рощи,
Осколкамъ бога
Плющъ съ повиликой
Да теренъ дикій
Ткутъ однотканый
Саванъ зеленый,—
Глубокогрудая Муза! обвей
Тоскою пѣсни
Обломки міра!

SUSPIRIA.

I.

НОЧЬ.

Non mi destar!
Michel Angelo Buonarroti.

Вся золотомъ мерцающимъ долина
Озарена:
Какъ тяжкій щитъ ночного исполина,
Встаетъ луна.

И снова мигъ у Вѣчности, у тёмной,
Отъемлетъ Свѣтъ;
И Матерь-Ночь ему, въ тоскѣ истомной:
«Мнѣ мира нѣтъ!..»

— «Я вышелъ въ путь; поютъ въ колчанѣ [тѣсномъ
Мои огни:
Дай расточить ихъ вò полѣ небесномъ —
И вновь усни!»

— «Чуть за̀ морем сойдешь ты, бранникъ
Въ эѳирный гробъ,— [блѣдный,
Дрожь чуткихъ сферъ и ржанье груди мѣдной
И мѣдный топъ

«Уже вѣстятъ Зарѣ неусыпимой
Багряныхъ вратъ,—
Что онъ грядетъ во славѣ нестерпимой,
Мой сынъ, твой братъ!

«Бѣгу его,—но мечъ крылатый брызжетъ,—
Ужъ онъ въ груди!—
И все, что̀ онъ зачалъ, и все, что̀ выжжетъ,
Поетъ: ,Гряди!'

«И я молю, любовію палима:
,Мертви меня!
Огня хочу! Хочу неутолимо,
Мой сынъ, огня!

«Рази же! Грудь отверста копьямъ ярымъ!
Ее мертви!
Но самъ—дыши божественнымъ пожаромъ!
Но самъ—живи!

«Одинъ—живи!..' Увы мнѣ! Лукъ незримый
Ужъ напряженъ...
Стрѣла летитъ... Мой богъ необоримый,
Мой богъ—сраженъ!..»

Твой сынъ угасъ!.. И стома скорби дремлетъ..
  «О, не буди!»—
И снова мигъ у Ночи Свѣтъ отъемлетъ...
  «Иль—побѣди!..»

II.

ВРЕМЯ.

Смерть и Время царятъ на землѣ:
Ты владыками ихъ не зови!

Вл. Соловьевъ.

И въ оный мигъ надъ золотой долиной
  Плыла луна...
Душа скорбитъ,— съ собой самой, единой,
  Разлучена!

Устала ты, невольница Мгновенья,
  Себя рождать,
Свой призракъ звать изъ темнаго забвенья,
  Свободы ждать,—

И воскресать, и, разгораясь, рѣять,
  И прозирать,—
Отгу́лы сферъ въ отзывахъ струнъ лелѣять,—
  И замирать...

Прекрасное, стоитъ Мгновенье. Вѣчность
  Хранятъ уста.
Безгласное, твой взоръ одинъ—вся Вѣчность
  Вся Красота!

И къ призраку подъемлю трижды длани,
И, трижды, онъ,
Какъ тонкій хладъ, бѣжитъ моихъ желаній,—
Какъ чуткій сонъ...

И Ткачъ все ткетъ; и Демонъ отъ погони
Не опочитъ.
Какъ мертвый вихрь, несутъ насъ глухо кони—
Насъ Время мчитъ.

Глядѣть назадъ съ бѣгущей колесницы—
Живыхъ удѣлъ,
Гдѣ плачетъ свѣтъ невѣдомой денницы
На Асфоделъ.

Надежда намъ и Смерть поютъ: «Забвенье!
Не сожалѣй!»—
«Воспомни все, и воскреси Мгновенье!»—
Цвѣты полей.

И, разлученъ, единой молитъ встрѣчи
Единый ликъ...
И шепчетъ вслѣдъ непонятыя рѣчи
Души двойникъ..

III.

ПСИХЕЯ.

Γῆς παῖς εἰμι καὶ οὐρανοῦ ἀστερόεν-
τος,—
δίψῃ δ' εἰμὶ αὔη καὶ ἀπόλλυμαι. ἀλλὰ
δότ 'αἶψα
ψυχρὸν ὕδωρ προρέον τῆς Μνημο-
σύνης ἀπὸ λίμνης.
Orph.

Мнѣ снилися: утесами задвинутъ,
Темничный долъ;
И ночь небёсъ; и—вёснами покинутъ—
Безлистный стволъ;

И узница подъ нимъ, слѣпой темницей
Окружена;
И сонмъ людей, идущихъ вереницей
Чрезъ двери сна.

Была ль мнѣ мать, жена ль она, сестра ли,
Была ли дочь,—
Ахъ! было мнѣ не вспомнить—и печали
Не превозмочь!

И скорбнаго влекла къ ней безглагольно
Любви тоска:
Такъ сладостно была мнѣ и такъ больно
Она близка.

Я вопросить горѣлъ—о чемъ?.. Нѣмѣла
Предъ Рокомъ рѣчь...

Мой взоръ назвалъ, чего и мысль не смѣла
И мысль наречь...

«Да» бѣдныхъ устъ молилъ я упреждая:
«Со мной иди!..»
— «Когда ты тотъ, кого ищу блуждая,—
О, изведи!..»

И каждаго я звалъ изъ шедшихъ мимо:
«Не ты ли, братъ,
Ту изведешь, что̀ здѣсь въ цѣпяхъ томима,
Изъ горькихъ вратъ?»

И съ лестью «братъ» я говорилъ притворной:
Зане былъ *я*,
Кто мимо шелъ—и чей былъ взоръ укорный
Мой судія.

И всѣ прошли... Одна изъ тверди зрящей
Звѣзда моя
Глядѣла въ долъ: и лучъ животворящій—
Былъ судія.

И я къ женѣ: «Твой другъ, твой отчужденный,
Забытый—я!..»
Мнѣ чуждый взоръ, мнѣ взоръ непробужденный
Былъ судія...

*

И снилось мнѣ: вдругъ свѣтъ взыгралъ ве-
И я рыдалъ... [ликій—
Кто были три, что̀ отвратили лики,—
Я угадалъ.

Тебя назвалъ мой ужасъ, Немезида!
Надежда, ты
Стояла съ нимъ, чьего, какъ солнце, вида,
Чьей красоты

Мой темный духъ, его лучей молящій,
Снести не могъ:
То Эросъ былъ,—алтарь любви палящей,
И жрецъ, и богъ.

Пожаръ смолы воздвигнутой десницей
Онъ колыхалъ;
И мотылекъ—всѣ отвратили лица—
Вблизи порхалъ...

Ужъ онъ въ перстахъ божественныхъ... При-
Ему горѣть!.. [вольно
Такъ сладко зрѣть мнѣ было казнь,—такъ
«Метнись—и встрѣть! [больно!..

«Испей! истай!..» И что̀ влекло—пахнуло...
Какъ два крыла,
Душа въ груди забилась... и вдохнула...
И—умерла!..

IV.

PIETÀ.

Алканьямъ звѣздъ изъ темныхъ нѣдръ эѳира
Дано мерцать:
Да—прахъ земли—вмѣстимъ Разлуку Міра
Мы созерцать,—

Вселенская Изида, вождь алканій,
Любовь! тебя
Да познаёмъ въ путяхъ твоихъ исканій,
Съ тобой скорбя,

Ища съ тобой растерзаннаго Бога
Нетлѣнный слѣдъ...
Ахъ! разлученъ въ нецѣльныхъ свѣтовъ много
Единый Свѣтъ!

О, систръ міровъ, и плектронъ воздыханій!
Вся Красота,
Одна Душа безчисленныхъ дыханій—
Pietà, Pietà!..

Отъ вѣка Онъ, безжизненный,—на лонѣ
Тоски твоей,
О, Темная на звѣздномъ небосклонѣ!
О, Мать Скорбей!

И я, тѣнь сна, Титановъ буйныхъ племя,
Ихъ пеплъ живой,—
Несу въ груди божественное сѣмя,—
Я, Матерь, твой!

Услышь (—и здѣсь Его свершились муки,
И умеръ Онъ!—)
Мой страстный вопль разрыва и разлуки,
Мой смертный стонъ!

V.

ЖЕРТВА.

Когда двухъ воль возносятъ окрыленья
Единый стонъ,
И снится двумъ, въ юдоли Раздѣленья,
Единый сонъ,—

Двумъ алчущимъ—надъ звѣздами Разлуки—
Единый ликъ,—
Коль изъ двухъ душъ исторгся смертной муки
Единый крикъ:

Се, Онъ воскресъ!—въ ихъ жертвенныя слёзы
Глядитъ заря...
Се, въ миртъ одѣтъ и въ утреннія розы
Гробъ алтаря...

И пригвожденъ (о, чудо снисхожденья!)
        На крестъ небесъ,
Умершій въ *нихъ* (о, солнце возрожденья!)—
        Онъ въ *нихъ* воскресъ!..

Свершилась двухъ недостижимыхъ встрѣча,
        И дольній плѣнъ,
Твой плѣнъ, Любовь, одной Любви предтеча,—
        Преодолѣнъ!

О, Кана душъ! О, въ гробѣ разлученья—
        Сліянье двухъ!
Но къ алтарямъ горящимъ отреченья
        Зоветъ васъ Духъ!

На подвигъ вамъ божественнаго дара
        Вся мощь дана:
Обрѣтшіе! вселенскаго пожара
        Вы—сѣмена!

Даръ золотой въ Его бросайте море
        Своихъ колецъ:
Онъ сохранитъ въ пурпуровомъ просторѣ
        Залогъ сердецъ...

Вы плачете?.. Мужайтеся совлечься
        Тяжелыхъ тучъ!
Гроза грядетъ... О, радуйтесь облечься
        Въ единый лучъ!

VI

ТЕБѢ БЛАГОДАРИМЪ.

Богъ страждущій, чьей страстной Чаши жа-
По Комъ горимъ! [ждемъ,
Зане въ Тебѣ, зане съ Тобою страждемъ,—
Благодаримъ!

Зато что Твой, и въ ризѣ страстотерпной,
Прекрасенъ міръ;
Зато что Жизнь изъ чаши неисчерпной
Пьетъ Твой Потиръ;

Зато что Ночь во всѣ концы пронзаютъ
Лучи Креста,
Зато что все зовутъ и всѣхъ лобзаютъ
Твои Уста:

Мы, чтò изъ солнцъ Разлуки совлеченный
Твой Крестъ творимъ,—
Тебя, съ Собой на Древѣ разлученный,
Благодаримъ!

За боль любви, за плачъ благодаренья,
За ночь потерь,
За первый крикъ, и смертный оцтъ боренья,
И смерти дверь,—

Зане прибой мятежный умираетъ
У кроткихъ Ногъ,—
Зане изъ безднъ Страданье прозираетъ,
Что съ нами Богъ,—

Зане Тебя, по Комъ въ разлукѣ страждемъ,
Разлукой зримъ,—
Богъ жаждущихъ, чьей страстной Чаши жаждемъ,—
Благодаримъ!

ГОСТЬ.

Вертоградъ мой на горѣ зеленой,
Въ немъ хожу подъ листвой золотою.
Море ль голубѣетъ предъ очами?
Застятъ оку милостныя слезы.
Гдѣ росой умильной слезы канутъ,
Загорятся маки на полянѣ,
Алой кровью брызнутъ анемоны.
Кто въ мой садъ стучится? Предъ оградой
Кличетъ кто меня? кто именуетъ?
«Въ добрый часъ, будь гостемъ, странникъ милый!
Не тебя ль и ждалъ я, братъ прекрасный?
Не тебя ль желалъ въ разлукѣ темной?
Ахъ, душа разлукою болѣетъ—
И не вѣдаетъ, по комъ тоскуетъ!»
— «Не на часъ меня зови ты гостемъ,
Не на срочную прими годину;
Ты не ставь мнѣ трапезы гостиной,
Ложа не стели въ дому высокомъ:
Въ золотомъ могилу вертоградѣ
Постели подъ звѣзднымъ кипарисомъ.»

Сталъ трехъ Дѣвъ я кликать изъ чертога:
«Ты, Печаль! ты, Милость! ты, Отрада!
Юношу дарами встрѣтьте, Дѣвы!
Выносите воду ключевую,
Бѣлый ленъ и мира дорогія,
Плачъ по гостѣ правьте погребальный!»
Наверху горы моей зеленой
Я изрылъ могилу на полянѣ:
Всѣ бъ глядѣли на нее свѣтила.
Хладное облобызалъ я тѣло;
Схоронилъ возлюбленное тѣло.
О полудни на холмѣ на рыхломъ
Выросталъ росточекъ кипарисный,
Потянулся къ небу вѣтвьемъ темнымъ;
Древомъ червленѣетъ на закатѣ,
Къ ночи сѣнь въ поднёбесье возноситъ,—
Въ сѣняхъ темныхъ просвѣтились звѣзды.

Вертоградъ мой на горѣ высокой,
Въ немъ сижу подъ звѣзднымъ кипарисомъ—
Слезъ не лью, утѣшный. Шепчутъ вѣтви;
Звѣзды внемлютъ. Тихи вѣтви; звѣзды
Имъ поютъ. Дрожатъ, какъ струны, корни
Въ голосъ имъ. Гора звучитъ созвучно
Небесамъ... И снова шепчутъ вѣтви...
Звѣзды гаснутъ. Край небесъ свѣтлѣетъ.
Изъ-за края моря брызжетъ солнце...
Гостя ликъ сіяетъ предъ очами...
Смотритъ въ очи милостное Солнце...

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 4.— «*Я служу... Адрастеѣ*». «Поклоняющіеся Адрастеѣ мудры», говорятъ Океаниды въ Эсхиловомъ «Промееѣ». По стоикамъ и орфикамъ, Адрастея—неизбѣжная, неотвратимая Судьба, мiровая Необходимость.

Стр. 38.— «*И въ плоть стремится жизнь чрезъ огнеструйный перстъ*». Образъ внушенъ «Сотворенiемъ Адама», Микель-Анджело.

Стр. 115.— ТЕРПАНДРЪ.— Въ византiйскихъ пересказахъ изъ потерянныхъ книгъ исторiи Дiодора читаемъ (Diod. VIII, 28 = Tzetz. hist. 1,385):

Когда Лакедемоняне подъяли межусобья,
Оракулъ былъ, что граждане къ согласью обратятся,
Коли Терпандръ Мееимнскiй имъ съиграетъ на кееарѣ.
И, мелосъ нѣкiй имъ съигравъ, Терпандръ, искусный лирикъ,
Вернулъ мятежныхъ дружеству и строю — пѣснью строя,
Какъ повѣствуетъ Дiодоръ. И, обратившись, мужи,
Обнявъ другъ друга, плакали, любовно цѣловали.

«*Седмиструнная*» кееара считалась изобрѣтенiемъ Терпандра.— «*Ѳивскiй зодчiй*»—Амфiонъ.—«*Чертомъ втканный*»—см. O. Müller, die Dorier, II, 334.— Оры (Дика, Эвномiя и Ирина) покровительствуютъ и гражданскому строенiю.

Стр. 118.— «*И съ Харитой перекликается*». Хариты, спутницы Гекаты и Гермеса, не чужды хтонической сферѣ.

Стр. 120.— «*Дикъ и золъ, какъ хищный барсъ*»: срв. «Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ» (Лермонтовъ).

Стр. 129.— «*Къ Афродитѣ звѣздной*». Объ Афродитѣ Ἀστερία см. Welcker, griech. Götterlehre, I, 673.

Стр. 132.— МОЛИТВА КАМИЛЛА.— См. Plut. Cam. 5; Liv. V, 21, 14 sq.

Стр. 135—160.— THALASSIA.— Первое стихотвореніе описываетъ Cap Martin; шесть слѣдующихъ (стр. 138—143) — Ривьеру di Ponente; «Сфинксъ глядитъ» — Неаполитанскій заливъ; «Въ Челнѣ по Морю, I» — Тирренское море, «II» и «III»—океанъ у береговъ Бретани. Послѣднія стихотворенія (стр. 155—160) внушены природою Сѣвернаго Корнуоля.

Стр. 171. — «*Онъ, тайну Мойръ шепнувшій въ мірѣ*». Авторъ имѣетъ въ виду извѣстный разсказъ Аристотеля у Плутарха, ad Apoll. 27, о Силенѣ (онъ же, по позднѣйшимъ представленіямъ,—Сатиръ), пойманномъ Мидасомъ и противъ воли открывшемъ царю, что наилучшій жребій — не родиться на свѣтъ, а слѣдующій за нимъ— вскорѣ по рожденіи умереть.

Стр. 196.—IL GIGANTE—народное прозвище знаменитаго «Давида». Извѣстно, что молодой Микель-Анджело изваялъ его изъ куска мрамора, уже обсѣченнаго для другой статуи.

Стр. 197.—MAGNIFICAT.—Этотъ сонетъ, какъ и предъидущій, посвященъ впечатлѣніямъ Флоренціи.— «*Рокъ мечей*» — Septem Dolores.— «*Се азъ, раба*» («Ecce Ancilla Domini»)—неточность: Богоматерь чертитъ именно «*Magnificat*» («Величитъ душа моя Господа»).— Послѣдній терцетъ намекаетъ на «Поклоненіе Пастырей» Лондонской Національной Галлереи. Все въ этой, едва ли не послѣдней, картинѣ Боттичелли—и, яснѣе всего, сдѣланная на ней самимъ художникомъ надпись — свидѣтельствуетъ о мистическомъ омраченіи его души въ послѣдніе годы жизни, обусловленномъ трагическимъ конпомъ Савонаролы.

Стр. 200.—«*Восточный стражникъ—мысъ*»—Porto Fino, напоминающій своею формой коринѳскій шлемъ.

Стр. 203.— SPECULUM DIANAE—древнее народное названіе озера Неми, близъ Рима (Serv. Aen. VII, 515). Тамъ сосредоточивался культъ Діаны Арицинской (Nemorensis) и въ Августовскія Иды совершался обрядъ, о которомъ упоминаютъ послѣдніе стихи.

Стр. 204.—L'ARCO MUTO—древнія руины близъ Porto d'Anzio.

Стр. 207.—КОЛИЗЕЙ.—Когда, при папахъ, Колизей еще былъ цѣлью крестныхъ ходовъ и мѣстомъ молитвы, на нераскопанной аренѣ былъ водруженъ, по разсказу очевидцевъ, крестъ.

Стр. 208.—LA STANZA DELLA DISPUTA.—Сонетъ называетъ фрески Рафаэля: «Disputa del S. Sacramento» и «Аѳинская Школа», на стѣнахъ ватиканской Camera della Segnatura,—«Iustitia», «Philosophia», «Theologia» и «Poësis», на ея плафонѣ.

Стр. 209.—СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА.—Въ сонетѣ послѣдовательно упоминаются фрески Микель-Анджело: «Сотвореніе Солнца и Луны», «Сотворене Адама», «Пророки», «Сивиллы», «Предки Христовы», «Страшный Судъ».

Стр. 210. — СИРАКУЗЫ.—«*Фіалкокудрыя*» — эпитетъ Музъ у Пиндара.— *Ареѳуза* — нимфа сиракузскаго источника—бѣжала изъ Пелопоннеса подъ воды Іоническаго моря, преслѣдуемая влюбленнымъ въ нее потокомъ — Алфеемъ,— миѳъ, въ новой литературѣ прославленный Шелли.

Стр. 210.—ТАОРМИНА.—Объ отождествленіи Діониса съ Солнцемъ см. Lobeck, Aglaophamus, 296 . 498; Welcker, gr. Götterl. I, 411 Sam Wide, lakonische Cultę, 161.

Стр. 244 — 254.— LAETA. — Характеристика Пантеона болѣе вѣрна духу древняго пантеизма, нежели историческому значенію памятника. — «*Вѣчною дышитъ весной*»—срв. «semper florentis Homeri» (Lucret. I, 124, по Эннію).— «*Богъ ли, богиня ль*» — древняя молитвенная формула.— «*Римъ золотой*»— «aurea Roma».— «*Вотъ путь побѣдъ*» и т. д.: разумѣются Via Sacra, Rostra, aedes Concordiae, арка Септимія Севера, колонна Фоки.— Гипербола «*весь*» была бы чрезмѣрной, еслибы рѣчь шла не объ иллюзіи перспективы; и слова «*храни свои нищія ризы*», могли бы показаться излишними, еслибы дѣло разрушенія Рима мертвыхъ торжествующею пошлостью живыхъ не продолжалось донынѣ.—«*О небесномъ ущербѣ*» — «caelestia damna» Горація.

Стр. 257.— МИСТИКА.— Чрезъ нѣсколько лѣтъ по написаніи этого двустишія авторъ нашелъ ту же мысль, выраженную тѣмъ же образомъ, въ латинскомъ стихотворномъ хваленіи св. Бенедикту, начертанномъ на стѣнахъ монастыря Sacro Speco въ Субіако (срв. сонетъ на стр. 206).

Стр. 266. — TAT TWAM ASI (Упанишады) значитъ: «Это (именно, каждый отдѣльный индивидуумъ)—ты (самъ)».

Стр. 280.— *Рахиль* и *Лія* — символы дѣятельной и созерцательной жизни у Данта (по Ѳомѣ Аквинскому) и во всемъ искусствѣ Средневѣковья и Возрожденія.

Стр. 302.—«*Египетскій святой іероглифъ*»—crux ansata (*ankh*).

Стр. 335.— ЦАРИ. — Имена Царей подсказаны миѳомъ о Семи противъ Ѳивъ, а символика дѣйствія преимущественно культомъ Діаны Nemorensis, обильно освѣщеннымъ въ книгѣ Frazer'a «The golden Bough» (срв. Renan, le Prêtre de Némi).

Стр. 353.— ПСИХЕЯ.— Образы Психеи, прикованной къ безлистному дереву, и Психеи-мотылька, сжигаемаго Эросомъ на пламени факела, въ присутствіи Немезиды и Надежды,— причемъ всѣ трое изъ состраданія отвращаютъ лица отъ зрѣлища казни,— внушены древними пластическими изображеніями (см. Collignon, Psyché).

Стр. 356.—PIETA.—«*Тѣнь сна*»—слова Пиндара (Пиѳ. VIII, 95).— По орфическому миѳу, люди возникли изъ праха Титановъ, испепеленныхъ Зевсомъ за растерзаніе и пожраніе Діониса. «*Темная*»— одинъ изъ эпитетовъ Изиды.— Изида ищетъ тѣла Озириса, разорваннаго на части, какъ былъ растерзанъ и Діонисъ, и отождествленнаго Греками съ ихъ Діонисомъ.—Какъ изображенія Изиды съ Горосомъ на рукахъ напоминаютъ художественный типъ Мадонны съ Младенцемъ, такъ типъ «Pietà» намѣченъ древними въ изображеніяхъ Эосъ и Кефалоса, и Ніобеи (Stark, Niobe 203, Taf. V).

Изъ стихотвореній этого сборника ранѣе появились въ печати: «Тризна Діониса» — въ «Космополисѣ» 1898 года; «Дни Недѣли», «На Мигъ», «Воспоминаніе», «Полетъ», «Сны»—въ «Вѣстникѣ Европы» 1898 и 1899 годовъ.

ПЕРЕВОДЫ ЭПИГРАФОВЪ.

Заглавная страница.—*«Немногое извнѣ* (пещеры) *доступно было взору; но чрезъ то звѣзды я видѣлъ ясными и крупными необычно»*. Дантъ.

Стр. 2.—*«Ты будишь и живишь рѣшеніе крѣпкое: безостановочно къ бытію высочайшему стремиться»*. Гете (о Землѣ).

Стр. 3.—*«И обвѣвала ее, и окрестъ дышала красота»*. Гимнъ къ Деметрѣ.

Стр. 7.—*«Любовь, что движетъ Солнце и другія звѣзды»*. Дантъ.

Стр. 12.—*«Велика тѣхъ любовь, кто любятъ во грѣхѣ и страхѣ»*. Байронъ.

Стр. 13.—*«На полпути земного бытія»*. Дантъ («Адъ», переводъ Н. Голованова).

Стр. 18.—*«Предчуй! Ты обрѣтенъ! Вѣрь взору новаго дня»*. Гете.

Стр. 22.—*«Изначальнѣе благостроенія—безначаліе»*.

Стр. 38.—*«Вспомни, что ты живъ,—и иди»*.

Стр. 43.—*«А виноградникъ* (Діониса) *былъ угрюмъ, и мраченъ виноградъ, и какъ-бы плакало гроздіе»*. Гимерій.

Стр. 67.—*«Зовите Матерью Землю»*. Додонскій оракулъ.—*«Все это—члены Пана»*. Орфическій гимнъ.

Стр. 93.—*«Ахъ! и земля не остужаетъ любви!»*. Гете.

Стр. 97.—*«Судьбы согласнаго ведутъ, и несогласнаго влекутъ»*. Сенека.

Стр. 104.—*«И яблоки золотыя прекрасныя отъ звучноголосыхъ Гесперидъ»*. Орфическій стихъ.

Стр. 109.—*«Вотъ божественнѣйшее: Познай самого себя»*. (Гноѳи Савтон—надпись Дельфійскаго храма). Гераклитъ.—*«Углубленному въ эти думы и потерянному въ размышленіяхъ ночи и*

дни, предстало мнѣ заповѣданное Дельфійскимъ богомъ уразумѣніе, чтобы самъ себя позналъ духъ и почувствовалъ себя единымъ съ мыслью божественной, каковое постиженіе исполняетъ его радостію ненасытимою». Цицеронъ.

Стр. 122.—«*Въ его членахъ движутся мелодіи вѣчныя*». Гете.—«*Фебъ здѣсь: звонъ издали лиры, звякнули колчаны*». Овидій.

Стр. 134.—«*Довольно жилъ я—въ мѣру ли жизни, въ мѣру ли славы*». Цезарь.

Стр. 146.— «*Доколь они были тѣсно вмѣстѣ, живые надъ бездной, уста ихъ единились въ исторгнутомъ души, неумолимо-слитомъ лобзаніи*». Россетти.

Стр. 162.—«*Рано дано имъ насладиться вѣчнымъ свѣтомъ; къ намъ же нисходитъ онъ послѣ*». Гете.

Стр. 242.—«*О, Природа, богиня Всематерь!*» Орфическій гимнъ.

Стр. 244.—«*Благослови, Римъ: тебѣ слагается пѣснь!*» Проперцій.—«*Съ печальнымъ мѣшается радостное*». Овидій.

Стр. 264.—«*Согласно съ природою жить*». Стоики.

Стр. 268.— «*О, вы, чей разумъ здравъ, ученіе зрите, скрытое подъ покрываломъ стиховъ странныхъ*». Дантъ.

Стр. 304.—«*Если ты подумаешь, какъ при вашемъ движеніи движется въ зеркалѣ вашъ образъ,— то́, что́ мнится труднымъ, покажется тебѣ легкимъ*». Дантъ.

Стр. 325.—«*И факелъ, пылающій подъ русыми елями*». Пиндаръ.

Стр. 328.—«*Сей* (Діонисъ-Диѳирамбъ) *есть богъ возрожденія*». Герміасъ-Неоплатоникъ.

Стр. 341.—«*Гиппа, душа вселенская, колыбель возложивъ на главу и змѣями увѣнчавъ колыбель-кошницу, принимаетъ Діониса*». Проклъ-Неоплатоникъ.— «*Божественное грядетъ легкой стопой*». Ницше.

Стр. 346.—«*Слезы твои—многострадальный родъ людской*». Орфическій стихъ.

Стр. 349.—«*Не буди меня*». Надпись Микель-Анджело къ статуѣ «Ночь».

Стр. 353.—«*Я—дочь земли и звѣзднаго неба, но изсохла отъ жажды и погибаю; дайте мнѣ тотчасъ напиться воды студеной, истекающей изъ озера Памяти*». Надпись на золотой пластинкѣ, сопровождавшей покойника въ гробъ, по обычаю орфиковъ (Inscr. Gr. Sic. It. 638).

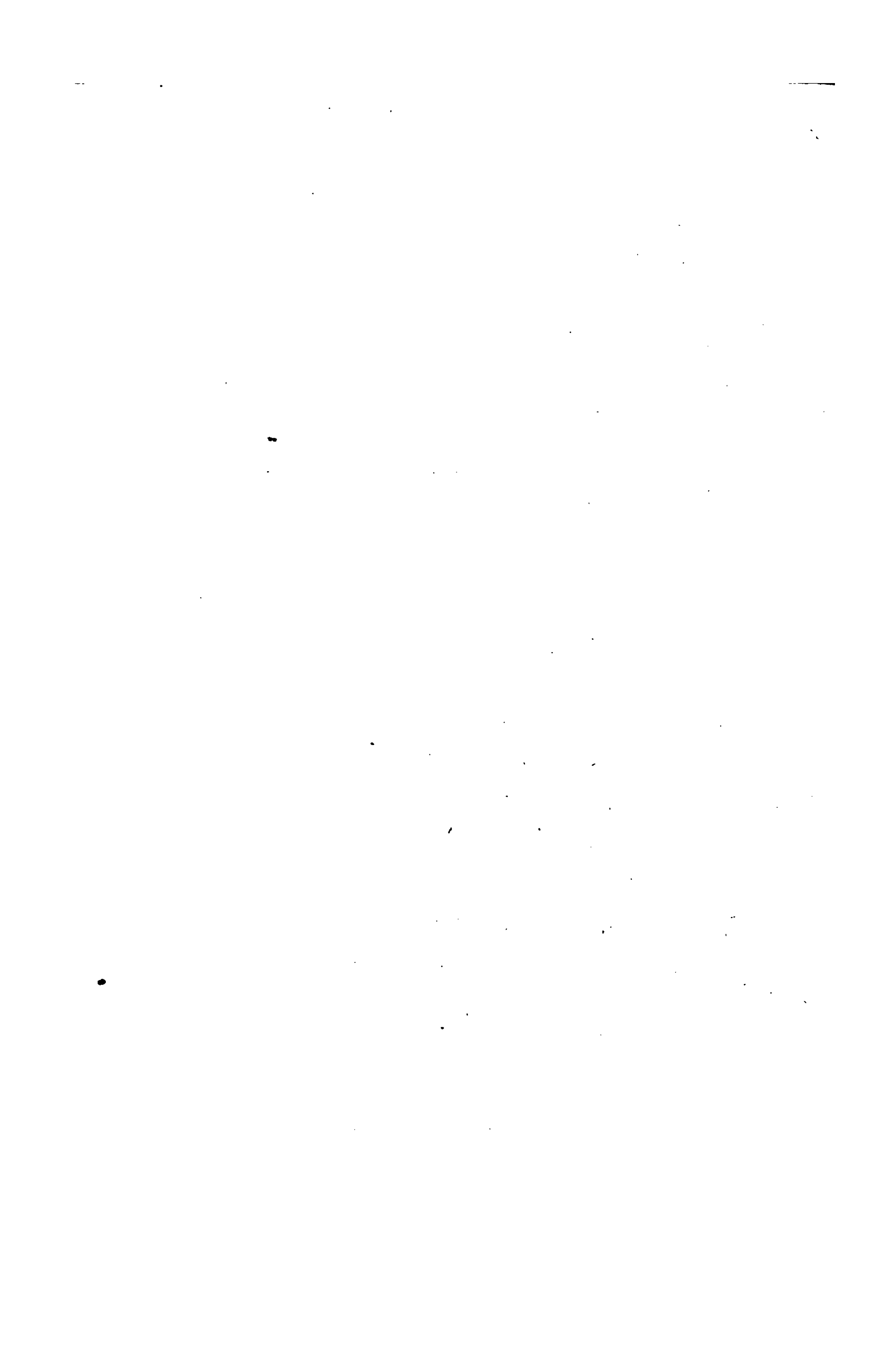
Къ стр. 202.

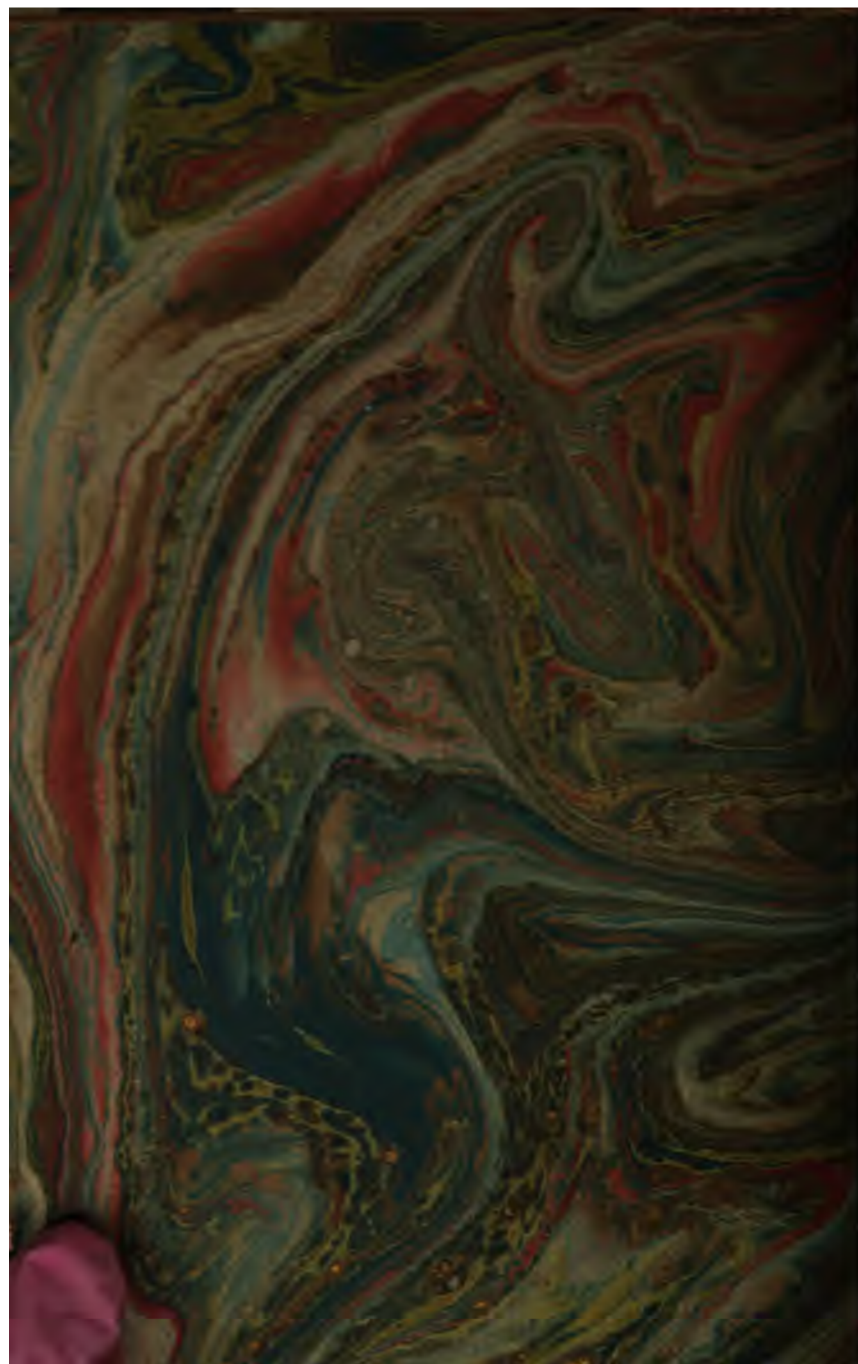
Въ 10-мъ стихѣ сонета «Лунный Плѣнъ» напечатано: *свода*; читать должно: *крова*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

DATE DUE

	MAR 25 1988		

